

ПОРТРЕТ

ДОРИАЦА

ГРЕЯ

СБОРНИК

ОСКАР УАЙЛЪД

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Уайльд О.

Портрет Дориана Грея (сборник) / О. Уайльд — Книжный
Клуб «Клуб Семейного Досуга»,

ISBN 78-5-9910-3702-0

Под этой обложкой собраны лучшие произведения классика мировой литературы, гениального писателя, поэта и драматурга Оскара Уайльда – человека, который не боялся бросить вызов обществу и для которого Искусство стало спасением от скуки, пошлости и лицемерия викторианской Англии. Его единственный роман «Портрет Дориана Грея» о декадансе, двуличии и красоте, который стал своеобразной проповедью теории эстетизма, остроумнейшая из когда-либо шедших на британской сцене комедия «Как важно быть серьезным», чудесные сказки и яркие ироничные рассказы – небольшая, но любимая многими часть блистательного творческого наследия Оскара Уайльда.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 78-5-9910-3702-0

© Уайльд О.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Портрет Дориана Грея	6
Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	68
Глава 10	74
Глава 11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея. Сборник

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

Портрет Дориана Грея

Предисловие

Художник – человек, создающий прекрасное. Цель искусства состоит в том, чтобы показать себя и спрятать художника. Критик – человек, который может по-новому отразить свои впечатления от прекрасного. Высшей и в то же время самой бездарной формой критики является автобиография. Люди, которые находят отвратительные черты в прекрасном, испорчены. У них самих не осталось ничего прекрасного. И это ошибка.

Те, кто видит в прекрасном только прекрасное, – избранные. Для них еще остается надежда. Они одни из немногих, для кого прекрасные вещи означают красоту.

Нет моральных или аморальных книг. Есть хорошо написанные книги, а есть плохо написанные книги. Вот и все.

В девятнадцатом столетии людям не нравится реализм: он делает их злыми, как Калибан¹, когда тот в зеркале видит свое лицо.

Нравственная жизнь человека – это часть работы художника, однако мораль искусства заключается в совершенном использовании несовершенных средств. Художник не стремится ничего доказывать. Даже то, что истинно может быть доказано. У художника не может быть этических пристрастий. Они приводят к недопустимой манерности стиля. Художник не воспринимает вещи болезненно. Он способен выразить все что угодно. Мысль и слово для художника – рабочий материал. Порок и добродетель для художника – рабочий материал. С точки зрения формы музыка становится прототипом всех искусств. С точки зрения чувств им становится актерская игра. Любое искусство одновременно лежит на поверхности и таит в себе символ. Те, кто пытаются углубиться в него, рискуют. Те, кто раскрывают символ, рискуют не менее. На самом деле искусство отражает зрителя, а не жизнь. Если произведение искусства вызывает разные мнения, это значит, что это произведение новое, сложное и нужное. Если критики расходятся во мнениях, то художник остался верен самому себе. Мы терпим человека, который сделал что-то полезное, пока он не начинает этим увлекаться. Единственным оправданием создания бесполезной вещи может стать страстная любовь к своему творению.

Искусство, по сути, бесполезно.

Оскар Уайльд

---

¹ Калибан – персонаж драмы Шекспира «Буря», символ дикости, невежества, темных сил.

Глава 1

Мастерскую художника наполнял чудесный запах роз, а когда легкий летний ветерок проникал через открытые двери, он приносил с собой из сада то насыщенный аромат сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника. Лорд Генри Уоттон, по своему обыкновению, лежал на персидском диване и курил сигареты одну за другой. Отсюда он мог поймать взглядом блики солнца на золотисто-медовом цвете ивняка, хрупкие ветви которого едва держали на себе такую красоту; на шелковых портьерах, что закрывали огромное окно, время от времени появлялись странные тени птиц, которые пролетали мимо. Возникало впечатление, что портьеры японские. Это заставляло его задуматься о несчастных художниках Токио, которые пытаются средствами неизменно неподвижного искусства воспроизвести движение и скорость. Густое монотонное гудение пчел, которые пробивали себе путь сквозь некошеную траву или просто настойчиво кружили вокруг цветов в саду, делало тишину невыносимой. Глухой шум Лондона доносился сюда, как гудение далекого органа.

В центре комнаты, закрепленный на вертикальном мольберте, стоял портрет невероятно красивого юноши в полный рост, а перед ним, немного поодаль, сидел автор картины, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад вызвало в свое время такой ажиотаж и породило столько странных домыслов.

Художник смотрел на то, как удачно он сумел отразить красоту и грацию в своем творении, довольная улыбка не оставляла его лица. И вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

– Это твоя лучшая картина, Бэзил, лучшее из того, что ты когда-либо делал, – небрежно пробормотал лорд Генри. – Ты просто обязан выставить ее в галерее Гросвенор в следующем году. Академия искусств великовата и слишком банальна. Когда бы я туда не пришел, там или так много людей, что я не в состоянии посмотреть на картины, что просто ужасно, или так много картин, что мне некогда смотреть на людей, а это еще хуже. Так что Гросвенор – это единственное подходящее место.

– Не думаю, что выставлю ее где-либо, – ответил художник, странным движением откидывая голову назад, из-за чего друзья в Оксфорде смеялись над ним. – Я не буду ее нигде выставлять.

Лорд Генри поднял брови и в изумлении посмотрел на него сквозь тонкие голубые кольца дыма, причудливо вьющиеся от его пропитанной опиумом сигареты.

– Нигде не выставлять? Мой дорогой друг, почему? У тебя есть на это какие-то причины? Какие же вы, художники, все же чудаки. Вы идете на все, чтобы завоевать репутацию. А заработав ее, делаете все, чтобы от нее избавиться. Ты делаешь глупость, ведь хуже, чем когда о тебе говорят, бывает только тогда, когда о тебе не говорят. Этот портрет возвысил бы тебя над всеми молодыми художниками Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще способны испытывать какие-либо чувства.

– Я знаю, тебе это покажется смешным, – ответил он, – но я действительно не могу выставлять его. Я вложил в него слишком большую часть себя.

Лорд Генри вытянулся на диване и захохотал.

– Слишком большую часть себя? Честное слово, Бэзил, зря ты так говоришь: я действительно не могу найти ничего общего между твоим грубым, сильным лицом, твоими черными как смоль кудрявыми волосами и этим юным Адонисом, который, кажется, изваян из слоновой кости и лепестков роз. Действительно, дорогой Бэзил, он же Нарцисс, а ты – нет, ну у тебя, конечно, умное выражение лица и тому подобное. Но красота, подлинная красота заканчивается там, где начинается интеллектуальность. Интеллект сам по себе некото-

рая аномалия, он нарушает гармонию лица. Как только человек начинает мыслить, его лицо превращается в сплошной нос, сплошной лоб или еще какой-то ужас. Посмотри на людей, достигших успеха в умственной работе. Ну они же абсолютно гадкие! Единственное исключение – это, конечно, церковь. Но в церкви им не надо думать. Епископ в восемьдесят лет говорит то же самое, что ему велели говорить, когда он был восемнадцатилетним юнцом, и поэтому вполне естественно, что он прекрасно выглядит. Твой таинственный молодой друг, имя которого ты никогда не называл мне, но чей портрет меня так завораживает, никогда не думает. Я полностью в этом уверен. Он – волшебное безмозглое создание, которое следует иметь при себе зимой, когда нет цветов, чтобы порадовать глаз, и летом, когда нужно что-то, чтобы расслабить ум. Не льсти себе, Бэзил: ты на него ничуть не похож.

– Ты не понимаешь меня, Гарри, – ответил художник. – Конечно, я на него не похож. Я это прекрасно знаю. На самом деле я бы и не хотел быть похожим на него. Ты пожимаешь плечами? Я говорю серьезно. Людей, которые так отличаются физически или умственно, преследуют несчастья, именно те несчастья, которые на протяжении всей истории ставят королей на колени. Лучше не отличаться от других. Дураки и уроды живут лучше всех. Они могут спокойно сидеть сложа руки. Они не знают вкуса побед, но и поражений никогда не испытают. Они живут так, как следовало бы жить нам всем: их ничто не беспокоит, они нейтральны, и главное – в их жизни нет тревог. Они не разрушают чужие жизни и не получают зла в ответ. Твой статус и богатство, Гарри, мой ум, каким бы он ни был, мои картины, чего бы они ни стоили, красота Дориана Грея – за все, что подарил нам Господь, нам придется страдать, очень сильно страдать.

– Дориан Грей? Так вот как его зовут... – переспросил лорд Генри, подойдя к Бэзилу Холлуорду.

– Да, это его имя. Я не хотел тебе говорить.

– Но почему?

– Не знаю, как это объяснить. Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. Это все равно что отдать часть его самого. Со временем я полюбил таинственность. Кажется, это единственное, что может сделать современную жизнь увлекательной и загадочной. Обыкновенная безделица приобретает удивительные черты, стоит только скрыть ее. Уезжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда я направляюсь. Если бы признавался, я потерял бы всякое удовольствие. Это глупая привычка, смею заметить, но почему-то это приносит много романтики в жизнь. Ты, наверное, считаешь меня полным дураком из-за этого, не так ли?

– Нисколько, – ответил лорд Генри, – нисколько, дорогой Бэзил. Ты, кажется, забыл, что я женат, а одна из прелестей семейной жизни заключается в том, что она делает обман необходимым для обоих. Я не знаю, где моя жена, и моя жена никогда не знает, что я делаю. Когда мы встречаемся, а это приходится делать время от времени, чтобы вместе пообедать или посетить герцога, мы рассказываем друг другу всякие небылицы с самым серьезным видом. Моя жена преуспела, это у нее получается намного лучше, чем у меня. Она никогда не путается в своих рассказах, а вот со мной такое случается всегда. Однако, когда она выводит меня на чистую воду, то не устраивает ссор. Иногда мне даже хотелось бы этого, но она просто смеется надо мной.

– Я не люблю, когда ты так говоришь о супружеской жизни, Гарри, – сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. – Я считаю, что ты замечательный муж, но почему-то упорно стыдишься своей добродетели. Удивительный ты человек. Ты никогда не говоришь ничего нравственного и никогда не делаешь ничего безнравственного. Весь твой цинизм – это просто игра на публику.

– Быть естественным – это бездарная игра на публику, и самая раздражающая, – воскликнул лорд Генри со смехом, и двое молодых людей вышли в сад и устроились на длинной

бамбуковой скамье, которая стояла в тени высокого лаврового куста. Солнце скрывалось за гладкими листьями. В траве тихонько покачивались белые маргаритки.

Помолчав, лорд Генри посмотрел на часы.

– Боюсь, мне пора идти, Бэзил, – пробормотал он, – но перед тем как я уйду, ты должен ответить на мой вопрос.

– Какой именно? – спросил художник, не поднимая глаз от земли.

– Ты знаешь, о чем я.

– Не думаю, Гарри.

– Что ж, я повторяю. Я хочу, чтобы ты объяснил, почему не собираешься выставлять портрет Дориана Грея. Я хочу знать правду.

– Я уже назвал тебе настоящую причину.

– Нет, ты сказал, что вложил в портрет слишком большую часть себя. Но это же несерьезно.

– Гарри, – сказал Бэзил Холлуорд, глядя ему прямо в лицо, – любой портрет, написанный с чувством, – это портрет художника, а не натурщика. Натурщик – это лишь случайность. Это не тот, кто изображен художником; скорее, художник отражает на холсте самого себя. Я не буду выставлять эту картину, потому что боюсь, что показал в ней тайну своей души.

– И что же это за тайна? – расхохотался лорд Генри.

– Я расскажу, – смущенно ответил Холлуорд.

– Я весь внимание, Бэзил, – продолжил его собеседник, не сводя с него глаз.

– На самом деле здесь нечего долго рассказывать, – ответил художник, – боюсь, ты вряд ли поймешь меня. Вполне возможно, даже не поверишь.

Лорд Генри улыбнулся, наклонился, чтобы сорвать маргаритку с розовыми лепестками, и начал рассматривать ее.

– Я вполне уверен, что смогу это понять, – ответил он, внимательно глядя на маленький золотистый с белой опушкой пестик. – А что касается веры, то я могу поверить во что угодно, при условии, что это невероятно.

Налетевший ветерок стряхнул несколько цветков с деревьев, и звездочки цвета сирени наконец встревожили застывший воздух. У стены застрекотал кузнечик, и, как длинная тонкая голубая нить, мимо проплыла стрекоза на прозрачных коричневых крылышках. Кажется, лорд Генри слышит, как бьется сердце Бэзила, и он спросил, что же было дальше.

– История простая, – сказал художник через несколько минут. – Два месяца назад мне пришлось посетить прием у леди Брэндон. Ты же знаешь, нам, бедным художникам, приходится время от времени показываться в свете, просто чтобы напомнить общественности о том, что мы не дикари. Я был во фраке и белом галстуке, которые, как ты когда-то мне говорил, могут даже биржевому брокеру придать вид приличного человека. После десяти минут разговоров со многими нарядными вдовами и скучными академиками я почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я увидел Дориана Грея. Когда наши глаза встретились, я почувствовал, что бледнею. Какой-то необъяснимый ужас напал на меня. Я знал, что мне пришлось столкнуться лицом к лицу с тем, чья личность была настолько увлекательной, что если я поддамся его обаянию, то он поглотит всю мою сущность, всю мою душу и даже мое искусство. Я не хотел никаких посторонних влияний на свою жизнь. Ты же знаешь, Гарри, насколько у меня независимый характер. Я всегда был сам себе хозяин, по крайней мере, пока не встретил Дориана Грея. Затем... не знаю, как это объяснить. Мне показалось, что я нахожусь на грани ужасного кризиса в моей жизни. У меня было странное ощущение, что судьба готовит мне необычайные радости и столь же изощренные мучения. Я испугался и отвернулся, чтобы уйти из комнаты. Не совесть заставила меня поступить так, это была своего рода трусость. Я осуждаю себя за попытку к бегству.

– Совесть – это то же самое, что и трусость, Бэзил. «Совесть» просто лучше звучит. Вот и все.

– Я в это не верю, Гарри. Я не думаю, что ты и сам веришь в это. В конце концов, какие бы мотивы не двигали мной в тот момент – а это могла быть и гордость, ведь я очень тщеславен, – я отправился к выходу. А там, конечно, я наткнулся на леди Брэндон. Она сразу закричала: «Мистер Холлуорд, не собираетесь ли вы сбежать так рано?» Ты же знаешь, какой у нее удивительно резкий голос?

– Да, она настоящий павлин во всем, кроме красоты, – согласился лорд Генри, нервно разрывая маргаритку своими длинными пальцами.

– Я не мог от нее избавиться. Она познакомила меня с королевскими особами, людьми со звездами и наградами и пожилыми дамами в огромных диадемах и с крючковатыми носами. Она рассказывала обо мне как о своем лучшем друге. Мы встречались лишь однажды, но она решила сделать из меня знаменитость. Я думаю, что тогда какая-то из моих картин имела большой успех, во всяком случае, о ней болтали в дешевых газетах, что для девятнадцатого века является стандартом бессмертия. И вдруг я очутился лицом к лицу с молодым человеком, чей облик вызвал в моей душе столь странное волнение. Мы стояли очень близко, практически касались друг друга. Наши взгляды снова встретились. С моей стороны это было безрассудно, но я все же попросил леди Брэндон представить меня ему. В конце концов, возможно, это было не так уж и опрометчиво. Это было просто неизбежно. Мы поговорили бы и без официального знакомства. Я в этом уверен. Позже Дориан говорил мне то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено познакомиться.

– А что же леди Брэндон рассказала тебе об этом очаровательном юноше? – спросил его собеседник. – Я знаю, что она любит рассказывать о своих гостях как можно подробнее. Помню, как однажды она подвела меня к мужчине в возрасте с угрюмым красным лицом (он был весь в лентах и орденах) и начала в трагической манере нашептывать мне на ухо наиболее пикантные детали о нем. Скорее всего, каждый в комнате прекрасно слышал, что она рассказывала. Я просто бежал. Я хочу искать для себя людей сам. А леди Брэндон относится к своим гостям так же, как аукционист обращается со своими товарами. Она или рассказывает о них абсолютно все, или рассказывает все, кроме того, что действительно хотелось бы услышать.

– Ты слишком строго относишься к бедной леди Брэндон, Гарри, – безразлично ответил Холлуорд.

– Дорогой мой, она хотела устроить у себя салон, а преуспела только в открытии ресторана. Как я могу восхищаться ею? Но скажи мне, что она говорила о Дориане Грее?

– Что-то вроде «прелестный мальчик... мы с его бедной матерью были неразлучны... Забыть то, что он делает... ничего не делает... ах да, играет на рояле или на скрипке, дорогой мистер Грей». Ни один из нас не мог сдержать смех, и мы сразу же стали друзьями.

– Смех – это далеко не худшее начало дружбы и точно лучшее ее окончание, – отметил юный лорд, сорвав еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой.

– Ты не понимаешь, что такое дружба, Гарри, – пробормотал он, – или что такое вражда, а это важно. Ты такой же, как и все, то есть безразличный ко всем.

– Это ужасно несправедливо с твоей стороны! – возмутился лорд Генри, сдвинув шляпу на затылок и взглянув на мелкие облака, которые плыли в бирюзовой пустоте летнего неба, как мотки блестящего шелка. – Да, ужасно несправедливо. Я нахожу большую разницу между людьми. Я выбираю друзей за их внешность, знакомых – за хороший характер, а врагов – за ум. Человек не может быть слишком осторожным в выборе своих врагов. Среди моих, например, нет ни одного дурака. Все они люди мыслящие, и, следовательно, все меня оценят. Пожалуй, это слишком высокомерно с моей стороны. Я высокомерен, правда?

– Я должен был бы согласиться, Гарри. Однако, согласно твоей классификации, я должен быть просто знакомым.

– Мой дорогой Бэзил, ты для меня гораздо больше, чем просто знакомый.

– И гораздо меньше, чем друг. Некий брат, я полагаю?

– Братья! Мне нет дела до братьев. Мой старший брат никак не умрет, а младшие братья, кажется, не делают ничего другого.

– Гарри! – воскликнул Холлуорд, нахмутив брови.

– Я шучу, мой дорогой друг. Но мне противны окружающие. Я ничего не могу с этим поделать. Думаю, это потому, что мы не можем терпеть людей с теми же недостатками, что и у нас. Я глубоко сочувствую английским демократам, гневающимся на то, что они называют «пороками высших классов». Массы чувствуют, что пьянка, тупость и безнравственность должны принадлежать только им, и если кто-либо из нас ведет себя, как осел, он как бы узурпирует их права. Было просто удивительно наблюдать их возмущение, когда бедняга Саузварк разводился с женой в суде. И все же, я не думаю, что хотя бы десятая часть пролетариев ведет добродетельный образ жизни.

– Я не верю ни единому слову из того, что ты только что сказал. Кроме того, Гарри, я чувствую, что ты и сам во все это не веришь.

Лорд Генри провел рукой по своей клинообразной бороде и постучал тростью из черного дерева по носку кожаного лакированного ботинка.

– Как же это по-английски, Бэзил! Ты уже второй раз обращаешь на это внимание. Если кто-то выскажет идею перед настоящим англичанином, а это всегда опрометчивый поступок, тому и в голову не придет подумать, верна эта идея или, возможно, ошибочна. Единственное, что имеет для него значение: верит ли этот кто-то в то, что он говорит. Смотри, значимость идеи никоим образом не связана с искренностью того, кто ее высказывает. На самом деле есть большая вероятность того, что чем менее этот человек искренен, тем более интеллектуальной будет эта идея, поскольку на нее не повлияют потребности, желания или предубеждения этого лица. В конце концов, я не хочу обсуждать с тобой политику, социологию или метафизику. Я люблю личности больше, чем принципы, но больше всего я люблю личности без принципов. Расскажи мне еще о Дориане Грее. Как часто вы видитесь?

– Каждый день. Я не смогу быть счастливым, если не буду видеть его каждый день. Он абсолютно необходим мне.

– Это невероятно! Я думал, ты всю жизнь будешь любить только свое искусство.

– Теперь он стал для меня моим искусством, – ответил художник серьезно. – Иногда я думаю, Гарри, что в истории мира бывает только два важных события. Первое – это появление нового средства искусства, а второе – появление новой личности в искусстве. Однажды Дориан Грей станет для меня тем, чем для Венеции стала живопись масляными красками, или чем лицо Антиноя стало для скульптуры античной Греции. Я не просто рисую его, делаю эскизы. Хотя я именно этим и занимаюсь. Но для меня он гораздо больше, чем просто модель или натурщик. Я не могу сказать, что я не доволен своей работой или что живопись не может передать его красоту. Нет ничего, что не могла бы передать живопись. И я знаю, что картины, которые я написал с тех пор, как встретил Дориана Грея, хорошие, лучшие за всю мою жизнь. Но каким-то странным образом, даже не знаю, поймешь ли ты меня, его личность открыла передо мной совершенно новую модель искусства. Я вижу вещи иначе, я осмысливаю их иначе. Я теперь могу воссоздать мир способом, о котором раньше и не догадывался. «Мечта о форме в царстве мысли» – кто это сказал? Неважно, это именно то, чем стал для меня Дориан Грей. Одно только присутствие этого парня – для меня он уже более чем парень, хотя ему лишь немного за двадцать, – одно только его присутствие, эх! Не знаю, сможешь ли ты понять всю значимость этого. Где-то на подсознательном уровне он указывает мне направление новой школы – школы, которая соединит в себе страсть романтизма и совершенство

греческого стиля. Гармония души и тела – вот что это значит! Мы разделили их в порыве безумия и, как следствие, создали вульгарный реализм и пустой идеализм. Гарри! Если бы ты только знал, что для меня значит Дориан Грей! Помнишь мой пейзаж, за который Агню предлагал мне довольно кругленькую сумму, но я решил не расставаться с ним? Это одна из моих лучших картин. А знаешь почему? Потому что, когда я писал ее, рядом сидел Дориан Грей. Он придавал мне незримую силу, благодаря которой я наконец-то увидел в обычном лесу удивительную красоту, которую всегда искал, но она избегала моего взгляда.

– Бэзил, это поразительно! Я должен встретиться с Дорианом Греем.

Холлуорд поднялся с кресла и пошел в сад. Через некоторое время он вернулся.

– Гарри, для меня Дориан Грей – это просто источник вдохновения. Ты можешь и не найти в нем ничего примечательного. Для меня же он особенный. Он наиболее присутствует в тех моих картинах, на которых нет его изображения. Как я уже говорил, он указывает мне новое направление. Я вижу его в определенном изгибе линий, в красоте и нежности определенных цветов. Вот и все.

– Почему же ты не хочешь выставлять его портрет? – спросил лорд Генри.

– Потому что я неумышленно выразил в нем это свое странное идолопоклонство, о котором я, конечно, никогда не рассказывал Дориану Грею. Он ничего не знает об этом. И никогда не должен узнать. Но люди могли бы отгадать правду, а я не хочу обнажать душу перед их любопытными и близорукими глазами. Я не позволю рассматривать собственное сердце под микроскопом. На портрете слишком много меня, Гарри, слишком много меня!

– Даже поэты не так стыдливы, как ты. Они знают, как полезна страсть к публикации. В наше время разбитое сердце выдерживает множество изданий.

– Я ненавижу их за это, – взорвался Холлуорд. – Художник должен создавать прекрасные вещи, но не вкладывать в них свою жизнь. В наше время люди так относятся к искусству, как будто оно предназначено быть разновидностью автобиографии. Мы утратили способность отвлеченно воспринимать красоту. Однажды я покажу миру, что это значит; и потому-то мир никогда не увидит портрет Дориана Грея.

– Я думаю, ты не прав, Бэзил, но я не стану с тобой спорить. Только люди скудного ума прибегают к спорам. Скажи, ты очень нравишься Дориану Грею?

Художник задумался на несколько минут.

– Я нравлюсь ему, – ответил он после паузы. – Я знаю, что нравлюсь. Конечно, я ему всячески льщу. Мне доставляет странное удовольствие говорить ему вещи, о которых, я знаю, буду жалеть. Как правило, он обаятелен со мной, и мы сидим в студии и говорим о тысяче вещей. Однако время от времени он ведет себя бездумно, и, кажется, ему даже нравится причинять мне боль. В такие моменты я чувствую, что отдал свою душу человеку, который обращается с ней, как с цветком, который можно приколоть к своему пиджаку, – небольшое украшение, тешащее его тщеславие, украшение на один летний день.

– Летние дни проходят медленно, Бэзил, – пробормотал лорд Генри. – Быть может, ты пресытишься раньше, чем Дориан. Это грустно сознавать, но нет сомнения, что гений долговечнее красоты. Об этом свидетельствует тот факт, что мы все так и стремимся сверх всякой меры развивать свой ум. В жестокой борьбе за существование мы хотим иметь что-то, что будет оставаться неизменным, поэтому мы забиваем свои головы разным мусором и фактами в отчаянной надежде сохранить место под солнцем. Современный идеал – всесторонне образованный человек. А сознание всесторонне образованного человека – это ужасная вещь. Это как антикварная лавка, где полно пыли и чудовищ, а цены на все завышены. Несмотря ни на что, я думаю, что ты пресытишься первым. Однажды ты посмотришь на своего друга, и он станет казаться тебе несколько неподходящим, чтобы писать с него картину, или тебе не понравится цвет его кожи, или что-то в этом роде. Ты с горечью пересмотришь отношение своего сердца к нему и поймешь, что он вел себя плохо по отношению к

тебе. В следующий раз, когда он появится, ты будешь сухим и безразличным к нему. Жаль, что это произойдет, ведь это тебя изменит. Твой рассказ окутан романтикой, я бы назвал ее романтикой искусства, но хуже всего то, что когда она покидает человека, то от нее не остается ни малейшего следа.

– Гарри, не надо так говорить. Пока я жив, личность Дориана Грея будет господствовать надо мной. Ты не сможешь почувствовать то, что чувствую я. Ты слишком изменчив для этого.

– Эх, дорогой Бэзил, именно поэтому я и смогу почувствовать это. Преданные люди видят банальную сторону любви, а вот предатели способны познать ее трагедию.

Лорд Генри закурил с таким самоуверенным и довольным видом, будто рассказал обо всем мире одним предложением. В зеленых листьях плюща раздавался шорох и чириканье воробьев, а голубые тени облаков гонялись по траве, словно ласточки. Как хорошо было в саду! И как упоительны чужие эмоции! Чувства казались ему гораздо приятнее, чем идеи. Наиболее интересными вещами в жизни он считал свою душу и страсти друзей. Он с тихим удовольствием представлял скучный обед, который пропустил, потому что так задержался у Бэзила Холлуорда. Если бы он пошел к своей тете, то непременно встретил бы там лорда Гудбоя и они говорили бы только о том, что нужно помогать бедным, и о важности аренды жилья. Богачи говорили бы о необходимости экономить и соревновались бы в красноречии на тему достоинства труда. Избежать всего этого было настоящим счастьем! Пока он думал о своей тетушке, к нему пришла одна мысль. Он повернулся к Холлуорду и сказал:

– Дорогой мой, я только что вспомнил.

– Что ты только что вспомнил, Гарри?

– Где я слышал имя Дориана Грея.

– И где же это? – спросил Холлуорд, несколько нахмурившись.

– Не надо сердиться, Бэзил. Это было у моей тетушки, леди Агаты. Она рассказала мне, что познакомилась с замечательным юношей, который согласился помогать ей в Ист-Энде, и что его зовут Дориан Грей. Должен сказать, она ничего не говорила о его красоте. Женщины не ценят красоту, по крайней мере, хорошие женщины. Она говорила, что он очень искренний и имеет прекрасный характер. Я сразу представил покрытое веснушками создание в очках, с редкими волосами, которое громко топает своими длинными ногами. Мне следовало бы знать, что это твой друг.

– Я рад, что ты этого не знал, Гарри.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы ты его встретил.

– Ты не хочешь, чтобы я встретился с ним?

– Нет.

– Мистер Грей в мастерской, – сказал дворецкий, войдя в сад.

– Теперь тебе придется представить меня ему, – сквозь смех сказал лорд Генри.

Художник повернулся к своему слуге, который стоял и щурился от солнца:

– Попроси мистера Грея подождать. Я подойду через несколько минут.

Дворецкий поклонился и пошел по тропинке к дому. Затем Холлуорд посмотрел на лорда Генри.

– Дориан Грей – мой близкий друг, – сказал он. – У него простой и замечательный характер. Твоя тетя была права относительно его. Не надо его портить. Не пытайся повлиять на него. Твое влияние не пойдет ему на пользу. Мир велик, в нем много интереснейших людей. Не надо отнимать у меня единственного человека, который придает очарование моим произведениям, – моя жизнь как художника зависит от него. Помни, Гарри, я тебе доверяю. – Он говорил очень медленно, будто слова вырывались наружу вопреки его воле.

– Что за глупости ты говоришь! – с улыбкой сказал лорд Генри, он взял Холлуорда под руку и почти силой повел к дому.

Глава 2

Войдя в мастерскую, они увидели Дориана Грея. Он сидел за роялем спиной к ним и листал страницы «Лесных сцен» Шумана.

– Ты должен одолжить мне их, Бэзил, – не удержался он. – Я хочу их разучить. Они совершенно очаровательны.

– Это зависит только от того, как ты будешь сегодня позировать, Дориан.

– Мне уже надоело позировать, я уже не хочу иметь собственный портрет, написание которого уйдет целая жизнь, – капризно ответил юноша, своенравно повернувшись на музыкальном стуле. Заметив лорда Генри, он на мгновение смутился и резко встал. – Простите. Бэзил, я не знал, что ты не один.

– Дориан, это лорд Генри Уоттон, мой старый оксфордский приятель. Я рассказывал ему, какой замечательный из тебя натурщик, а теперь ты все испортил.

– Однако это отнюдь не уменьшило моей радости от встречи с вами, мистер Грей, – заверил лорд Генри, подходя к Дориану и протягивая ему руку. – Моя тетушка часто рассказывала мне о вас. Вы один из ее любимцев, и, боюсь, одна из ее жертв.

– Сейчас я в немилости у леди Агаты, – ответил Дориан, приобретя при этом забавно озабоченный вид. – Я обещал посетить клуб в Уайтчепеле с ней в прошлый вторник и совершенно забыл об этом. Мы должны были сыграть дуэтом, кажется, должно было быть даже три дуэта. Прямо не знаю, что она теперь мне скажет. Я очень боюсь попасться ей на глаза.

– О, я помирю вас с тетей. Она очень предана вам. Кроме того, я не думаю, что ваше отсутствие действительно было заметно. Публика, скорее всего, решила, что это и был дуэт. Когда тетушка Агата садится за рояль, она способна наделать шума за двоих.

– Это ужасно по отношению к ней и не слишком приятно по отношению ко мне, – сквозь смех ответил Дориан.

Лорд Генри посмотрел на него. Да, он был, конечно, удивительно красив, с изящной формы красными губами, откровенными голубыми глазами и золотистыми кудрями. Было в его лице что-то такое, что вызывало доверие с первого взгляда. В нем чувствовалась искренность и непорочная страсть молодости. Казалось, он не позволял мирским заботам испортить себя. Неудивительно, что Бэзил Холлуорд обожал его.

– Вы слишком хороши, чтобы заниматься благотворительностью, господин Грей, слишком хороши. – С этими словами лорд Генри устроился на диване и открыл свой портсигар.

В этот момент художник был занят смешиванием красок и готовил необходимые кисти. У него был взволнованный вид, а когда он услышал последнюю фразу лорда Генри, взглянул на него и после кратких раздумий сказал:

– Гарри, я хотел бы закончить работу над этой картиной сегодня. Ты ведь не обидишься, если я попрошу тебя уйти?

Лорд Генри улыбнулся и посмотрел на Дориана Грея.

– Мне уйти, мистер Грей? – спросил он.

– Не надо, лорд Генри, пожалуйста. Я вижу, Бэзил в плохом настроении, а я не выношу, когда он дуется. Кроме того, я хочу, чтобы вы рассказали мне, почему мне не следует заниматься благотворительностью.

– Даже не знаю, стоит ли мне рассказывать вам об этом, мистер Грей. Это скучная тема, которую приходится обсуждать серьезно. Однако я точно не уйду после того, как вы попросили меня остаться. Ты не будешь возражать, Бэзил? Ты часто говорил мне, что тебе нравится, когда натурщик может с кем-нибудь поболтать.

Холлуорд закусил губу:

– Если Дориан так хочет, то, конечно, ты должен остаться. Прихоти Дориана – закон для всех, кроме него самого.

Лорд Генри взял шляпу и перчатки.

– Как бы ты ни настаивал, Бэзил, боюсь, я должен идти. У меня встреча в Орлеанском клубе. Всего хорошего, мистер Грей. Навестите меня как-нибудь на Керзон-стрит. Я почти всегда дома в пять часов. Напишите мне, когда решите прийти. Мне будет жаль не встретиться с вами.

– Бэзил, – закричал Дориан Грей, – если лорд Генри уйдет, то и я уйду. От тебя не услышать ни слова, пока ты работаешь, а это очень скучно – стоять на платформе и еще хорошо при этом выглядеть. Попроси его остаться. Я настаиваю.

– Остайся, Гарри. Дориан и я будем перед тобой в долгу, – сказал Холлуорд, глядя на свою картину. – Я действительно никогда не разговариваю, да и не слушаю, пока пишу картины, и это, видимо, несносно утомляет моих несчастных натурщиков. Умоляю, остайся.

– А как же моя встреча в Орлеанском клубе?

Художник рассмеялся:

– Я не думаю, что возникнут какие-либо трудности. Садись, Гарри. А теперь, Дориан, становись на платформу, и не двигайся слишком много, и не обращай внимание на то, что говорит лорд Генри. Он очень плохо влияет на всех своих друзей, кроме меня.

Дориан Грей ступил на платформу с видом юного греческого мученика и разочарованно посмотрел на лорда Генри, который ему весьма приглянулся. Он был так не похож на Бэзила. Они составляли восхитительный контраст. И у него был такой волшебный голос. Через несколько минут он обратился к нему:

– Вы действительно очень плохо влияете на людей, лорд Генри? Бэзил прав?

– Не существует такой вещи, как плохое влияние. Любое влияние безнравственно – безнравственно с научной точки зрения.

– Почему же?

– Потому что влиять на человека – значит навязывать ему свою душу. Он начнет думать не своими мыслями и пылать не своими страстями. Его добродетели перестанут быть настоящими. Его грехи, если все же существует такая вещь, как грехи, будут заимствованными. Он станет отголоском чужой мелодии, актером, выступающим в роли, которая не для него написана. Цель жизни – самосовершенствование. Каждый из нас здесь для того, чтобы понять свою сущность. Сейчас люди боятся самих себя. Они забыли, что высший долг – это долг перед самим собой. Разумеется, они милосердны. Они кормят голодных и помогают нуждающимся, в то время как их собственные души голодны и беспомощны. Наша раса потеряла смелость. А возможно, ее у нас никогда и не было. Страх перед обществом, на котором базируется мораль, и страх перед Богом, который является основой для религии, – вот две вещи, которые управляют нами. Но...

– Поверни голову немного вправо, Дориан, будь хорошим мальчиком, – сказал художник.

Он был погружен в работу и обратил внимание лишь на то, что раньше никогда не видел такого выражения на лице юноши.

– Однако, – продолжил лорд Генри, сопровождая свой низкий голос, звучавший будто музыка, характерным взмахом рук, который отличал его от других еще со времен учебы в Итоне, – я считаю, что если бы хоть один человек смог прожить свою жизнь целиком и полностью, смог почувствовать каждое чувство, выразить каждую мысль и осуществить каждую мечту, то мир получил бы такой огромный заряд радости, что мы смогли бы забыть о чуме Средневековья и вернуться к эллинистическому идеалу или, возможно, даже к чему-то лучшему и более высокому, чем эллинистический идеал. И самые смелые из нас боятся самих себя. Уродство дикаря отчаянно пытается выжить, несмотря на отказы самим себе,

которые разрушают наши жизни. Каждый порыв, который мы сдерживаем, бродит в нашей голове, отравляя наш разум. Тело грешит, и на этом грех заканчивается, ведь действие – это способ очистки. Ничего не остается на потом, кроме упоминания об удовлетворении или роскоши почувствовать угрызения совести. Единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему. Если же ему сопротивляться, то душу будет разрушать желание того, что она сама себе запретила, жажда к тому, что она с помощью собственных уродливых правил объявила уродливым и неправильным. Говорят, что самые выдающиеся события случаются в голове. Так же и грехи существуют в голове, и только в голове. Да и вы, господин Грей, в вашей цветущей, будто роза, юности уже чувствовали страсти, которые вас пугали, к вам приходили мысли, что вызывали у вас ужас, вы видели сны, одно лишь упоминание о которых заставляет вас краснеть.

– Подождите! – воскликнул Дориан Грей. – Подождите! Вы запутали меня. Я не знаю, что сказать. Я должен что-то вам ответить, однако не могу подобрать слова. Не говорите. Дайте подумать. Или, скорее, позвольте мне попробовать не думать.

Он стоял так, с открытыми устами и огнем в глазах, около десяти минут. Он смутно осознавал, он видел, что подвергается воздействию чего-то совершенно нового, однако чувствовал, что источник этого влияния находился внутри него. Те несколько слов, которые сказал ему друг Бэзила, слова, сказанные, без сомнения, случайно, но в которые лорд Генри намеренно вложил парадокс, задели тайную, не потревоженную ранее струну в его душе. Однако сейчас он чувствовал, как эта струна вибрирует и пробуждает в нем что-то новое.

Подобным образом его тревожила музыка. Музыка часто его тревожила. Однако музыка не членораздельная речь. Она создавала внутри не новый мир, а скорее – новый хаос. Слова! Всего лишь слова! Как же ужасны они были! Как же понятны, живы и жестоки! От них не было спасения. И в то же время в них была какая-то едва ощутима магия! Казалось, они могли придать форму бесформенным телам и несли в себе музыку, не менее прекрасную, чем звук скрипки или флейты. Пустые слова! Разве существовало что-то реальнее и весомее слов?

Да, в его юности были вещи, которых он не понимал. Он понял их теперь. Вдруг его жизнь словно охватило пламя. Ему казалось, что он идет по этому пламени. Почему же он не знал этого раньше?

Лорд Генри смотрел на него с легкой улыбкой. Он точно знал, когда психология требовала молчать. Ему было очень интересно. Он был поражен, какое внезапное впечатление произвели его слова. Он вспоминал книгу, которую прочитал, когда ему было шестнадцать и которая открыла ему глаза на многие вещи, которых он до того не знал. Ему было интересно, переживал ли Дориан Грей нечто подобное в тот момент. Он выпустил стрелу вслепую. Неужели она попала в цель? Как же увлекательно было наблюдать за парнем!

Холлуорд тем временем рисовал чудесными, смелыми мазками, с тем подлинным изяществом и утонченностью, которые в искусстве, во всяком случае, исходит только от силы. Он не обращал внимание на молчание.

– Бэзил, я устал стоять, – вдруг пожаловался Дориан Грей. – Я должен выйти и посидеть в саду. Здесь слишком душно.

– Мой дорогой друг, прости меня. Когда я рисую, то не могу думать больше ни о чем. Но ты позировал лучше, чем когда-либо. Ты был совершенно неподвижен. И я уловил желаемый эффект – полуоткрытый рот и огонь в глазах. Не знаю, что там тебе наговорил Гарри, но он вызвал замечательное выражение на твоём лице. Видимо, он делал тебе комплименты. Тебе не следует верить ни одному его слову.

– То, что он сказал, – точно не комплименты. Наверное, именно поэтому я ему и не верю.

– Вы знаете, что во все это верите, – сказал лорд Генри, глядя на него своими томными, мечтательными глазами. – Я выйду в сад с вами. В студии ужасно жарко. Бэзил, дай нам чего-то попить, чего-нибудь со льдом и клубникой.

– Конечно, Гарри. Позвони в колокольчик, и, когда придет Паркер, я скажу, что вам принести. Мне надо поработать над фоном, так что я присоединюсь к вам позже. Не задерживай Дориана надолго. Я еще никогда не был в такой прекрасной форме, как сегодня. Это будет мой шедевр. Это уже шедевр.

Лорд Генри вышел в сад и нашел там Дориана Грея, который утопил лицо в цветы сирени и жадно упивался их ароматом, будто вином. Он подошел ближе и положил руку ему на плечо.

– Вы все делаете правильно, – тихо проговорил лорд Генри. – Только ощущения могут исцелить душу, и только душа может исцелить ощущения.

Юноша вздрогнул и отступил на несколько шагов. На нем не было шляпы, ветки растрепали его непокорные кудри, спутав золотистые пряди. В его глазах читался страх, который испытывает человек, если его вдруг разбудить. Его будто высеченные из мрамора ноздри расширились, а скрытое напряжение украло красный цвет его губ и оставило их дрожать.

– Именно так, – продолжил лорд Генри, – в этом состоит один из величайших секретов жизни – исцелять душу с помощью ощущений и исцелять ощущения силой души. Вы удивительный. Вы знаете больше, чем думаете, но меньше, чем вам хотелось бы.

Дориан Грей нахмурился и отвел глаза. Ему нравился высокий грациозный молодой человек, стоявший перед ним, и он ничего не мог с этим поделать. Романтическое, оливкового цвета лицо лорда Генри с выражением усталости вызвало в Дориане Грее интерес. В его низком томном голосе было что-то захватывающее. Даже его холодные белые руки несли в себе очарование. Пока он говорил, они двигались, будто в такт музыке, будто изъясняясь на своем собственном языке. Но Дориан Грей все больше боялся его и чувствовал стыд за свой страх. Почему незнакомец должен открыть ему глаза на самого себя? Он знал Бэзила Холлурда уже несколько месяцев, однако дружба с ним не меняла его. Вдруг в его жизни появился кто-то, кто, кажется, раскрыл перед ним тайну жизни. И все же, чего же тут бояться? Он был уже не школьник. Пугаться было бессмысленно.

– Давайте пойдем присядем где-то в тени, – сказал лорд Генри. – Паркер уже принес напитки, если мы еще немного постоим под солнцем, то это вас испортит, и Бэзил больше никогда не станет вас рисовать. Вам действительно следует избегать солнечных ожогов. Это было бы недопустимо.

– Какое это имеет значение? – со смехом воскликнул Дориан Грей, приседая на скамью на краю сада.

– Это должно иметь огромное значение для вас, мистер Грей.

– Почему же?

– Потому что вы владеете очарованием молодости, а молодость – это единственная вещь, которая стоит того, чтобы ее иметь.

– Я не чувствую этого, лорд Генри.

– Конечно, сейчас вы этого не чувствуете. Но однажды, когда вы уже будете старый, сморщенный и уродливый, когда мысли оставят полосы на вашем лбу, а страсть обожжет ваши уста своим губительным огнем, вы это почувствуете, вы это невыносимо почувствуете. Сейчас, куда бы вы ни пошли, вы очаровываете весь мир. Но будет ли так всегда?.. У вас на удивление красивое лицо, мистер Грей. Не хмурьтесь, это правда. А красота – это форма гениальности, на самом деле она даже выше гениальности, ведь ее не нужно объяснять. Это одно из величественных явлений природы, таких как солнечный свет, весна или отражение серебристой луны в темных водах. Ее невозможно подвергнуть сомнению. Она удивительна в своей независимости. Она превращает тех, кто ею владеет, в принцев. Вы смеетесь? Что

будет, если вы ее потеряете? Полагаю, вам будет не до смеха... Иногда люди говорят, что красота поверхностна. Может, и так, но она не столь поверхностна, как о ней думают. Люди, которые не судят по внешнему виду, не способны на глубокие суждения. Настоящая тайна мира состоит скорее в видимых вещах, чем невидимых... Да, мистер Грей, боги сделали вам щедрый подарок. Но боги быстро забирают свои подарки. У вас есть всего несколько лет, чтобы жить настоящей, совершенной и полной жизнью. Когда ваша молодость пройдет, красота пройдет вместе с ней, и потом вы вдруг поймете, что для вас больше не осталось побед, или вам придется довольствоваться подлыми победами, которые воспоминания о вашем славном прошлом сделают даже горче поражений. Каждый уходящий месяц на шаг приближает вас к ужасу. Время вам завидует и идет войной на цвет вашей юности. Вы станете бледным, с впалыми щеками и пустыми глазами. Вы будете несказанно страдать... Эх! Узнайте свою молодость, пока не поздно. Не теряйте богатство ваших дней, прислушиваясь к скучным людям, пытаюсь исправить безнадежные ошибки или отдавая свою жизнь неблагодарным, простым и пошлым людям. Это неправильные цели, фальшивые идеалы нашего времени. Живите! Живите собственной прекрасной жизнью! Не упустите ничего в ней. Всегда ищите для себя новые ощущения. И ничего не бойтесь... Новый гедонизм – вот что нужно людям нашего века. Вы можете стать его живым символом. Для такой личности, как вы, нет ничего невозможного. На данный момент мир принадлежит вам. Как только я вас увидел, сразу понял, что вы не знаете, кто вы на самом деле, кем можете стать. Вы так захватили меня, что я почувствовал необходимость рассказать вам самому кое-что о вас. Я подумал о том, какой трагедией стало бы, если бы вы потеряли себя. Ведь молодость продлится так недолго. Обычные цветы вянут, но цветут снова. В следующем июне так же зажелтеют эти волшебные цветы. Через месяц зацветет ломонос, и его зеленые листья будут поддерживать пурпурные звездочки год за годом. А вот наша молодость никогда не вернется к нам. Радость, что пульсирует, когда нам двадцать, постепенно ослабевает. У нас отказывают конечности, наши чувства притупляются. Мы превращаемся в неуклюжие куклы, которых преследуют воспоминания о страстях, которых мы боялись, и искушениях, подвергнуться которым нам не хватало смелости. Молодость! Молодость! Нет в мире ничего лучше, чем молодость!

Дориан Грей слушал, широко раскрыв глаза. Веточка сирени, которую он держал в руках, упала на гравий. Прилетевшая пушистая пчела некоторое время кружила и жужжала вокруг нее. Затем она решила залезть на маленький шарик из звездочек. Он наблюдал за этим с тем странным интересом, с которым мы относимся к обыденным вещам, когда какие-то более важные вещи пугают нас, когда нас возбуждает новая эмоция, которую мы не можем выразить, или когда ужасная мысль берет наше сознание в осаду, требуя капитуляции. Через некоторое время пчела улетела. Он увидел, как она пытается залезть в пурпурный цветок вьюнка. Она задрожала, а потом легонько заколыхалась.

Вдруг в дверях мастерской появился художник и коротким взмахом руки позвал их к себе. Они обернулись друг к другу и улыбнулись.

– Я жду, – крикнул он. – Идите уже сюда. Освещение просто замечательное, так что забирайте свои напитки.

Они поднялись и медленно зашагали по дорожке. Мимо них пролетели две зелено-белые бабочки, а на грушевом дереве в углу сада запел дрозд.

– Вы рады, что познакомились со мной, мистер Грей? – спросил лорд Генри, взглянув на него.

– Да, сейчас я рад. Не знаю, буду ли я радоваться этому всегда.

– Всегда! Это ужасное слово. Я содрогаюсь, когда слышу его. Женщины так любят его использовать. Они портят каждый роман, пытаясь заставить его продолжаться всегда. К

тому же это слово не имеет значения. Единственная разница между прихотью и страстью на всю жизнь состоит в том, что прихоть длится несколько дольше.

Когда они вошли в мастерскую, Дориан Грей положил руку лорду Генри на плечо.

– В таком случае, пусть наша дружба будет прихотью, – пробормотал он, пораженный собственной смелостью. Затем он встал на платформу в той же позе, что и раньше.

Лорд Генри устроился в большом кресле и наблюдал за ним. Единственными звуками, наполнявшими тишину, было шуршание кистей по полотну и шаги Холлуорда, когда тот отходил, чтобы взглянуть на свое творение на расстоянии. В открытую дверь лились косые солнечные лучи, в которых плясали золотые пылинки. Тяжелый аромат роз, казалось, плавал в воздухе.

Примерно через четверть часа Холлуорд прекратил рисовать. Он долго смотрел на Дориана Грея, а потом так же долго смотрел на картину, прикусив кончик кисти и нахмутив брови.

– Готово! – сказал он в конце концов и наклонился, чтобы подписать левый нижний угол картины ярко-красными буквами.

Лорд Генри подошел и осмотрел портрет. Несомненно, это было великолепное произведение искусства, к тому же имеющее удивительное сходство с моделью.

– Дорогой мой, прими мои искренние поздравления, – сказал он. – Это лучший портрет нашего времени. Мистер Грей, подойдите и посмотрите на себя.

Юноша оглянулся, будто только что проснулся.

– Уже готово? – спросил он, ступая вниз с платформы.

– Именно так, – ответил художник. – А ты сегодня просто прекрасно позировал. Я твой должник.

– Это все благодаря мне, – перебил лорд Генри. – Правда, мистер Грей?

Дориан ничего не ответил. Он молча подошел к портрету. Увидев его, он отошел, а его щеки покрылись румянцем удовольствия. В его глазах появилась радость, как будто он впервые узнал себя. Он стоял неподвижно и очарованно, он понимал, что Холлуорд обращается к нему, но не мог уловить смысл его слов. Ощущение собственной красоты пришло к нему как откровение. Он никогда не чувствовал его раньше. Compliments Холлуорда всегда казались ему просто дружеским преувеличением. Он слушал их, смеялся над ними и забывал о них. Они не влияли на его сущность. А потом появился лорд Генри Уоттон с его странной речью над могилой молодости, с его ужасным предупреждением о ее быстротечности.

Это взволновало его тогда, а теперь, когда он смотрел на тень собственной красоты, он осознал всю правдивость слов лорда Генри. Да, однажды его лицо покроют морщины, глаза потеряют свой цвет, его грациозная осанка покинет его. Его уста потеряют свои красные краски так же, как волосы – золотые. Жизнь, призванная создать его душу, уничтожит его тело. Он станет ужасным, отвратительным и неуклюжим.

Когда он подумал об этом, острая боль пронзила его, будто нож, и внутри дрожала каждая жилка. Глаза его потемнели, став из голубых аметистовыми, и затуманились слезами. Он чувствовал себя так, словно ледяная рука легла ему на сердце.

– Тебе не нравится? – в конце концов воскликнул Холлуорд, несколько пораженный молчанием юноши, ведь он не понимал, что это значит.

– Конечно, ему нравится, – сказал лорд Генри. – Кому это может не понравиться? Это же одно из величайших произведений современного искусства. Я готов отдать за него все, что пожелаешь. Портрет должен быть моим.

– Он принадлежит не мне, Гарри.

– А кому же он принадлежит?

– Конечно, Дориану, – ответил художник.

– Ему повезло.

– Как же жаль! – воскликнул Дориан Грей, не сводя глаз с собственного портрета. – Как же жаль! Я состарюсь, стану противным и страшным. А этот портрет навсегда останется молодым. Он никогда не станет старше этого июньского дня... Если бы все было наоборот! Если бы это я всегда оставался молодым, а портрет старел! За это я отдал бы все, что угодно! Именно так, во всем мире нет вещи, которой мне было бы жаль за это! Я за это свою душу отдал бы!

– Ты вряд ли имел бы что-то против такого соглашения, Бэзил, – засмеялся лорд Генри. – Тебя больше беспокоят линии на твоих картинах.

– Я бы очень возражал, Гарри, – сказал Холлуорд.

Дориан Грей обернулся и посмотрел на него.

– Думаю, именно так и произошло бы, Бэзил. Твое искусство для тебя важнее, чем твои друзья. Я для тебя не более, чем бронзовая фигурка. Я бы даже сказал, гораздо меньше.

Художник смотрел на него в изумлении. Это было так не похоже на него. Что случилось? Он выглядел довольно злым. Его лицо покраснело, а щеки горели.

– Именно так, – продолжил Дориан Грей, – я для тебя значу меньше, чем твой Гермес из слоновой кости или серебряный фавн. Они будут нравиться тебе всегда. Как долго тебе буду нравиться я? Подозреваю, что до первой морщины. Теперь я знаю, что, как только человек теряет свою красоту, какой бы она ни была, он теряет все. Твоя картина рассказала мне об этом. Лорд Генри абсолютно прав: молодость – единственная вещь, которую стоит иметь. Когда я пойму, что старею, я покончу с собой.

Холлуорд помрачнел и схватил его за руку.

– Дориан! Дориан! – воскликнул он. – Не говори так! У меня еще никогда не было такого друга, как ты, и уже никогда не будет. Ты же не можешь завидовать вещам, правда? Ты же прекраснее любой вещи!

– Я завидую всему, чья красота не умирает. Я завидую собственному портрету, который ты написал. Почему он будет иметь то, что я должен потерять? Каждое мгновение отнимает что-то у меня и отдает это ему. О! Если бы это было наоборот! Если бы портрет мог меняться, а я мог оставаться таким, каков я сейчас! Зачем ты его написал? Наступит день, когда он станет безжалостно насмехаться надо мной.

Горячие слезы наполнили его глаза, он вырвал руку и упал на диван, нырнув в подушки, будто хотел помолиться.

– Это ты во всем виноват, Гарри, – с горечью сказал художник.

Лорд Генри пожал плечами:

– Это настоящий Дориан Грей, вот и все.

– Нет.

– Если нет, то какое я имею к этому отношение?

– Тебе стоило уйти, когда я просил, – процедил он.

– Я остался, когда ты меня просил, – ответил лорд Генри.

– Гарри, я не могу ссориться сразу с двумя своими лучшими друзьями, но вы заставили меня возненавидеть лучшую картину из тех, что я написал, и я ее уничтожу. Это же только полотно и краски. Я не позволю ей испортить отношения между нами троими.

Дориан Грей поднял голову. Лицо его было бледно, а глаза – полны слез. Он увидел, как Бэзил подошел к рабочему столу, который был установлен под высоким занавешенным окном. Что он там делает? Его пальцы перебирали разбросанные оловянные тюбики с красками и сухие кисти в поисках чего-то. Да, он искал длинный шпатель с тонким и гибким стальным лезвием. Наконец он нашел его. Он собирался порезать полотно.

Приглушенно всхлипнув, Дориан Грей вскочил с дивана, подбежал к Холлуорду, вырвал нож из его руки и бросил его в противоположную сторону мастерской.

– Нет, Бэзил, нет! – кричал он. – Это будет убийством!

– Я рад, что ты наконец оценил мою работу по достоинству, Дориан, – холодно ответил художник, после того как справился с удивлением. – Я уже думал, что не дождусь этого.

– Оценил по достоинству! Да я просто влюблен в этот портрет, Бэзил. Он – часть меня. Я это чувствую.

– Что же, в таком случае, когда ты высохнешь, тебя покроют лаком, вставят в раму и отправят домой. А потом можешь делать с собой все, что пожелаешь. – С этими словами он пересек комнату и позвонил в колокольчик, чтобы Паркер принес чаю. – Ты выпьешь чаю, Дориан? Ты тоже, Гарри? Или ты не охотник до таких простых удовольствий?

– Я обожаю простые удовольствия, – ответил лорд Генри. – Они последнее прибежище для сложных натур. А вот сцены, разыгранные передо мной не в театре, мне не нравятся. Какие же вы оба абсурдные создания! Мне интересно, кто назвал человека рациональным животным. Это в высшей степени необоснованное утверждение. Человек может многое, но он не является рациональным. В конце концов, я даже рад этому, однако я хотел бы, чтобы вы, ребята, не ссорились из-за портрета. Лучше бы ты отдал его мне, Бэзил. Этот глупый мальчишка не хочет иметь его на самом деле, а вот я хочу.

– Если ты не отдашь его мне, я тебе никогда этого не прощу, Бэзил! – воскликнул Дориан Грей. – И я не позволю называть себя глупым мальчишкой.

– Ты же знаешь, портрет твой, Дориан, я подарил его тебе еще до того, как написал.

– Кроме того, господин Грей, вы понимаете, что вели себя глупо, и не возражаете против напоминаний о вашем весьма юном возрасте.

– Сегодня утром мне казалось, что я безумно стар, лорд Генри.

– Ах, сегодня утром! Вы так много пережили с тех пор...

В дверь постучали, и вошел дворецкий. Он поставил поднос с чаем на маленький японский столик. Раздавался звон чашек и блюдца, старинный чайник все еще шипел. Дворецкий принес две тарелки из китайского фарфора, накрытые полукруглыми колпаками, тоже фарфоровыми. Дориан Грей подошел к столу и стал разливать чай. Двое мужчин лениво поплелись к столу и осмотрели то, что было под колпаками.

– Давайте сходим в театр сегодня вечером, – сказал лорд Генри. – Где-то должны показывать что-то интересное. Правда, я уже пообещал одному старому другу, что пойду вместе с ним на ужин к Уайту, но я могу написать ему телеграмму, что я заболел или что у меня появились другие планы. Думаю, благодаря своей неожиданной откровенности это станет прекрасным оправданием.

– Как же это надоедает, когда кто-то надевает на себя театральный костюм, – пробормотал Холлуорд. – И именно этот наряд выглядит ужасно.

– Ты прав, – мечтательно ответил лорд Генри. – Наряды девятнадцатого века просто отвратительны. Они такие тусклые, такие мрачные. Грех – это единственная яркая вещь, которая осталась в нашей жизни.

– Тебе не следует говорить такие вещи при Дориане, Гарри.

– В присутствии которого из Дорианов? Того, что наливает нам чай, или того, что на портрете?

– В присутствии обоих.

– Я бы с радостью сходил с вами в театр, лорд Генри, – сказал юноша.

– Тогда пойдемте. Ты пойдешь с нами, Бэзил, правда?

– Я не могу, честно. И еще не скоро буду иметь такую возможность. У меня много работы.

– Что же, в таком случае мы с вами пойдем вдвоем, мистер Грей.

– Я был бы этому очень рад.

Художник прикусил губу и подошел к портрету с чашкой в руке.

– Я останусь с настоящим Дорианом, – мрачно сказал он.

– Это настоящий Дориан? – воскликнул оригинал, приблизившись к портрету. – Я действительно именно такой?

– Да, это твоя точная копия.

– Это прекрасно, Бэзил!

– По крайней мере, на вид ты такой же. Но он никогда не изменится, – вздохнул Бэзил. – Это многое значит.

– Ну почему люди так помешаны на верности? – воскликнул лорд Генри. – Ведь даже в любви это просто вопрос физиологии. Наша воля никак на это не влияет. Молодые люди стремятся быть верными, но предают, старики хотят быть неверными, но не в состоянии, вот и все.

– Дориан, не ходи в театр сегодня вечером, – попросил Холлуорд. – Остайся и поужинай со мной.

– Я не могу, Бэзил.

– Почему?

– Потому что я пообещал лорду Генри Уоттону пойти с ним.

– От того, что ты будешь сдерживать свои обещания, он не станет относиться к тебе лучше. На самом деле он всегда нарушает собственные обещания. Пожалуйста, не ходи.

Дориан Грей засмеялся и покачал головой.

– Умоляю тебя.

Юноша засомневался и посмотрел на лорда Генри, который наблюдал за ними из-за чайного столика с довольной улыбкой на устах.

– Я должен пойти, Бэзил, – ответил он.

– Что ж, – сказал Холлуорд, вернувшись к столику и поставив свою чашку на поднос. – Уже довольно поздно, а вам еще нужно собраться, поэтому лучше не теряйте времени. Пока, Гарри. Пока, Дориан. Приходи навестить меня в ближайшее время. Приходи завтра.

– Конечно.

– Ты не забудешь?

– Конечно нет, – заверил Дориан.

– И... Гарри!

– Что, Бэзил?

– Помни, о чем я просил тебя сегодня утром в саду.

– Я уже забыл об этом.

– Я тебе доверяю.

– Если бы я мог доверять себе, – засмеялся лорд Генри. – Пойдемте, мистер Грей, мой экипаж ждет на улице, я отвезу вас домой. Пока, Бэзил, это был очень интересный вечер.

Когда дверь за ними закрылась, художник бросился на диван, а его лицо исказилось от боли.

Глава 3

На следующий день в половине первого лорд Генри Уоттон направлялся от Керзон-стрит в Олбани, чтобы навестить дядю, лорда Фермора, добродушного, с несколько грубыми манерами старого холостяка, которого общество называло эгоистом, потому что не получало от него никакой конкретной пользы, а вот бомонд считал его щедрым, ведь он обеспечивал людей, способных его поразить. Его отец был послом в Мадриде во времена, когда Изабелла была еще юной, а о Приме² никто и понятия не имел, но уволился с дипломатической службы из прихоти и обиды на то, что ему не предложили должность посла в Париже – должность, которая, по его мнению, должна была принадлежать ему по праву рождения, лени, прекрасно написанных дипломатических писем и безграничной жажды наслаждений.

Его сын, который работал секретарем у отца, также подал в отставку, что на тот момент казалось глупостью. А унаследовав титул через несколько месяцев после этого, он с головой погрузился в изучение высочайшего искусства аристократов – абсолютного ничегонеделания. Он имел два больших дома, однако предпочитал жизнь в квартире, ведь там было меньше хлопот, а ел, как правило, в клубе. Он интересовался делами на своих угольных шахтах в центральных графствах, объясняя нездоровый интерес к промышленности тем, что джентльмен, который владеет углем, может позволить себе топить свой камин дровами. Что касается политических взглядов, он поддерживал консерваторов всегда, кроме тех времен, когда они были в правительстве. В эти периоды он поливал их грязью за то, что они – стая радикалов. Он был героем в глазах своего дворецкого, который мог на него накричать, и ужасом в глазах своей родни, на которую он сам срывался. Он мог родиться только в Англии, хотя и говорил, что страна катится к черту. У него были устаревшие принципы и целая куча предубеждений.

Войдя в комнату, лорд Генри увидел, как его дядя в охотничьем жакете сидит с сигарой в зубах и грозно бормочет что-то в ответ на очередную публикацию «Таймс».

– О Гарри, – сказал пожилой джентльмен, – что привело тебя ко мне в такую рань? Я думал, что такой денди, как ты, встает не раньше двух и до пяти не выходит.

– Только любовь к своей семье, дядя Джордж, уверяю вас. Мне от вас кое-что нужно.

– Я так понимаю – деньги, – сказал лорд Фермор, скосив взгляд. – Ну что же, садись и расскажи, что к чему. Сейчас молодые люди считают, что деньги – это самое главное в жизни.

– Действительно, – согласился лорд Генри, поправляя пуговицу на своем жакете, – а с годами они убеждаются в этом. Но мне нужны не деньги. Деньги нужны тем, кто выплачивает свои долги, дядя Джордж, а я этим не занимаюсь. Кредит – это богатство младшего сына, он позволяет жить на широкую ногу. Кроме того, я имею дело с торговцами с Дартмура, поэтому они меня никогда не беспокоят. Мне нужна информация, но не какая-то полезная. Мне нужна бесполезная информация.

– Что ж, я могу рассказать тебе все, что написано в Синей книге³, Гарри, хотя в последнее время там пишут много глупостей. Когда я работал дипломатом, дела с этим были намного лучше. Но я слышал, что сейчас дипломатов зачисляют на службу по результатам экзаменов. Чего же еще ожидать? Экзамены, сэр, это полнейшее очковитительство от начала и до конца. Если человек джентльмен, он знает вполне достаточно, а если он не джентльмен, то его знания все равно не принесут ничего хорошего.

---

² Лорд Фермор-старший находился в Испании, когда малолетняя Изабелла была под опекой; ему пришлось покинуть страну после буржуазной революции, одним из деятелей которой был генерал Прим.

³ Синие книги появились в Англии в XVII в. Они представляли собой собрания дипломатических документов или иных материалов, издаваемых правительством для представления парламенту.

– В Синей книге не пишут о мистере Дориане Грее, дядя Джордж, – вяло сказал лорд Генри.

– Мистер Дориан Грей? А кто это? – спросил лорд Фермор, хмуря седые косматые брови.

– Я пришел как раз для того, чтобы об этом узнать, дядя Джордж. Точнее, я знаю, кто он. Он внук последнего лорда Келсо. Фамилия его матери была Девере, леди Маргарет Девере. Расскажите мне о его матери. Какой она была? За кого вышла замуж? В свое время вы знали практически всех, поэтому могли быть знакомы и с ней. Меня сейчас очень заинтересовал мистер Грей. Я только недавно с ним познакомился.

– Внук Келсо! – повторил пожилой джентльмен. – Внук Келсо!.. Конечно... Мы были близко знакомы с его матерью. Кажется, я даже присутствовал на ее крестинах. Маргарет Девере была необычайно красива. Мужчины просто взбесились, когда она сбежала с практически голым и босым мальчишкой, он был никто – младший офицер в пехотном полку или что-то вроде того. Действительно, я помню все, как будто это было вчера. Бедняга погиб на дуэли в Спа всего через несколько месяцев после свадьбы. Об этом ходили отвратительные слухи. Поговаривали, что Келсо подослал какого-то жуликоватого авантюриста, какого-то бельгийского грубияна, заплатил ему, чтобы тот публично оскорбил его зятя, а тот свернул парню шею, как птенцу. Это дело замалчивали, однако Келсо с тех пор обедал в одиночестве. Мне рассказывали, что он забрал дочь к себе, но она так и не заговорила с ним больше. Да, это очень темная история. Менее чем через год девушка тоже умерла. Так что, после нее остался сын, правда? Я уже и забыл об этом. Что он за парень? Если он похож на мать, то должен вырасти симпатичным.

– Он очень красив, – подтвердил лорд Генри.

– Надеюсь, он попадет в хорошие руки, – продолжил старик. – Скорее всего, его ждет приличное наследство, если только Келсо поступил с ним по совести. У его матери тоже были деньги. От ее деда ей досталось имение Селби. Ее дед ненавидел Келсо. Называл его скупердяем. Таким он и был. Однажды он приехал в Мадрид, когда еще я там был. К сожалению, мне было стыдно за него. Королева расспрашивала меня об английском дворянине, который всегда спорил с погонщиками о цене за проезд. Это стало целой историей. Я целый месяц не решался появиться при дворе. Надеюсь, он поступил с внуком лучше, чем обходился с теми беднягами.

– Даже не знаю, – ответил лорд Генри. – Думаю, с ним все будет в порядке. Он еще несовершеннолетний. Я знаю, что он владеет поместьем. Он рассказывал мне. А... его мать была красавицей?

– Маргарет Девере была одной из самых прекрасных женщин, которых я встречал за свою жизнь, Гарри. Я так и не смог понять, что побудило ее к тому поступку. Она могла выйти замуж за любого. Карлингтон был от нее без ума. Но, как и все женщины в той семье, она была романтической. Мужчины были так себе, но женщины были блестящие! Карлингтон стоял перед ней на коленях. Он сам мне рассказывал. А она смеялась над ним, хотя в то время все девушки в Лондоне были влюблены в него. Кстати, Гарри, насчет безрассудных браков, что это за глупости мне рассказал твой отец, якобы Дартмур хочет жениться на американке? Неужели англичанки для него недостаточно хороши?

– Сейчас модно жениться на американках, дядя Джордж.

– Я буду защищать английских женщин перед всем миром, Гарри, – сказал лорд Фермор, ударив кулаком по столу.

– Сейчас ставят на американок.

– Говорят, они недолговечны, – пробормотал его дядя.

– Длинные дистанции истощают их, однако они созданы для бега с препятствиями. Они схватывают все на лету. У Дартмура нет шансов на спасение.

– А кто ее родня? – буркнул пожилой джентльмен. – У нее вообще есть родня?

Лорд Генри покачал головой.

– Американки так же умело скрывают своих родителей, как англичанки – свое прошлое, – сказал он, поднимаясь, чтобы уйти.

– Может, они торгуют свиной?

– Я на это надеюсь, дядя Джордж, ради Дартмурового же блага. Говорят, что торговля свиной – это второе по прибыльности занятие в Америке, после политики.

– Она хороша собой?

– Ведет себя так, будто она красавица. Большинство американок так себя ведут. В этом секрет их обаяния.

– Почему бы этим американкам не оставаться на родине? Они всегда рассказывают, что там настоящий рай для женщин.

– Так и есть. Именно поэтому они, как Ева, так безумно стремятся убежать оттуда, – произнес лорд Генри. – До свидания, дядя Джордж, я опоздаю на обед, если задержусь еще на минуту. Спасибо, что рассказали то, что меня интересовало. Я люблю знать как можно больше о моих новых друзьях и как можно меньше о старых.

– Где ты будешь обедать, Гарри?

– У тети Агаты. Я приглашен вместе с мистером Дорианом Греем. Он ее последний протеже.

– Хм! Гарри, передай своей тете Агате, чтобы она больше не надоедала мне своей благотворительностью. Почему-то эта старуха решила, что мне больше нечем заняться, кроме как выписывать чеки, чтобы оплатить дурацкие благотворительные затеи.

– Хорошо, дядя Джордж, я передам, но это не поможет. Благотворители теряют всю свою человечность. В этом заключается их отличительная черта.

Пожилый джентльмен одобрительно хмыкнул и позвал слугу. Лорд Генри вышел на Берлингтон-стрит и свернул в сторону Беркли-сквер.

Итак, такова была история происхождения Дориана Грея. Короткий рассказ взволновал его, ведь он нашел в нем странную, почти современную романтику. Прекрасная женщина, которая рискнула всем ради безумной страсти. Несколько недель безудержного счастья, оборванные преступлением и ужасной изменой. Месяцы молчаливой агонии, а затем – рожденное в муках дитя. После того как смерть отобрала у него мать, мальчик остался наедине со старым тираном, который не знал любви. И все же это был интересный фон. Он подчеркивал каждую черту лица, делал его еще более совершенным. За спиной всего прекрасного, что существует в нашем мире, стоит трагедия. Мир должен выстрадать цветение малейшего цветка...

Какой же он был волшебный вчера за ужином, когда сидел напротив него в клубе, с огнем в глазах и открытым от робкой радости ртом. Красное пламя свечей подчеркивало удивление на его лице. Разговор с ним напоминал игру на изящной скрипке. Он отзывался на каждое прикосновение и движение смычка... Было что-то увлекательное в том, чтобы так влиять на его разум. Это не было похоже ни на какое другое занятие. Создавать отображения собственной души и на мгновение внушать ее другому, слышать эхо собственных взглядов, к которым добавилась музыка чужой юности и страсти, накладывая собственный темперамент на чужой так, будто это легкая нотка чужих духов. Все это дарило настоящую радость, возможно, наиболее всеобъемлющую радость из тех, что остались нам в наш ограниченный и пошлый век – век, в котором господствуют телесные утехы и общие цели...

Кроме того, он имел сказочный типаж, этот парень, которого он по странной воле случая встретил у Бэзила в мастерской, или же с него в любой момент можно было слепить сказочный типаж. В нем жили чистота, грация мальчика и красота, сравнимая с той, которую хранили для нас скульптуры Древней Греции. С ним можно было сделать все, что угодно.

Из него можно было вылепить игрушку или титана. Как же жаль, что такой красоте суждено увянуть!..

А Бэзил? Как же интересно за ним наблюдать с точки зрения психологии! Новая манера в искусстве, свежий взгляд на жизнь, которые ему странным образом подсказало одно только присутствие того, кто не имеет об этом ни малейшего представления. Молчаливый дух, который жил в темном лесу и оставался незамеченным, гуляя в чистом поле, вдруг проявил себя, будто дриада без страха, ведь его душе, которая ждала ее, открылось видение прекрасных вещей. Благодаря этому видению формы и очертания простых вещей превращаются в символы, как будто они были очертаниями и формами чего-то другого и более совершенного, чью тень они превратили в реальность. Как же все это было необычно!

Он вспоминал подобные примеры из истории. Разве это не Платон был художником мысли, который впервые об этом задумался? Разве это был не Буонарроти, кто описал это в цветных сонетах на мраморе? Но это странно наблюдать в нашем веке... Да, он попытается стать для Дориана Грея тем, чем он, сам того не ведая, стал для художника, который создал его замечательный портрет. Он постарается установить над ним контроль, в конце концов, он уже прошел половину пути. Он присвоит себе этот удивительный дух. Было что-то захватывающее в этом ребенке любви и смерти.

Вдруг он остановился и посмотрел на дома.

Он заметил, что уже немного прошел мимо дома своей тети, и развернулся назад, слегка улыбнувшись. Когда он вошел в мрачного вида прихожую, дворецкий сказал, что все уже ушли обедать. Он отдал шляпу и трость слуге и вошел в столовую.

– Ты, как всегда, опоздал, Гарри, – встретила его тетушка, укоризненно качая головой.

Он пробормотал что-то в свое оправдание и, заняв свободное место рядом с ней, начал рассматривать присутствующих. Дориан скромно поклонился ему с противоположного края стола. На его щеках появился радостный румянец. Напротив сидела графиня Харли, бесконечно добрая леди, с прекрасным характером, за который ее обожали знакомые, и с характерными пропорциями, которые современники называли бы ожирением, если бы речь шла не о графине. Справа от нее сидел сэр Томас Бердон, радикальный парламентарий, который на людях следовал за своим лидером, а в личной жизни – за лучшими поварами, за обедом сидя с консерваторами, а мыслями оставаясь с либералами, согласно общеизвестному мудрому правилу. Место слева от нее занял мистер Эрскин Тредли, пожилой джентльмен, который владел значительным запасом шарма и культуры, однако обзавелся плохой привычкой молчать. Однажды он объяснил леди Агате, что сказал все, что хотел, еще до того как ему исполнилось тридцать. По соседству с ним сидела миссис Ванделер, одна из лучших подруг его тетки, – святейшая из женщин, но одетая так безвкусно и крикливо, что больше напоминала молитвенник в плохом переплете. К счастью, с другой стороны от нее сидел лорд Фодель, крайне эрудированный, но посредственный человек, такой же скучный, как и отчет министра в палате общин. Она разговаривала с ним с упорством, которое представляло собой, как он сам когда-то признал, страшную ошибку, которой не может избежать ни один порядочный человек.

– Мы как раз говорим о бедняге Дартмуре, лорд Генри, – сказала графиня, кивнув ему с противоположной стороны стола. – Как считаете, он действительно собирается жениться на этой очаровательной молодой особе?

– Я считаю, что она уже сделала ему предложение.

– Это ужасно! – воскликнула леди Агата. – Кто-то обязательно должен вмешаться.

– Я узнал из очень надежных источников, что ее отец торгует какими-то безделушками в Америке, – надменно сказал сэр Томас Бердон.

– Мой дядя уже решил, что он торгует свининой, сэр Томас.

– Безделушками! Какими еще безделушками? – спросила графиня, вскинув руки вверх, чтобы подчеркнуть собственное удивление.

– Американские романы, – ответил лорд Генри, принимаясь за куропатку.

Графиня выглядела растерянной.

– Дорогая, не обращайтесь на него внимания, – прошептала леди Агата. – Он никогда не говорит то, что думает.

– Когда открыли Америку, – сказал радикал и начал приводить какие монотонные факты. Как и каждый, кто пытается исчерпать тему для разговора, он исчерпал внимание слушателей. Графиня вздохнула и воспользовалась своим правом вмешаться в монолог.

– Лучше бы ее и не открывали! – воскликнула она. – Теперь наши девушки не имеют ни единого шанса! Это очень несправедливо.

– Возможно, в конце концов, Америку так и не открыли, – сказал мистер Эрскин, – я скорее сказал бы, что ее просто нашли.

– Эх, а я имела возможность пообщаться с людьми оттуда, – вяло ответила графиня. – Должна признаться, что большинство из них очень хорошие. А еще они прекрасно одеваются. Им всю одежду привозят из Парижа. Хотела бы я себе такое позволить...

– Говорят, что, когда порядочные американцы умирают, их души улетают в Париж, – хохотнул сэр Томас, который и сам владел огромным количеством устаревшей одежды.

– Действительно! А куда же попадают души плохих американцев после смерти? – поинтересовалась графиня.

– В Америку, – пробормотал лорд Генри.

Сэр Томас нахмурился.

– Боюсь, ваш племянник предвзято относится к этой величественной стране, – обратился он к леди Агате. – Я объездил ее всю с лучшими проводниками. Уверю вас, это было крайне поучительно.

– Мы действительно должны увидеть Чикаго, чтобы чему-то научиться? – жалобно спросил мистер Эрскин. – Я абсолютно не настроен на такое путешествие.

Сэр Томас махнул рукой.

– Мистер Эрскин Тредли собрал весь мир на своих полках. А мы, практичные люди, больше любим видеть вещи, чем читать о них. Американцы – очень интересный народ. Они вполне рассудительны. Думаю, это их отличительная черта. Именно так, мистер Эрскин, вполне рассудительный народ. Уверю вас, они не делают никаких глупостей.

– Как же это ужасно! – воскликнул лорд Генри. – Я могу стерпеть грубую силу, однако грубая рассудительность крайне невыносима. Есть в этом что-то несправедливое. Она превосходит интеллект.

– Я не понимаю вас, лорд Генри, – сказал сэр Томас, багровея.

– А я понимаю, – с улыбкой отозвался мистер Эрскин.

– Каждый парадокс хорош по-своему... – продолжил баронет.

– Разве это парадокс? – спросил мистер Эрскин. – Я так не думаю. Хотя, может, и так. В конце концов, за парадоксами кроется истина. Чтобы понять реальность, нам следует посмотреть, как она идет по тонкому канату. Только когда она выкручивается, что тот акробат, можно ее познать.

– Господи, – сказала леди Агата, – о чем эти мужчины только не спорят! Уверена, мне никогда не понять, что вы там говорите. Кстати, Гарри, я на тебя сердита. Зачем ты отговариваешь нашего милого мистера Грея работать со мной в Ист-Энде? Уверю вас, его присутствие будет просто бесценным. Там хотели, чтобы он сыграл.

– Я просто хочу, чтобы он играл для меня, – с улыбкой сказал лорд Генри, он посмотрел через стол и поймал радостный взгляд в ответ.

– Они же такие несчастные там в Уайтчепеле, – продолжила леди Агата.

– Я способен сочувствовать всему, кроме страданий, – сказал лорд Генри, пожав плечами. – Я не могу им сочувствовать. Это слишком некрасиво, слишком ужасно, слишком огорчает. Есть нечто в высшей степени нездоровое в сочувствии к страданиям. Сочувствовать надо красоте, ярким краскам и радостям жизни. Чем меньше говорить о болячках, тем лучше.

– Однако Ист-Энд остается очень важной проблемой, – отметил сэр Томас, мрачно кивнув.

– Вы правы, – ответил юный лорд. – Это проблема рабства, а мы пытаемся решить ее, развлекаая рабов.

Политик с интересом посмотрел на него.

– Что же вы предлагаете изменить? – спросил он.

Лорд Генри рассмеялся.

– Я не хочу менять в Англии ничего, кроме погоды, – ответил он. – Мне вполне достаточно философского созерцания. Однако, поскольку девятнадцатый век обанкротился, потратив все свои соблазны, я бы предложил обратиться к науке, чтобы она исправила положение. Преимущество эмоций заключается в том, что они ведут нас в заблуждение, а ценность науки в том, что она не эмоциональна.

– Но мы несем такую огромную ответственность, – скромно вмешалась миссис Ванделер.

– Действительно огромную, – поддержала ее леди Агата.

Лорд Генри посмотрел на мистера Эрскина.

– Человечество слишком серьезно себя воспринимает. Это его величайший грех. Если бы пещерные люди умели смеяться, все сложилось бы совершенно иначе.

– Вы меня утешили, – прошептала графиня. – Раньше, когда я посещала вашу тетю, я чувствовала вину за то, что вовсе не интересуюсь делами в Ист-Энде. Отныне я смогу смотреть ей в глаза и не краснеть.

– Иногда даже полезно немного покраснеть, – отметил лорд Генри.

– Только в молодости, – ответила она. – Когда краснеет такая старуха, как я, это очень плохой знак. Ах! Лорд Генри, я хочу, чтобы вы рассказали мне, как снова стать молодой.

Он на мгновение задумался.

– Вы можете вспомнить страшную ошибку, которую вы совершили в молодости, графиня? – спросил он, не сводя с нее глаз.

– Боюсь, их было немало, – ответила она.

– Тогда совершите их все снова, – сказал он серьезно. – Чтобы вернуться в собственную молодость, достаточно просто повторить собственные глупости.

– Какая восхитительная теория! – не удержалась от восторга графиня. – Я должна испытать ее на практике.

– Опасная теория, – процедил сквозь зубы сэр Томас.

Леди Агата лишь кивнула, не в состоянии справиться со своим удивлением. Мистер Эрскин слушал.

– Да, – продолжил лорд Генри, – это один из самых удивительных секретов жизни. Сейчас большинство людей умирают под тяжестью здравого смысла, и слишком поздно понимают, что единственные вещи, о которых они никогда не будут жалеть, – это их ошибки.

За столом раздался громкий смех.

Лорд Генри играл идеей и получал от этого все больше удовольствия. Он подбрасывал ее в воздух и сразу ловил. Он давал ей бежать и снова ловил. Разрисовывал ее во все цвета радуги и отпускал лететь на крыльях парадокса. Пока он продолжал говорить, восхищение глупостей превращалось в философию, которая, в свою очередь, превратилась в юную девушку, танцевавшую, что вакханка, на холмах жизни и смеявшуюся над Силеном за его

трезвость. Факты разбегались от нее, как испуганные лесные звери. Своими босыми ногами она топтала пресс, на котором сидел премудрый Омар, пока виноградный сок не омыл ее ноги и не пролился розовой пеной.

Это была блестящая импровизация. Лорд Генри чувствовал, что взгляд Дориана Грея прикован к нему, и понимание того, что среди публики был именно тот, кого он хотел захватить собой, казалось, придавало живости и красок его воображению. Он был фантастически великолепен и бесспорен. Он очаровал своих зрителей, как факир очаровывает кобру своей музыкой. Дориан Грей не сводил с него глаз, он сидел как зачарованный, время от времени на его лице появлялась улыбка, а в глазах росло удивление.

В конце концов реальность ворвалась в комнату, надев на себя костюм слуги, чтобы сообщить графине, что ее уже ждет экипаж. Она взмахнула руками в притворном отчаянии.

– Как же мне жаль, – сказала она, – что я должна уйти, чтобы забрать мужа из клуба и пойти с ним на какое-то глупейшее собрание в комнатах Уиллиса, где мой муж будет председательствующим. Если я опоздаю, он просто придет в ярость, а я не могу позволить себе ссориться в этой шляпке – она слишком хрупкая. Резкое слово разорвет ее. Поэтому я должна идти, дорогая Агата. Всего хорошего, лорд Генри, вы совершенно восхитительный и ужасно непонятный. Я даже не знаю, что думать о ваших теориях. Вы должны прийти и пообедать с нами как-нибудь вечером. Во вторник? Вы никуда не приглашены во вторник?

– Ради вас, графиня, я отменю любые планы, – сказал лорд Генри, поклонившись.

– Ох! Это так мило и одновременно так некрасиво с вашей стороны, – улыбнулась она, – поэтому имейте в виду, я жду вас. – С этими словами она оставила комнату в сопровождении леди Агаты и остальных дам.

Когда лорд Генри сел на стул, мистер Эрскин подошел к нему, сел рядом и положил руку ему на плечо.

– Вы способны переговорить кого угодно, – сказал он. – Почему же вы до сих пор не написали ни одной книги?

– Я слишком люблю читать книги, чтобы заниматься их написанием, мистер Эрскин. Конечно, я хотел бы написать роман, такой же прекрасный, как персидский ковер, и такой же волшебный. Но английских читателей ничего не интересует, кроме газет и энциклопедий. Из всех народов мира англичане хуже всего чувствуют красоту литературы.

– Боюсь, вы правы, – ответил мистер Эрскин. – Я и сам когда-то хотел писать, но уже давно бросил думать об этом. А теперь, мой дорогой друг, если вы позволите мне так к вам обратиться, я хотел бы спросить, вы действительно верите во все то, что говорили нам за обедом?

– Совершенно не помню, что я говорил, – улыбнулся лорд Генри. – Наверное, очень плохие вещи?

– Действительно, очень плохие. Собственно говоря, я считаю, что вы крайне опасны, и если с нашей дорогой графиней что-то случится, мы возложим вину за это на вас. Но я хотел бы поговорить с вами о жизни. Я представитель скучного поколения. Однажды, когда вам надоест Лондон, посетите меня в Тредли и расскажите о вашей философии наслаждений за бокалом изысканного бургундского, которое я имею счастье держать в погребе.

– Я буду в восторге. Для меня стало бы честью посетить Тредли. Имение имеет выдающегося хозяина и выдающуюся библиотеку.

– Вы ее дополните, – ответил пожилой джентльмен, уважительно поклонившись. – А теперь мне надо попрощаться с вашей прекрасной тетушкой. Мне пора в Атенеум. В это время мы обычно спим.

– Все, мистер Эрскин?

– Да, все сорок в сорока креслах. Так мы практикуемся, чтобы вступить в Английскую академию литературы.

Лорд Генри рассмеялся и встал.

– Я пойду в парк, – сказал он.

Когда он выходил из дверей, Дориан Грей взял его за руку.

– Позвольте мне пойти с вами, – сказал он.

– Но мне казалось, что вы обещали Бэзилу Холлуорду посетить его?

– Я лучше пойду с вами. Я чувствую потребность пойти с вами. Позвольте. И пообещайте все время мне что-то рассказывать. Никто не умеет так увлекательно рассказывать обо всем, как вы.

– Нет! На сегодня я уже наговорился, – с улыбкой ответил лорд Генри. – Теперь я хочу просто понаблюдать за жизнью. Можете пойти понаблюдать вместе со мной, если хотите.

Глава 4

Днем, месяц спустя, Дориан Грей сидел в роскошном кресле в маленькой библиотеке дома лорда Генри в районе Мейфэйр. Это была по-своему волшебная комната, обитая дубовыми панелями, с кремовыми бордюрами и лепниной на потолке. Персидские коврики, разбросанные на красном сукне, довершали образ. На столике из красного дерева стояла статуэтка Клодиона, а рядом лежал экземпляр «Les Cent Nouvelles»⁴, переплетенный Кловис Эв для Маргариты Валуа. На книге красовались маргаритки – эмблема королевы. На каминной полке стояли голубые фарфоровые вазы с тюльпанами, а сквозь маленькие витражные окна струился абрикосовый свет летнего лондонского дня.

Лорд Генри еще не пришел. Он всегда опаздывал из принципа. Принцип этот заключался в том, что пунктуальность – это кража времени. Дориан сидел угрюмый и лениво листал страницы изысканно проиллюстрированного издания «Манон Леско», которое он нашел на одной из полок. Его раздражало однообразное тиканье часов работы Луи Кваторза. Несколько раз он даже задумался над тем, чтобы уйти.

Наконец он услышал шаги, и дверь открылась.

– Что же ты так опоздал, Гарри? – сказал он.

– Боюсь, это не Гарри, мистер Грей, – ответил резкий голос.

Дориан Грей быстро оглянулся и вскочил на ноги.

– Прошу прощения, я думал...

– Вы думали, это мой муж. А это всего лишь его жена. Позвольте представиться. Тем более что я уже вас хорошо знаю по вашим портретам. Если не ошибаюсь, мой муж приобрел уже семнадцать из них.

– Неужели семнадцать, леди Генри?

– Ну, может быть, восемнадцать. Кроме того, я однажды видела вас с ним в опере.

Она нервно смеялась во время разговора и не сводила с него своих голубых, будто незабудки, глаз. Это была интересная женщина, чей наряд всегда выглядел так, будто его шили в гневе, а одевали во время бури. Она все время была в кого-нибудь влюблена, но, поскольку ее страсть не встречала взаимности, она сохранила все свои иллюзии. Она стремилась выглядеть неотразимо, но удавалось ей выглядеть только неопрятно. Ее звали Виктория и ее болезненно тянуло в церковь.

– Кажется, это был «Лоэнгрин».

– Именно так, прекрасный «Лоэнгрин». Вагнер – мой любимый композитор. Его музыка такая громкая, что можно спокойно разговаривать без страха, что кто-то подслушает. Это огромное преимущество, вы согласны, мистер Грей?

С ее уст сорвался тот же смех, и ее пальцы начали играть с длинным черепаховым ножом для разрезания бумаги.

Дориан улыбнулся и покачал головой.

– Боюсь, я должен с вами не согласиться, леди Генри. Я никогда не разговариваю, когда звучит музыка, по крайней мере, хорошая музыка. Если же кто-то слышит плохую музыку, то он просто обязан заглушить ее разговором.

– О! Но это же слова Гарри, правда, мистер Грей? Я всегда слышу, как друзья Гарри говорят его словами. Именно так я о них узнаю. Но я не хочу, чтобы вы подумали, что я не люблю хорошую музыку. Я ее обожаю и одновременно боюсь. Она делает меня слишком романтической. Я просто боготворю пианистов, Гарри говорит, что иногда даже двоих сразу. Я даже не знаю, что в них такого. Может, это потому, что они иностранцы? Они же все

---

⁴ «Сто новелл» (фр.).

иностранцы, не так ли? Даже те, что родились в Англии, со временем становятся иностранцами, правда? Это так разумно и такой комплимент искусству. Это становится весьма космополитичным, не так ли? Вы же никогда не бывали на моих вечеринках, не так ли, мистер Грей? Вам обязательно следует прийти. Я не могу позволить себе орхидеи, однако у меня достаточно иностранцев. Они так украшают дом! А вот и Гарри! Гарри, я зашла, чтобы что-то у тебя спросить, уже и не помню что, и наткнулась на мистера Грея. Мы с ним очень мило поболтали о музыке. У нас с ним одни и те же предпочтения. Хотя нет, думаю, как раз наоборот. Но с ним очень приятно общаться. Я так рада, что познакомилась с ним.

– Я рад, дорогая, очень рад, – сказал лорд Генри, поднимая свои темные изогнутые брови и глядя на обоих с улыбкой. – Прости за опоздание, Дориан. Я заглянул на Вардур-стрит, чтобы приобрести кусок старинной парчи, и мне пришлось целый час за нее торговаться. В наше время люди знают стоимость всего, но ничему не знают цены.

– Боюсь, я должна идти, – сказала леди Генри, оборвав неловкое молчание своим внезапным бессмысленным смехом. – Я пообещала графине составить ей компанию. Всего хорошего, мистер Грей. Всего хорошего, Гарри. Я так понимаю, ты идешь куда-то на обед? Я тоже. Возможно, увидимся у леди Торнбери.

– Так и будет, дорогая, – сказал лорд Генри, закрыв дверь, после того как она, будто райская птичка, попавшая под страшный ливень, выпорхнула из комнаты, оставив за собой легкий аромат жасмина. Затем он закурил и растянулся на диване. – Никогда не женись на блондинке, Дориан, – сказал он после нескольких затяжек.

– Почему, Гарри?

– Потому что они очень сентиментальны.

– Но я тоже человек сентиментальный.

– Вообще никогда не женись, Дориан. Мужчины женятся от усталости, женщины – из любопытства. В результате – оба разочарованы.

– Не думаю, что мне придется жениться, Гарри. Я слишком влюблен для этого. Это один из твоих афоризмов. Я воплощаю его в жизнь, как и все, что ты говоришь.

– В кого ты влюблен? – спросил лорд Генри после короткой паузы.

– В актрису, – сказал Дориан Грей и начал краснеть.

Лорд Генри пожал плечами:

– Вполне типичный предмет первой любви.

– Если бы ты ее увидел, то не говорил бы так.

– Кто же она?

– Ее зовут Сибила Вэйн.

– Ничего не слышал о ней.

– И никто не слышал. Но однажды обязательно услышат. Она гениальна.

– Мальчик мой, среди женщин нет гениев. Женщины – это декоративный пол. Им всегда нечего сказать, и они очаровательно об этом говорят. Женщины олицетворяют триумф тела над разумом, так же как мужчины олицетворяют триумф разума над моралью.

– Гарри, как ты можешь?

– Но это правда, дорогой Дориан. Я изучаю женщин, поэтому кому, как не мне, знать. Предмет не такой непонятный, как мне казалось. Я считаю, что, в конечном счете, есть только два типа женщин: некрасивые и накрашенные. Первые женщины очень полезны. Если нужно заработать репутацию уважаемого человека, достаточно просто пригласить их на ужин. Вторая категория – это крайне очаровательные женщины. Однако они совершают одну ошибку. Они добавляют себе красок, чтобы выглядеть молодыми. Наши бабушки добавляли себе красок, чтобы удачно поддерживать разговор. Румяна и красноречие шли в комплекте. Сейчас этого уже нет. Женщина довольна, пока она может выглядеть на десять лет моложе собственной дочери. А насчет бесед, на весь Лондон только пять женщин, с кото-

рыми интересно разговаривать, двух из них невозможно представить в приличном обществе. Но все-таки расскажи мне о своем гении. Как давно ты ее знаешь?

– Боже! Гарри, твои взгляды пугают меня.

– Не обращай внимания. Вы уже давно знакомы?

– Около трех недель.

– И где же вы встретились впервые?

– Я расскажу тебе, Гарри, но ты не должен быть таким черствым. В конце концов, этого не случилось бы, если бы я не познакомился с тобой. Ты наполнил меня безудержной жаждой узнать все о жизни. После нашей встречи нечто будто запульсировало в моих жилах. Когда я отдыхал в парке или прогуливался по Пикадилли, я рассматривал всех прохожих, мне было очень интересно, что у них за жизнь. Некоторые из них меня захватывали, другие наводили на меня ужас. Воздух был наполнен несравненным ароматом. Я страстно желал новых ощущений... Так однажды вечером, около семи часов, я решил отправиться на поиски приключений. Я чувствовал, что Лондон, это чудовище с его бесконечными толпами людей, с его упорными грешниками и роскошными грехами, как ты когда-то говорил, припас кое-что для меня. Множество вещей захватывали меня. Даже опасность стала удовольствием. Я вспомнил, что ты сказал мне в тот чудесный вечер, когда мы в первый раз обедали вместе, что поиск красоты есть секрет жизни. Не знаю, чего я ожидал, но я побрел на восток и очень скоро заблудился в лабиринте мрачных улиц и темных переулков, покрытых брусчаткой. Около половины девятого я набрел на жалкий маленький театр с отвратительной афишей, напечатанной отгалкивающим шрифтом. Противный еврей в самом удивительном жакете, который я когда-либо видел, стоял перед входом и курил сигару. У него были саленые волосы, а на грязной манишке сверкал огромный бриллиант. Когда он увидел меня, то сказал: «Хотите приобрести билет в ложу, милорд?» – и удивительно услужливо снял передо мной шляпу. Гарри, в нем было что-то такое, что меня поразило. Это было просто чудовище. Знаю, тебе это покажется смешным, но я действительно пошел туда и заплатил целую гинею за ложу перед сценой. Я до сих пор не могу понять, почему я это сделал, однако, если бы все было иначе, дорогой Гарри, если бы все было иначе, я не встретил бы любовь всей своей жизни. Я вижу, ты смеешься. Это ужасно с твоей стороны!

– Я не смеюсь, Дориан, по крайней мере, я не смеюсь над тобой. Но не стоит называть это любовью всей твоей жизни. Лучше называй это первой любовью в твоей жизни. Тебя всегда будут любить, а ты будешь влюблен в любовь. Пламенная страсть – это привилегия людей, которым больше нечем заняться. Это единственное применение для высших слоев общества. Не стоит бояться. Тебя ждут удивительные вещи. Это всего лишь начало.

– Ты думаешь, я настолько поверхностно вижу мир? – злобно спросил Дориан Грей.

– Нет, я считаю, что ты глубоко чувствующая натура.

– Что ты имеешь в виду?

– Мальчик мой, те, кто влюбляются лишь раз, поверхностно смотрят на мир. То, что они называют преданностью и верностью, я называю летаргией привычки или просто отсутствием воображения. Верность – это то же для эмоциональной жизни, что постоянство для интеллектуальной, – признание собственной неудачи. Верность! Мне следует когда-то ее проанализировать. В ней есть жажда обладать. Мы могли бы выбросить так много вещей, если бы не страх, что их подберет кто-то другой. Но я не хотел тебя перебивать. Продолжай, пожалуйста.

– Что ж, я оказался в неприлично крохотной приватной ложе, а прямо перед моими глазами висели неуклюже раскрашенные кулисы. Я отодвинул ширму, чтобы осмотреть зал – он был безвкусно оформлен: амур и рога изобилия, как на третьесортном свадебном торте. Галерея и задние ряды были полностью заполнены, а вот потрепанные кресла впереди пусто-

вали. На тех местах, которые они называли балконом, не было вообще никого. Между рядами ходили продавцы апельсинов и имбирного пива, и абсолютно все ели орехи.

– Это, наверное, напоминало золотой век британской драматургии.

– Думаю, именно так, но в то же время это было крайне уныло. Я начал думать, что же делать, когда посмотрел на билет. Как ты думаешь, Гарри, что это был за спектакль?

– Скорее всего, что-то вроде «Невинный дурачок»... Думаю, нашим родителям нравились подобные произведения. Чем дольше я живу, Дориан, тем острее чувствую, что то, что подходило нашим родителям, совсем не подходит нам. В искусстве, как и в политике, старики всегда не правы.

– Этот спектакль нам подходил, Гарри. Это был «Ромео и Джульетта». Должен признать, мне стало обидно за Шекспира, которого играют в такой богом забытой дыре. И все же мной овладело любопытство. В конце концов, я решил посмотреть хотя бы первый акт. Ужасный оркестр под управлением молодого еврея, который сидел за разбитым фортепьяно, уже почти прогнал меня оттуда, но вот наконец поднялся занавес, и началось собственно представление. Ромео играл крепкий пожилой мужчина с подведенными бровями, трагическим голосом и фигурой, что у пивной бочки. Меркуцио был так же ужасен. Его играл дешевый комедиант, который вставлял собственные неудачные шутки в реплики, однако наладил дружеские отношения с задними рядами. Они оба были нелепы, как и декорации, и это выглядело так, будто они явились сюда из сельского балагана. Но Джульетта! Гарри, представь себе девушку, которой едва исполнилось семнадцать, с маленьким, прекрасным, будто цветок, личиком, глазами фиалкового цвета, напоминающими колодцы страсти, изящной головой, как у греческих статуй, на которой красуются заплетенные пряди темно-русых волос, и губами, которые больше напоминают лепестки розы. Она – самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел. Ты когда-то говорил мне, что пафос оставляет тебя равнодушным, однако эта красота – красота в чистом виде, даже твои глаза она наполнила бы слезами. Говорю тебе, Гарри, я едва мог разглядеть ее за туманом слез, накотивших на меня. А ее голос – такого голоса я еще не слышал никогда. Вначале он был очень низкий, его глубокая, ласкающая нота как будто отдельно вливалась в уши. Потом он стал громче и звучал, как флейта или далекий гобой. Во время сцены в саду в нем было трепетный экстаз, что человек слышит только перед рассветом, когда поют соловьи. Позже он иногда нес в себе безудержную страсть скрипки. Ты же знаешь, на какие удивительные вещи способен голос. Голос Сибилы Вэйн и твой – это те две вещи, которые я никогда не смогу забыть. Я слышу их каждый раз, когда закрываю глаза, и каждый из них говорит мне разные вещи. Я не знаю, который из них слушать. Почему же мне не следует любить ее? Гарри, я действительно люблю ее. Она стала для меня всем. Я каждый вечер прихожу, чтобы увидеть ее игру. В один вечер она Розалинда, а на следующий – уже Имоджена. Я видел, как она умирает в мрачной итальянской могиле, выпив яд с губ любимого. Я видел, как она бродит лесами Арденна, выдавая себя за прекрасного мальчика, одетого в камзол, панталоны и шляпу. Она впадала в неистовство, приходила к злому королю и давала ему выпить яд с горькими травами. Она была невинной Дездемоной, чью лебединую шею безжалостно сжимали черные руки ревнивца. Я видел ее в любом возрасте и каждом образе. Обычные женщины никогда не будоражат воображение. Они прикованы к своему веку. Ни одно платье не преобразует их. Их мнения видно так же хорошо, как и их шляпы. Их всегда можно найти. Ни в одной из них нет тайны. Утром они катаются верхом в парке, а вечером сплетничают за чашкой чаю. У них стандартные улыбки и изысканные манеры. Все в них очевидно. Но актрисы! С актрисами все иначе! Гарри, почему же ты никогда не говорил мне, что если кого и стоит любить, то только актрис?

– Потому что я любил очень многих актрис, Дориан.

– Да, конечно, этих ужасных женщин с крашеными волосами и разрисованными лицами.

– Не своди все к крашеным волосам и разрисованным лицам. Иногда и в них бывает необыкновенная прелесть.

– Лучше бы я не рассказывал тебе о Сибиле Вэйн.

– Ты не мог удержаться, чтобы не рассказать мне. Ты всю жизнь будешь мне рассказывать обо всем, что делаешь.

– Да, Гарри, думаю, это правда. Я ничего не могу от тебя скрыть. Ты интересным образом влияешь на меня. Если бы я когда-то совершил преступление, то пошел бы и признался тебе. Ты бы меня понял.

– Такие люди, как ты, Дориан, своенравные, подобно солнечным лучам озаряющие жизнь, не совершают преступлений. Но все равно я очень благодарен за комплимент. А теперь скажи мне... будь добр, подай мне спички, спасибо... скажи мне, в каких отношениях с Сибиллой Вэйн ты находишься сейчас?

Дориан Грей вскочил на ноги, его щеки покраснели, а в глазах вспыхнул огонь.

– Гарри! Сибила Вэйн священна для меня!

– Только к священным вещам и стоит прикасаться, Дориан, – сказал лорд Генри с необычной ноткой пафоса в голосе. – Но что тебя так раздражает? Предполагаю, что однажды она станет твоей. Влюбленные всегда начинают обманывать самих себя, а в результате они обманывают всех остальных. Именно это и называют любовью. В любом случае полагаю, что вы знакомы, ведь так?

– Конечно, мы знакомы. В первый же вечер, когда я был в театре, ужасный старый еврей зашел в ложу по завершению представления и предложил провести меня за кулисы и познакомить с Джульеттой. Это взбесило меня. Я сказал ему, что Джульетта уже сотни лет лежит в могиле в Вероне. Судя по его изумленному взгляду, у него сложилось впечатление, будто я выпил слишком много шампанского.

– Что неудивительно.

– Потом он спросил, пишу ли я в газеты, на что я ответил, что даже не читаю их. Похоже, он был этим крайне разочарован, он признался мне, что все театральные критики в заговоре против него и все они куплены.

– Я не удивлюсь, если он прав. Но в то же время, судя по их виду, большинство из них продаются почти даром.

– Что же, казалось, он считал, что ему они не по карману, – засмеялся Дориан. – К тому времени в театре уже погас весь свет, и я был вынужден уйти. Он настойчиво угощал меня сигарами, очень хорошими, по его словам. Но я отказался. На следующий вечер я, конечно, снова пришел в театр. Увидев меня, он низко поклонился мне и заверил, что я щедрый покровитель искусств. Крайне отталкивающий тип, однако он просто выдающийся поклонник Шекспира. Однажды он рассказал мне, что пять раз прогорал только потому, что упорно ставил «Барда». Кажется, он считал это своей отличительной чертой.

– Так оно и есть, дорогой Дориан, – в этом его огромное отличие от других. Большинство людей остаются ни с чем, потому что вкладывают огромные средства в прозу жизни. Потерять все из-за поэзии – это честь. Но когда ты впервые поговорил с Сибиллой Вэйн?

– На третий вечер. Она играла Розалинду. Я просто не мог сдержаться. Я бросил на сцену цветы, а она посмотрела на меня, по крайней мере, я очень хотел, чтобы было именно так. Старый еврей был настойчив. Он, видимо, решительно был настроен отвести меня за кулисы, и я сдался. Это было странно с моей стороны – не хотеть увидеть ее, правда?

– Нет, я так не считаю.

– Почему, дорогой Гарри?

– Я расскажу об этом в другой раз. А теперь расскажи мне о девушке.

– О Сибиле? Ах, она такая нежная и скромная. Есть в ней что-то детское. Она смотрела на меня широко открытыми, полными искреннего удивления глазами, когда я рассказывал, что думаю о ее игре. Казалось, она совершенно не замечала своей власти надо мной. Старый еврей скалился на пороге грязной гримерки и произносил хитроумные речи о нас обоих, пока мы стояли и смотрели друг на друга, будто дети. Он настойчиво называл меня «милорд», поэтому мне пришлось убеждать Сибилу, что никакой я не милорд на самом деле. Она сказала мне прямо: «Ты больше похож на принца, я буду называть тебя Прекрасным Принцем».

– Честное слово, Дориан, мисс Сибилла знает толк в комплиментах.

– Ты ее не понимаешь, Гарри. Я для нее просто персонаж из пьесы. Она ничего не знает о жизни. Она живет со своей угасшей, уставшей матерью, которая играла леди Капулетти в первый вечер. Выглядит она так, будто ее лучшие времена уже прошли.

– Мне знаком этот вид. Он нагоняет на меня тоску, – заметил лорд Генри, разглядывая свои кольца.

– Еврей хотел рассказать мне о ней, но я сказал, что мне это не интересно.

– И правильно сделал. В трагедиях других людей всегда есть что-то чрезвычайно низкое.

– Сибилла – это единственное, что имеет для меня значение. Какая мне разница, откуда она? От головы до маленьких ножек она совершенно и полностью божественна. Каждый день я хожу смотреть на ее выступления, и с каждым днем она кажется мне все чудеснее.

– Я так понимаю, именно по этой причине ты не останешься сейчас со мной поужинать. Я предполагал, что ты в плену какого-то странного увлечения. Так и есть, но это не совсем то, чего я ожидал.

– Но, дорогой Гарри, мы ежедневно вместе обедаем или ужинаем, и я несколько раз ходил с тобой в оперу, – сказал Дориан с круглыми от удивления глазами.

– Да, но ты всегда опаздываешь.

– Но я не могу не пойти посмотреть на игру Сибилы, – ответил Дориан, – хотя бы в одном действии. Мне ее все время не хватает, а когда я думаю о чудесной душе, заключенной в этом хрупком теле цвета слоновой кости, меня охватывает трепет.

– Ты можешь поужинать со мной сегодня, Дориан?

Он отрицательно покачал головой:

– Сегодня она Имоджена, а завтра будет Джульеттой.

– А когда же она Сибилла Вэйн?

– Никогда.

– Прими мои поздравления.

– Как же ты невыносим! Она олицетворяет собой всех великих героинь мира. Она больше, чем личность. Можешь смеяться, но говорю тебе: она гениальна. Я люблю ее и должен заставить ее полюбить меня. Ты же знаешь все тайны жизни, так расскажи мне, как завоевать сердце Сибилы Вэйн. Я хочу, чтобы Ромео ревновал. Я хочу, чтобы уже умершие влюбленные всего мира, слыша наш смех, грустили. Я хочу, чтобы дыхание нашей страсти пробудило их прах в сознание, чтоб их пепел почувствовал боль. Боже мой, Гарри, как я ее обожаю!

Дориан ходил взад-вперед по комнате и говорил. Лихорадочный румянец горел на его щеках. Он был очень возбужден.

Лорд Генри наблюдал за ним со скрытым удовольствием. Как же он был сейчас непохож на скромного напуганного мальчика, которого он встретил в мастерской Бэзила Холлурда! Его личность раскрывалась, как цветок, и расцветала ярко-красным пламенем. Душа его вышла из своего тайного убежища, и желание поспешило ей навстречу.

– И что ты предлагаешь сделать? – спросил наконец лорд Генри.

– Я хочу, чтобы вы с Бэзилем как-нибудь пошли вместе со мной и увидели ее игру. Я точно знаю, что будет дальше. Вы, без сомнения, согласитесь, что она – настоящий гений. Затем мы должны вырвать ее из лап еврея. Она обязана проработать у него три года, по крайней мере, два года и восемь месяцев, если считать с сегодняшнего дня. Конечно, придется ему заплатить. Когда все образуется, я устрою ее в один из театров в Вест-Энде. Она поразит весь мир так же, как поразила меня.

– Боюсь, это невозможно, мой дорогой мальчик.

– Поразит, поразит. Она не просто несет в себе искусство, совершенное и инстинктивное, она личность, а ты часто говоришь мне, что это личности, а не принципы меняют эпохи.

– Что ж, когда мы пойдем?

– Дай подумаю. Сегодня вторник. Давай договоримся на завтра. Завтра она играет Джульетту.

– Хорошо. В восемь в Бристоле, я возьму с собой Бэзила.

– Только не в восемь, Гарри, пожалуйста. В половине седьмого. Мы должны быть на месте до того, как поднимется занавес. Вы должны увидеть, как она встречает Ромео в первом акте.

– Половина седьмого! Ну что это за время такое! Это же что-то несносное, словно мясо с чаем или чтение английского романа. Только в семь, ни один порядочный джентльмен не ужинает раньше, чем в семь. Ты увидишь Бэзила к тому времени или мне стоит написать ему?

– Добряк Бэзил! Я уже целую неделю его не видел. Это довольно грубо с моей стороны, ведь он прислал мне портрет в изысканной раме, которую сам сделал для меня. Кроме того, хотя я и завидую немного портрету за то, что он на целый месяц моложе меня, должен признать, что он мне очень нравится. Пожалуй, лучше напиши ему. Не хочу общаться с ним наедине. Он раздражает меня своими разговорами. Он дает мне хорошие советы.

Лорд Генри улыбнулся:

– Люди любят раздавать то, в чем сами нуждаются больше всего. Именно это я называю верхом великодушия.

– Эх, Бэзил – замечательный друг, но он кажется мне неким обывателем. Я заметил это, когда познакомился с тобой, Гарри.

– Мальчик мой, Бэзил вкладывает все волшебное, что есть в нем, в свою работу. Как следствие, у него не остается ничего, чтобы жить, кроме его предубеждений, принципов и здравого смысла. Все приятные как личности художники, которых я знаю, – плохие художники. Хорошие художники существуют лишь в том, что они делают, поэтому они совершенно не интересны как люди. Великий поэт, действительно великий поэт, это наименее поэтичное создание из всех. А второстепенные – обворожительны. Чем слабее их стихи, тем эффектнее они выглядят. Сам факт того, что он опубликовал книгу второсортных сонетов, делает человека совершенно неотразимым. Он живет поэзией, которую не может написать. Другие пишут стихи, но у них нет смелости внести их в жизнь.

– Даже не знаю, действительно ли это так, Гарри, – сказал Дориан, смачивая платок духами из большого флакона с золотой пробкой, который стоял на столе. – Раз ты так говоришь, это должно быть правдой. А сейчас мне пора уходить. Меня ждет Имоджена. Не забывай о завтра. Пока.

Когда он вышел из комнаты, лорд Генри закрыл глаза и задумался. Мало кто интересовал его больше Дориана Грея, и все же юношеская увлеченность кем-то другим не вызвала в нем ни капли раздражения или ревности. Она радовала его. Это сделало еще более интересным исследование природы Дориана. Его захватывали методы естественных наук, однако сам предмет этих наук казался ему обыденным и незначительным. Поэтому он начал заниматься вивисекцией самого себя, а потом стал заниматься вивисекцией других. Он счи-

тал, что только человеческая жизнь стоит того, чтобы ее исследовали. Все остальное не имело значения по сравнению с ней. Действительно, увидев жизнь во всем ее многообразии удовольствий и боли, никто не мог продолжать носить стеклянную маску безразличия на своем лице, чтобы уберечься от ужасных фантазий или обманчивых мечтаний. В жизни есть настолько неуловимые яды, что нужно самому пострадать от них, чтобы понять их действие. Есть такие странные болезни, что, только оправившись от них, можно понять их природу. И все же огромная награда ждет того, кто пройдет этот путь. Каким же чудесным становится для него мир! Какая же это радость – заметить странную логику страсти и эмоциональную окрашенность интеллекта, наблюдать, как они объединяются в единое целое, чтобы снова разойтись своими дорогами, замечать моменты, когда они в гармонии и когда диссонируют друг с другом! Какая разница, какой ценой. Любое ощущение – бесценно.

Он понимал, и это понимание придавало радостного блеска его агатовым глазам, что это его слова, музыка его речей, произнесенных его певучим голосом, заставили душу Дориана Грея обратиться к прелестной девушке и преклониться перед ней. Во многом парень стал его творением. Он быстро открыл юноше тайны жизни. Это многое значит. Обычные люди ждут, пока жизнь сама откроет им эти секреты, но немногим избранныкам тайны жизни открываются раньше, чем поднимется завеса. Иногда это происходит благодаря искусству, в основном благодаря литературе, которая имеет дело непосредственно с умом и страстями. И время от времени сформировавшаяся личность берет на себя функцию искусства и становится своеобразным его произведением. Жизнь, так же как и литература, живопись или скульптура, имеет собственные шедевры.

Да, Дориан быстро повзрослел. Он уже собирает урожай, хотя еще весна. Он все еще чувствовал пульс и страсть молодости, однако уже осознавал себя. За ним было приятно наблюдать. Его прекрасные тело и душа делали из него настоящее чудо. Не имело значения, как это все закончится или как должно закончиться. Он был будто участник карнавала или персонаж спектакля, чьи радости кажутся нам далекими, но чьи страдания пробуждают в нас чувство прекрасного, ведь их раны похожи на розы.

Душа и тело, тело и душа, как же они загадочны! Есть что-то животное в душе, а тело также несет в себе долю духовности. Чувственные порывы способны со временем стать утонченными, а разум – угаснуть. Можно ли с уверенностью сказать, когда именно голос души начинает звучать громче, чем голос тела? Определения психологов слишком расплывчатые! Да и к тому же различные школы трактуют одни и те же вещи по-разному. Неужели душа действительно только тень в царстве греха? Или, как говорил Джордано Бруно, тело содержится в душе? Разделение тела и духа – это такая же тайна, как и их объединение.

Ему стало интересно, сможет ли психология когда-либо стать абсолютной наукой, которая объяснит нам каждую мельчайшую частичку жизни. На данный момент мы все еще слишком часто не понимаем самих себя и окружающих. Опыт не имеет никакой моральной значимости. Это только название, которое люди дали своим ошибкам. Как правило, моралисты считают его своеобразным предостережением, полезным для формирования характера, превозносят его, как учителя, который подсказывает, каким путем лучше пойти. Однако опыт не может мотивировать. В нем, как и в сознании в общем, нет движущей силы. Единственное, на что он указывает, это то, что наше грядущее обычно бывает подобно нашему прошлому и что грех, совершенный однажды с содроганием, мы повторяем в жизни много раз и с радостью.

Для него было очевидно, что научно проанализировать страсти можно только с помощью эксперимента. Дориан Грей стал для него удобным и перспективным объектом исследования. Его неожиданные безумные чувства к Сибиле Вэйн представляли собой весьма интересный психологический феномен. Несомненно, большую роль в этом сыграл интерес, любопытство и жажда новых ощущений, однако это была не простая, а весьма разносторон-

няя страсть. То, что было рождено чувственными юношескими инстинктами, самому Дориану кажется чем-то далеко не чувственным, а потому оно крайне опасно. Именно страсти, о природе которых мы обманываем сами себя, имеют наибольшую власть над нами. Слабее же всего на нас влияют вполне понятные нам мотивы. Часто случается так, что мы проводим эксперименты над самими собой, думая, что экспериментируем над другими.

Пока лорд Генри сидел и размышлял обо всем этом, раздался стук в дверь, в комнату вошел дворецкий и напомнил, что пора собираться на ужин. Лорд встал и выглянул на улицу. Закат окрасил пурпуром и золотом верхние окна в доме напротив. Стекла сверкали, как листы нагретого металла. Небо над головой было блекло-розового цвета. Он думал о своем молодом друге и его огненного цвета жизни, и ему было интересно, к чему все это приведет.

Вернувшись домой около половины первого, он заметил на столе в гостиной телеграмму от Дориана Грея. Он открыл ее и прочитал, что юноша помолвлен с Сибиллой Вэйн.

Глава 5

– Мама, мама, как же я счастлива! – шептала девушка, склонив голову на колени пожилой женщине с усталым лицом, которая сидела спиной к яркому свету в единственном кресле, стоявшем в их мрачной гостиной. – Как же я счастлива! – повторила Сибила. – И тебе также стоит радоваться!

Миссис Вэйн вздрогнула и положила свои тонкие набеленные руки дочери на голову.

– Радоваться! – тихо проговорила она. – Я, Сибила, радуюсь, только когда наблюдаю за твоей игрой. Тебе не стоит думать ни о чем, кроме театра. Мистер Айзекс прекрасно к нам относится, мы должны ему денег.

Девушка подняла голову и недовольно поморщилась.

– Деньги, мама? – переспросила она – Что такое деньги? Любовь важнее любых денег.

– Мистер Айзекс дал нам пятьдесят фунтов вперед, чтобы мы могли оплатить долги и приобрести все необходимое для Джеймса. Тебе нельзя об этом забывать, Сибила. Пятьдесят фунтов – это огромная сумма. Мистер Айзекс чрезвычайно благосклонен к нам.

– Он не джентльмен, мама, и мне противна его манера разговаривать со мной, – сказала девушка, вставая и направляясь к окну.

– Но если бы не он, я даже не знаю, что бы мы делали, – мрачно сказала мать.

Сибила Вэйн покачала головой и засмеялась.

– Он нам больше не нужен, мама. Теперь нашу жизнь будет устраивать Прекрасный Принц.

Затем она замолчала. Кровь ударила ей в лицо, окрасив щеки в розовый цвет. Ее уста разжались и задрожали. Ветер страсти, казалось, встревожил складки ее платья.

– Я люблю его, – выдохнула она.

– Глупенькое дитя! Глупенький ребенок! – повторяла мать в ответ. А движения скрюченных пальцев с дешевыми перстнями на них делали ее слова какими-то бессмысленными.

Девушка снова засмеялась. В ее голосе звучало счастье птицы, попавшей в клетку. Ту же радость излучали ее глаза, она на мгновение закрыла их, будто пытаясь скрыть свою тайну. Когда же они вновь открылись, то были будто овеяны туманом мечтаний.

Из обтрепанного кресла с ней говорила тонкогубая мудрость, проповедуя осторожность, приводя соображения из книги трусости, которую сама называла здравым смыслом. Но она не слушала. Она чувствовала себя свободной в своей клетке страсти. Ее Принц, ее Прекрасный Принц, был рядом с ней. Она обратилась к памяти, чтобы воспроизвести его образ. Она отправила свою душу на поиски, и та вернула ей Принца. Его поцелуй еще горел на губах. Ее веки еще согревало его дыхание.

Тогда мудрость изменила тактику и заговорила о том, что следует узнать человека как можно лучше. Возможно, этот юноша состоятельный. Если так, надо подумать о браке. Но волны житейской хитрости не достигали берегов ушей Сибила, а стрелы лукавства летели мимо. Она видела перед собой только его тонкие губы и сияла улыбкой.

Вдруг она почувствовала потребность поговорить. Громкое молчание смутило ее.

– Мама, мама, – сказала она – за что он меня так любит? Я знаю, за что я люблю его – за то, что он похож на самую любовь. Но что же он нашел во мне? Я его не стою. И все же, сама не знаю почему, я не чувствую себя униженной. Я горжусь, очень горжусь. Мама, ты любила моего отца так же, как я люблю Прекрасного Принца?

Старушка побледнела под слоем дешевой пудры, а ее губы скривились от боли. Сибила подбежала к ней, обняла и прижала к себе.

– Прости, мама, я знаю, что тебе больно говорить об отце. Но ведь тебе больно, потому что ты так сильно его любила. Не стоит унывать. Я так же счастлива, как ты была двадцать лет назад. Так позволь же мне оставаться счастливой всегда!

– Крошка моя, ты еще слишком молода, чтобы влюбляться. Кроме того, что тебе известно об этом молодом человеке? Ты даже не знаешь, как его зовут. Вся эта история очень неудобная, да еще и Джеймс отправляется в Австралию, и все это мне как снег на голову. Хочу сказать, тебе стоит получше все это обдумать. Однако, если он все-таки богатый...

– Мама, ну мама, позволь мне быть счастливой!

Миссис Вэйн посмотрела на дочь и обняла ее широким театральным жестом, которые так часто становятся вполне обыденными для актеров. Тотчас в комнату вошел несколько неуклюжий молодой человек с непослушными темными волосами. У него была коренастая фигура, большие руки и ноги. Он ни в чем не был таким изящным, как его сестра. Было даже трудно поверить, что они родственники. Миссис Вэйн посмотрела на него и улыбнулась еще шире. Для нее сын стал зрителем, перед которым они с дочкой разыгрывали интересную сцену.

– Может, мне перепадет несколько твоих поцелуев, Сибила? – сказал юноша с доброжелательной улыбкой.

– Ты же не любишь, чтобы тебя целовали, – ответила она. – Ах ты медведь!

Она подбежала к нему и крепко обняла.

Джеймс Вэйн с нежностью посмотрел на лицо сестры.

– Пойдем прогуляемся, Сиб. Не думаю, что мне еще когда-нибудь придется вернуться в этот страшный город. Да я и не хочу.

– Сынок, не говори таких ужасных вещей, – сказала миссис Вэйн, вздохнув, и взялась латать какое-то театральное платье.

Она немного расстроилась из-за того, что к ним не присоединился ее сын. Это только добавило бы драматизма ситуации.

– Почему бы и нет, мама? Так оно и есть.

– Мне больно это слышать. Я надеюсь, что ты вернешься из Австралии состоятельным человеком. В колониях не сыскать приличного общества, поэтому, когда заработаешь себе состояние, возвращайся и обустройвай жизнь в Лондоне.

– Приличное общество... – пробормотал юноша. – Мне это не интересно. Я просто хочу заработать достаточно денег, чтобы вам с Сибилой больше не приходилось работать в театре. Я ненавижу театр.

– Эх, Джим, – с улыбкой сказала Сибила, – как же это невежливо с твоей стороны! Ты действительно хочешь погулять со мной? Это было бы прекрасно! Я боялась, что ты пойдешь прощаться со своими друзьями – с Томом Харди, который подарил тебе ту странную трубку, или Недом Лэнгтоном, который всегда смеется над тобой, когда ты ее куришь. Это очень мило с твоей стороны – провести свой последний вечер в Лондоне со мной. Куда пойдешь? Давай пойдешь в парк.

– Я плохо выгляжу для парка, – ответил он, нахмурившись. – Только хорошо одетые люди ходят в парк.

– Что за глупости ты говоришь, Джим! – Она поправила рукав его пиджака. Мгновение он колебался.

– Ну хорошо, – сказал он наконец, – только собирайся быстрее.

Она, пританцовывая, выбежала из комнаты. С лестницы раздавалось ее радостное пение.

Он несколько раз обошел комнату, а потом обернулся к неподвижной фигуре в кресле.

– Мама, мои вещи готовы? – спросил он.

– Да, все готово, Джеймс, – ответила она, не сводя глаз со своего шитья.

Последние несколько месяцев ей было неудобно оставаться наедине со своим жестким и грубым сыном. Ее таинственная натура волновалась, когда они встречались взглядами. Она все время думала: не заподозрил он что-то? В конце концов она не выдержала молчания, которое Джеймс не собирался нарушать. Она начала жаловаться. Женщины защищаются или с помощью нападения, или с помощью внезапной и необъяснимой капитуляции.

– Надеюсь, Джеймс, ты будешь доволен своей жизнью моряка, – сказала она. – Не забывай только, что это был твой выбор. Ты мог бы стать поверенным. Адвокаты – весьма почтенное сословие, в провинции их часто приглашают в самые лучшие дома.

– Я ненавижу офисы и клерков, – ответил он. – Но ты права. Я сам выбрал для себя жизнь. Все, чего я прошу, мама, – береги Сибилу. Не допусти, чтобы с ней что-то произошло. Мама, ты должна о ней позаботиться.

– Ты говоришь странные вещи, Джеймс. Конечно, я позабочусь о Сибиле.

– Я слышал, что какой-то джентльмен каждый вечер приходит в театр и ходит к ней за кулисы. Это правда? Что ты скажешь об этом?

– Ты говоришь о вещах, которых не понимаешь, Джеймс. Для нашей профессии нормально, когда нам уделяют внимание. Когда-то мне тоже присылали множество цветов. Это было в то время, когда люди действительно знали толк в театре. А насчет Сибилы, так я еще не знаю, насколько серьезно это ее увлечение. Но этот юноша, без сомнения, настоящий джентльмен. Он всегда очень вежлив со мной. Кроме того, похоже, он весьма богат, ведь он всегда посылает Сибиле просто замечательные цветы.

– Однако ты не знаешь, как его зовут, – сухо сказал Джеймс.

– Нет, – ответила его мать с невозмутимым выражением лица. – Он все еще не открыл свое настоящее имя. Я считаю, в этом есть что-то крайне романтическое. Он явно аристократ. Джеймс Вэйн прикусил губу.

– Позаботься о Сибиле, мама, – сказал он, – позаботься.

– Сынок, ты меня обижаешь. Сибиле всегда находится под моей заботливой опекой. Этот джентльмен состоятельный, так почему бы нам не заручиться его поддержкой. Он, скорее всего, из аристократов, по крайней мере, все на это указывает. Он может стать блестящей партией для Сибилы. Из них получилась бы отличная пара. Он действительно выдающийся красавец, это все замечают.

Юноша бормотал что-то про себя и барабанил пальцами по подоконнику. Он как раз обернулся, чтобы что-то сказать, когда дверь отворилась и в комнату вбежала Сибиле.

– Вы такие серьезные! – воскликнула она. – Что произошло?

– Ничего, – ответил он. – Думаю, всем иногда приходится быть серьезными. Всего хорошего, мама. Я пообедаю в пять. Не переживай: весь багаж, кроме рубашек, уже сложен.

– Всего хорошего, сынок, – ответила она и сдержанно поклонилась.

Ее очень раздражало то, как он с ней разговаривал, а его взгляд вызвал в ней страх.

– Поцелуй меня, мамочка, – сказала девушка. Ее нежные, будто лепестки цветов, губы прикоснулись к материнской щеке и на мгновение согрели ее.

– Доченька! Доченька! – воскликнула миссис Вэйн, подняв глаза вверх, чтобы увидеть галерку воображаемого театра.

– Пойдем уже, Сиб, – нетерпеливо позвал ее брат. Он терпеть не мог театральности матери.

Они вышли на улицу, где было ветрено, но солнечно, и пошли вниз по унылой Юстон-роуд. Прохожие с удивлением смотрели на мрачного неряшливо одетого юношу, который сопровождал грациозную и изящную юную леди. Он был похож на простого садовника рядом со своей розой.

Время от времени Джим хмурился, улавливая на себе любопытные взгляды незнакомцев. Он ненавидел, когда его рассматривали. Это ощущение приходит к гениям на склоне

лет, но никогда не покидает простых людей. Сибила же не обращала на это никакого внимания. Ее любовь вызывала улыбку на ее лице. Сибила думала о Прекрасном Принце, но не говорила о нем, чтобы не отвлекаться от своих мыслей. Вместо этого она рассказывала о корабле, на котором Джим выйдет в море, о золоте, которое он обязательно найдет, и о прекрасной леди, которую он, конечно же, спасет из лап разбойников в красных рубашках. По ее мнению, он не должен был оставаться матросом, или помощником капитана, или кем он там собирался стать. Ни в коем случае! Жизнь матроса просто ужасна. Даже представить страшно этот плен на корабле, пока высоченные волны пытаются опрокинуть его, а неудержимый ветер со свистом ломает мачты и рвет паруса. Прибыв в Мельбурн, он должен сразу покинуть корабль, попрощаться с капитаном и отправиться на золотые прииски. Менее чем за неделю он найдет огромный слиток чистого золота, крупнейший за всю историю, его будут доставлять тележкой в сопровождении шести полицейских. Трижды на них нападут лесные разбойники и трижды потерпят поражение. Хотя нет, ему вообще не следует отправляться на рудники. Это ужасное место, где мужчины отравляют или стреляют друг в друга в баре, постоянно ругаясь при этом. Он должен вести тихую фермерскую жизнь и разводить овец. Однажды, возвращаясь домой, он заметит прекрасную леди, похищенную каким негодяем. Он догонит их и спасет ее. Понятное дело, они влюбятся друг в друга, женятся и вернутся в Лондон, где будут жить в роскошном доме. Именно так его ожидало прекрасное будущее. Но ему нужно быть добрым и терпеливым и не тратить деньги на всякую ерунду. Хотя она и старше его всего на год, но знает о жизни гораздо больше. Кроме того, он должен обязательно писать ей с каждой почтой и каждый вечер молиться перед сном. Бог милостив, и он ему поможет. Она также будет за него молиться, и через несколько лет он вернется в Лондон богатым и счастливым.

Юноша невнимательно слушал ее и ничего не говорил в ответ. Он покидал дом с тяжелым сердцем.

Однако не только это смущало его и нагоняло на него грусть. Даже его незначительного жизненного опыта хватало, чтобы понять, что Сибила в опасности. Этот юный денди, в которого она влюбилась, не предвещал ничего хорошего. Он был джентльменом, именно за это Джеймс ненавидел его – ненавидел лютой классовой ненавистью, которая была непонятной ему самому, а оттого была еще сильнее. Он также понимал, что удивительная беспечность и тщеславие собственной матери могли стать роковыми для Сибила. Сначала дети любят своих родителей, потом осуждают их. Иногда они их прощают.

Его мать! Он собирался кое-что у нее спросить, это кое-что не давало ему покоя уже несколько молчаливых месяцев. Случайно услышанная в театре фраза, насмешливый шепот, который он уловил однажды вечером за кулисами, разбудил в нем целую армию ужасающих догадок. Он вспоминал тот момент, когда его будто ударили кнутом по лицу. Он нахмурился так, что глубокая морщина прорезалась между бровями, и с мученическим выражением лица прикусил губу.

– Ты не слушаешь ни слова из того, что я тебе говорю! – возмутилась Сибила. – Я тут строю замечательные планы твоего будущего. Скажи хоть слово.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Что ты будешь хорошим мальчиком и не будешь забывать о нас, – ответила она, улыбаясь.

Он пожал плечами.

– Ты забудешь обо мне быстрее, чем я о тебе, Сибила.

Она покраснела:

– Что ты имеешь в виду, Джим?

– Я слышал, у тебя новый приятель. Кто он такой? Почему ты мне о нем не рассказала?

Он не принесет тебе ничего хорошего.

– Остановись, Джим, – сказала она. – Не смей плохо говорить о нем! Я люблю его.

– Да ты же даже его имени не знаешь, – ответил парень. – Кто он такой? Я имею право знать.

– Его зовут Прекрасный Принц. Разве не замечательное имя? Запомни его, глупый мальчишка. Если бы ты только увидел его, то сразу понял бы, что он прекраснее всех на свете. Однажды, когда ты вернешься из Австралии, вы познакомитесь. Он тебе понравится. Он всем нравится, а я люблю его. Как бы я хотела, чтобы ты мог прийти сегодня в театр. Он там будет, а я буду играть Джульетту. О, как же я ее сыграю! Джим, только представь – любить и играть Джульетту! В то время как он будет сидеть в зале! Играть ради его удовольствия! Боюсь, я спугну зрителей или произведу величайшее впечатление на них. Любить – значит вознестись над самим собой. Бедный мистер Айзекс опять будет кричать, что я гений, своими друзьями в баре. Он всегда верил в меня, а теперь уверует. Я это чувствую. И все это благодаря ему и только ему, моему Прекрасному Принцу, моему прекрасному повелителю. Но я такое ничтожество по сравнению с ним. Ну и что? Нищета ползет в двери, а любовь влетает через окно. Наши пословицы следовало бы переделать. Они были написаны зимой, а сейчас лето. Нет, для меня сейчас весна – мое время, танец цветов под голубым небом.

– Он джентльмен, – мрачно сказал юноша.

– Принц, – радостно воскликнула она. – Чего тебе еще нужно?

– Он хочет сделать из тебя рабыню.

– Меня ужасают мысли о свободе.

– Берегись его.

– Увидев его, нельзя не влюбиться, познакомившись с ним, нельзя ему не доверять.

– Ты просто сошла с ума из-за него, Сиб.

Она засмеялась и взяла его за руку.

– Мой дорогой Джим, ты говоришь так, будто тебе сто лет. Однажды ты сам влюбишься. Тогда ты поймешь, что это такое. Не стоит так расстраиваться. Наоборот, тебе надо радоваться, что хоть ты и уезжаешь, но оставляешь меня счастливее, чем когда-либо до этого. Нам обоим жилось нелегко, даже очень трудно. Но теперь все изменится. Ты отправляешься в новую жизнь, а я нашла ее для себя тут. Здесь есть свободные места, давай сядем и посмотрим на красивых людей.

Они сели в толпе. Тюльпаны на клумбах горели красным пламенем. Белая пыль будто наполняла воздух туманом. Над головами, будто гигантские бабочки, проплывали цветные зонтики.

Сибила заставляла брата говорить о себе, своих надеждах и перспективах. Он говорил медленно и неохотно. Они обменивались словами, как игроки – фишками. Сибила чувствовала себя подавленной, ведь она не могла передать свою радость брату. Наибольшим ее достижением была тень улыбки на его мрачном лице. Через некоторое время она замолчала. Вдруг она заметила знакомые золотистые кудри и улыбку на губах. Это Дориан Грей с двумя леди проезжал мимо в открытом экипаже. Она вскочила на ноги.

– Вот же он! – воскликнула она.

– Кто? – спросил Джим Вэйн.

– Прекрасный Принц, – ответила она, глядя вслед экипажу.

Он также вскочил и схватил ее за руку.

– Покажи его мне. Который из них? Укажи на него. Я должен его увидеть! – воскликнул он, однако в тот же миг перед ними проехала карета графа Бервика, и экипаж исчез из поля зрения.

– Он исчез, – грустно сказала Сибила. – Я так хотела, чтобы ты его увидел.

– Я тоже хотел увидеть. Честное слово, если он тебя обидит, я убью его!

Она с ужасом посмотрела на него. Он еще раз повторил свои слова. Они пронзили воздух, будто кинжал. Люди вокруг начали смотреть на них. Дама, стоявшая рядом с Сибилой, тихонько засмеялась.

– Пойдем отсюда, Джим, пойдем, – прошептала Сибила и повела брата через толпу. Джим шел за ней и радовался сказанному.

Дойдя до статуи Ахилла, она обернулась. В ее глазах было сожаление, а на лице – улыбка. Она покачала головой.

– Какой же ты дурачок, Джим. Мальчишка с отвратительным характером, вот и все. Как ты можешь говорить такие ужасные вещи? Ты не знаешь, о чем говоришь. Ты просто ревнуешь и злишься. Эх! Тебе нужно влюбиться. Любовь меняет людей к лучшему, а то, что ты сказал, – ужасно.

– Мне уже шестнадцать, – ответил он. – И я знаю, что говорю. Мать тебе не поможет. Она не понимает, как о тебе следует заботиться. Лучше бы я вообще не собрался в Австралию. Я всерьез думаю о том, чтобы отменить все. Если бы не были подписаны все бумаги, я бы так и сделал.

– Не будь таким серьезным, Джим. Ты будто герой бессмысленной мелодрамы, в которых так любила играть мама. Я не собираюсь с тобой ссориться. Я его увидела, а один только взгляд на него дарит мне счастье. Мы не будем ссориться. Я знаю, что ты никогда не обидишь того, кого я люблю, правда?

– По крайней мере, пока ты его будешь любить, – ответил Джим.

– Я буду любить его всегда! – воскликнула она.

– А он?

– Тоже всегда.

– Для него же лучше, чтобы так и было.

Она оттолкнула его. Затем засмеялась и положила руку ему на плечо. Он был еще мальчиком.

Вблизи мраморной арки они сели в омнибус, который довез их до неопрятного дома на Юстон-роуд, где они жили. Уже пробило пять часов, а Сибила должна была обязательно полежать несколько часов перед выступлением. Джим настаивал на этом. Он сказал, что лучше попросится с ней без матери. Она была бы рада разыграть сцену, а Джим ненавидел любые сцены. Поэтому они попросились в комнату Сибилы. В сердце юноши бушевали ревность и ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой. Однако, когда она крепко обняла его и запустила пальцы ему в волосы, его сердце растаяло, и он поцеловал ее с искренней любовью. Когда он спустился по лестнице, в его глазах блестели слезы.

Внизу его ждала мать. Когда он вошел, она сразу же выразила недовольство его опозданием. Джеймс ничего не ответил, а молча сел за скромный обед. Мухи летали над столом и лазили по скатерти. Сквозь урчание омнибусов и стук экипажей он слышал отвратительный голос, который забирал у него его последние минуты дома.

Через некоторое время он отставил тарелку и подпер голову руками. Он чувствовал, что имел право знать. Если его подозрения верны, то он должен был узнать об этом уже давно. Его мать застыла от ужаса и не сводила с него глаз. Слова вылетали из ее уст автоматически. Она нервно то складывала, то раскладывала грязный маленький носовой платок. Затем он обернулся к ней, и их взгляды встретились. В ее глазах он увидел немую мольбу о пощаде. Это разгневало его.

– Мама, у меня к тебе вопрос, – сказал он. Матушка лениво разглядывала комнату. – Скажи мне правду. Я имею право знать. Мой отец был твоим мужем?

Она глубоко, с облегчением вздохнула. Ужасный момент, которого она боялась ежеминутно, днем и ночью, неделями и месяцами, наконец пришел, и вдруг ее страх отступил. От

этого она испытала даже разочарование. Грубая прямота вопроса требовала столь же прямого ответа. Никто не готовил ситуацию специально. Это напоминало ей неудачную репетицию.

– Нет, – сказала она, удивляясь жестокой простоте жизни.

– Значит, он был негодяем? – воскликнул парень, сжав кулаки.

Она покачала головой:

– Я знала, что у него есть жена. И мы любили друг друга очень сильно. Если бы он был жив, то позаботился бы о нас. Не говори о нем плохо, сынок. Он был твоим отцом и джентльменом. Он был благородного происхождения.

С его уст сорвалось проклятие.

– Я не за себя переживаю, – сказал он. – Не позволяй Сибиле повторить твою ошибку. Тот, кто в нее влюблен или, по крайней мере, говорит, что влюблен, как я понимаю, тоже благородных кровей?

На мгновение женщину охватило гнетущее чувство стыда. Она склонила голову и едва смогла утереть слезы дрожащей рукой.

– У Сибилы есть мать, – всхлипнула она. – У меня же не было.

Джим был тронут. Он подошел к ней, наклонился и поцеловал.

– Прости, что причинил тебе боль вопросом об отце, – сказал он, – но я не мог держать это в себе. Мне пора уходить. До свидания. Помни: теперь ты должна заботиться только об одном ребенке. Если этот человек хоть как-то обидит мою сестру, я узнаю, кто он такой, найду его и прирежу как собаку. Клянусь!

Преувеличенное безумие угрозы, страстные жесты, которые ее сопровождали, безумные слова, полные мелодрамы, – все это словно украсило жизнь миссис Вэйн яркими красками. Ей было знакомо это чувство. Она глубоко вдохнула и впервые за последние несколько месяцев восхищалась сыном, а не боялась его. Она хотела бы продолжить эту эмоционально напряженную сцену, но он оборвал ее. Нужно было снести вниз чемоданы и найти вязаный шарф. По квартире носился дворецкий, надо было еще договориться с кучером о цене. Момент был испорчен вульгарными мелочами. Когда она махала платком своему сыну, в ней возродилось чувство разочарования. Она понимала, какая замечательная возможность была утрачена. Она нашла утешение в том, что рассказала Сибиле, какой пустой стала ее жизнь теперь, когда она должна заботиться только об одном ребенке. Она запомнила это выражение. Оно ей понравилось. Об угрозе сына мать не вспоминала. Она была произнесена слишком ярко и драматично. Миссис Вэйн надеялась, что однажды они все вместе над ней посмеются.

Глава 6

– Я полагаю, ты уже слышал новость, Бэзил, – сказал лорд Генри в тот вечер, когда Холлуорд вошел в зал ресторана «Бристоль», чтобы пообедать с ним.

– Нет, Гарри, – ответил художник, отдавая свои пальто и шляпу дворецкому. – Что за новости? Надеюсь, это не связано с политикой! Ты же знаешь, политика меня не интересует. На всю палату общин не найдется достойной кандидатуры для портрета, хотя некоторых из них я бы с радостью зарисовал.

– Дориан Грей помолвлен, – сказал лорд Генри, не сводя с него глаз.

Холлуорд на мгновение замолчал и нахмурился.

– Дориан помолвлен! – воскликнул он. – Это невозможно!

– Однако это правда.

– С кем?

– С какой-то актриской или что-то вроде того.

– Не могу в это поверить. Дориан слишком здравомыслящий для такого.

– Дориану хватает мудрости делать глупости время от времени, дорогой Бэзил.

– Вряд ли брак относится к вещам, которые можно делать время от времени, Гарри.

– Если речь идет не об Америке, – лениво отметил лорд Генри. – Но я же не сказал, что он женился. Я всего лишь сказал, что он помолвлен. Это совершенно разные вещи. Я четко помню, что я женат, но не помню, чтобы я когда-либо был помолвлен. Скорее всего, я никогда и не был помолвлен.

– Но учти происхождение, статус и состояние Дориана. Это же глупость – вступить в такой неравный брак.

– Вот так ему и скажи, если хочешь, чтобы он точно женился на этой девушке. Тогда уж его точно ничто не остановит. Люди делают величайшие глупости из благородных побуждений.

– Надеюсь, она хорошая девушка. Не хочу, чтобы Дориан попал в лапы какой-то твари, которая разрушит его прекрасную натуру и светлый ум.

– Не беспокойся, она лучше, чем просто хороша, – она красавица, – сказал лорд Генри, потягивая вермут из бокала. – Дориан говорит, что она прекрасна, а в таких вещах он редко ошибается. Благодаря портрету твоей работы он стал лучше видеть красоту окружающих. Это одна из замечательных вещей, которые сделал портрет. Мы увидим ее сегодня вечером, если только мальчик не забыл, о чем мы договорились.

– Ты сейчас серьезно?

– Вполне серьезно, Бэзил. Горе мне, если когда-то придется быть еще серьезнее, чем сейчас.

– А ты одобряешь это его решение, Гарри? – спросил художник, закусив губу. – Ты не можешь это одобрять. Это какое-то глупое увлечение.

– Я никогда ни к чему не отношусь положительно или отрицательно. Это абсурдный подход к жизни. Мы живем не для того, чтобы навязывать другим собственные моральные предубеждения. Я никогда не обращаю внимания на то, что говорят простые люди, и никогда не вмешиваюсь в то, что делают люди прекрасные. Если человек меня захватывает, то что бы он ни делал, это приносит мне радость. Дориан Грей влюбился в прекрасную девушку, которая играет Джульетту, и попросил ее руки. Почему бы и нет? Если бы он женился на Мессалине, это было бы не менее интересно. Ты же знаешь, я не сторонник брака. Самый большой недостаток брака в том, что он лишает людей эгоизма. Вместе с эгоизмом люди теряют яркие цвета. Им не хватает индивидуальности. И все же некоторые личности становятся еще более разнообразными в браке. Они сохраняют свою сущность и добавляют к ней

новые. Им приходится проживать несколько жизней. Это побуждает их к самоорганизации, а самоорганизация – это, по моему мнению, одна из задач человека в жизни. Кроме того, любой опыт важен, а брак – это огромный опыт, кто бы там что не говорил. Надеюсь, что Дориан Грей женится на этой девушке, будет полгода страстно любить ее, а затем найдет себе новый объект восхищения. За этим будет очень интересно наблюдать.

– Ты так не думаешь, Гарри, я это знаю. Если Дориан испортит себе жизнь, никто не будет сожалеть об этом больше, чем ты сам. Ты гораздо лучше, чем хочешь казаться.

Лорд Генри рассмеялся:

– Причина нашего желания видеть добро в других заключается в том, что мы боимся самих себя. Основой оптимизма является ужас. Мы считаем себя щедрыми, когда в мыслях наделяем ближнего качествами, которые пойдут на пользу нам самим. Мы восхваляем банкира в надежде, что тот займет нам денег. Даже в разбойнике мы ищем доброту, благодаря которой он мог бы не ограбить нас. Я имел в виду именно то, что сказал. Я крайне презираю оптимизм. А насчет испорченной жизни, так единственный способ испортить жизнь – это остановить ее развитие. Если хочешь уничтожить природу, ее достаточно просто изменить. Относительно брака, конечно, это будет ерунда, но есть и гораздо более интересные формы связи между мужчиной и женщиной, чем брак. Я их всенепременно поощряю. Они очаровательны тем, что модны. А вот, собственно, и Дориан. Он расскажет тебе больше.

– Дорогой Гарри, дорогой Бэзил, вы должны меня поздравить, – сказал юноша, сняв шляпу и поочередно пожав им руки. – Я никогда не чувствовал себя настолько счастливым. Это, конечно, неожиданно, но все приятные вещи неожиданны. И все же, кажется, это именно то, чего мне не хватало в жизни. – Он сиял от радости и возбуждения, и оттого выглядел еще лучше, чем обычно.

– Надеюсь, твое счастье не угаснет, Дориан, – сказал Холлуорд, – однако я оскорблен тем, что ты не сообщил мне о своей помолвке. Гарри же ты рассказал.

– А я оскорблен твоим опозданием на обед, – перебил лорд Генри и с улыбкой положил руку юноше на плечо. – Пойдем за стол, посмотрим, на что способен их новый шеф-повар, а потом расскажешь нам обо всем в подробностях.

– Здесь не о чем особенно рассказывать, – сказал Дориан, когда они сели за небольшой круглый стол. – Произошло вот что. Вчера вечером, Гарри, после того как я ушел от тебя, я пообедал в маленьком итальянском ресторане на Руперт-стрит, который ты мне когда-то посоветовал, и в восемь уже был в театре. Сибила играла Розалинду. Конечно, декорации были ужасные, а Орландо выглядел нелепо. Но Сибила! Вам стоит увидеть ее! Когда она вышла переодетая юношей, она была совершенно потрясающей. На ней была зеленая бархатная куртка с рукавами цвета корицы, тонкие, коричневые чулки со скрещенными подвязками, изящная зеленая шапочка с орлиным пером и темно-красный плащ на подкладке с капюшоном. Еще никогда она не казалась такой хрупкой. Своей грацией она напоминала мне изысканную танагрскую статуэтку, которая стоит в твоей мастерской, Бэзил. Темные волосы подчеркивали красоту ее лица, как темные листья подчеркивают красоту розы. А ее игру вы сами сегодня увидите. Она просто прирожденная актриса. Я сидел в крошечной ложе абсолютно пораженный. Я забыл, что нахожусь в Лондоне и за окном девятнадцатый век. Я был вместе с моей любимой в скрытом от людских глаз лесу. После завершения спектакля я пошел за кулисы, и мы разговаривали. Когда мы сидели вдвоем, в ее глазах появился неизвестный мне ранее взгляд. Мои уста сами ринулись ей навстречу. Мы слились в поцелуе. Я не могу передать свои ощущения в тот момент. Казалось, вся моя жизнь свелась к простому счастью. Она дрожала, будто нежный нарцисс. Затем она упала на колени и начала целовать мне руки. Я чувствую, что не стоило вам об этом рассказывать, но я не могу удержаться. Конечно, наша помолвка – строжайшая тайна. Она еще даже своей матери не говорила об этом. Даже не знаю, что скажут мои опекуны. Вероятно, лорд Рэдли просто придет

в бешенство. Но мне все равно. Менее чем через год я стану совершеннолетним и буду сам себе хозяин. Разве это не верно с моей стороны, Бэзил, – найти любовь в поэзии и взять себе жену из пьес Шекспира? Уста, в которые сам Шекспир вложил голос, шептали мне о своих тайнах. Я был в объятиях Розалинды и целовал губы Джульетты.

– Да, Дориан, думаю, ты все сделал правильно, – медленно сказал Холлуорд.

– Ты ее уже видел сегодня? – спросил лорд Генри.

Дориан Грей покачал головой.

– Я оставил ее в Арденнском лесу, а найду в саду в Вероне.

Лорд Генри задумчиво потягивал шампанское.

– А когда же из твоих уст прозвучало слово «брак», Дориан? И что она на это ответила? Ты уже, наверное, и забыл.

– Дорогой Гарри, я не считаю это деловым соглашением, поэтому не прибежал к формальностям. Я сказал, что люблю ее, на что она ответила, что недостойна быть моей женой. Недостойна! Но для меня целый мир ничего не стоит по сравнению с ней.

– Женщины очень практичны, – сказал лорд Генри. – Они гораздо практичнее, чем мы. В подобных ситуациях мы часто забываем сказать что-то о браке, а они всегда нам об этом напоминают.

Холлуорд положил руку ему на плечо:

– Хватит, Гарри, не стоит раздражать Дориана. Он не такой, как остальные мужчины. Он никогда не заставит кого-то страдать, он слишком хорош для этого.

Лорд Генри посмотрел через стол на молодого человека.

– Дориан никогда не сердится на меня, – возразил он. – Я спросил его только по одной причине, по лучшей и самой весомой причине спросить что угодно – из чистого любопытства. Я предполагаю, что это женщины предлагают нам свои руку и сердце, а не мы просим. Конечно, это правило не работает для среднего класса. Но средний класс отсталый.

Дориан Грей засмеялся и покачал головой.

– Ты просто неисправим, Гарри. Но это не страшно. На тебя невозможно сердиться. Когда ты увидишь Сибилу Вэйн, то поймешь, что надо быть бессердечным чудовищем для того, чтобы ее обидеть. Я не понимаю, как можно желать обидеть того, кого любишь. Я люблю Сибилу Вэйн. Я хочу поднять ее на золотой пьедестал, чтобы весь мир поклонился моей любимой. Что такое брак? Это несокрушимый обет. Ты смеешься над этим. Но я сейчас не смеюсь. Я хочу дать этот несокрушимый обет. Ее доверие делает меня верным, делает меня лучше, чем я есть сейчас. Когда я вместе с ней, то жалею обо всем, чему ты меня научил. Я становлюсь другим, не таким, каким ты знаешь меня. Я меняюсь, одно только прикосновение Сибилы Вэйн заставляет меня забыть о тебе и всех твоих ложных, захватывающих, ядовитых, соблазнительных теориях.

– Что же это за теории такие? – спросил лорд Генри, угощаясь салатом.

– Твои теории о жизни, о любви, об удовольствии. Все твои теории, Гарри.

– Удовольствие – это единственная вещь, о которой стоит иметь теорию, – ответил он своим мелодичным голосом. – Однако, боюсь, я не могу назвать свою теорию собственной. Ее разработала сама природа, а не я. Удовольствие – это испытание природой, признак ее одобрения. Когда мы счастливы, то всегда хорошие, но когда мы хорошие, то не всегда счастливы.

– А что же ты называешь «хорошим»? – воскликнул Бэзил Холлуорд.

– Да, – подхватил Дориан, откинувшись на спинку кресла и глядя на лорда Генри поверх тяжелых пурпурных ирисов, которые стояли в центре стола, – что для тебя значит быть хорошим, Гарри?

– Быть хорошим – значит жить в гармонии с самим собой, – ответил тот, едва коснувшись пальцами своего бокала. – Когда человек вынужден искать гармонию с другими,

возникает дисбаланс. Важна только собственная жизнь. Что касается жизнью остальных, то если хочешь быть снобом или пуританином, то можно выражать свое мнение относительно них, но они не касаются тебя на самом деле. Кроме того, индивидуализм стремится к высшей цели. Современная мораль базируется на восприятии норм своего времени. Я считаю, что наиболее аморальным поступком для человека или целой культуры является воспринять нормы своего времени.

– Но разве человек, живущий только для себя, не платит огромную цену за это, Гарри? – поинтересовался художник.

– Действительно, в наше время цены на все завышены. Я предполагаю, что настоящая трагедия бедных заключается в том, что они не могут позволить себе ничего, кроме самоотречения. Прекрасные грехи, как и красивые вещи, доступны только богачам.

– Платить приходится не только деньгами.

– А чем же еще, Бэзил?

– Я думаю, угрызениями совести, страданиями... в конце концов, пониманием собственного морального падения.

Лорд Генри пожал плечами:

– Дорогой мой, средневековое искусство прекрасно, однако средневековые представления уже не актуальны. Конечно, их можно использовать в литературе. Но в литературе можно использовать только то, что мы перестали использовать в жизни. Поверь: ни один цивилизованный человек не жалеет об удовлетворении, а нецивилизованные люди не знают, что это такое.

– Я знаю, что такое удовольствие, – сказал Дориан Грей. – Это любить другого человека.

– Это точно лучше, чем быть обожаемым, – ответил лорд Генри, выбирая себе фрукты. – Обожание раздражает. Женщины обращаются с нами точно так же, как человечество ведет себя со своими богами. Они поклоняются нам и все время надоедают просьбами что-то сделать для них.

– Я должен сказать, что они сначала дают нам все, что потом просят у нас, – мрачно сказал юноша. – Они пробуждают любовь в нашей душе и имеют право требовать, чтобы мы вернули ее обратно.

– Истинная правда, Дориан, – сказал Холлуорд.

– Ничто не может быть истинной правдой, – парировал лорд Генри.

– Но это правда, – перебил Дориан. – Ты должен признать, Гарри, что женщины дарят мужчинам наибольшее богатство в их жизни.

– Возможно, – вздохнул лорд Генри, – но они обязательно требуют, чтобы мы возвращали его мелочью. В этом вся беда. Как сказал когда-то один острый на язык француз, женщины вдохновляют нас на шедевры, однако мешают нам создавать их.

– Какой же ты ужасный, Гарри! Не понимаю, почему я так благосклонно к тебе отношусь.

– Так будет всегда, Дориан, – сказал он. – Выпьете кофе? Официант, принесите кофе, коньяка и сигареты. Нет, не надо сигареты, у меня есть. Бэзил, я не позволю тебе курить сигары. Тебе стоит покурить сигарету. Сигарета – это совершенное воплощение совершенного удовольствия. Она изящна и оставляет курильщика неудовлетворенным. Чего еще можно желать? Именно так, Дориан, ты всегда будешь восхищаться мной. Для тебя я воплощение всех грехов, которые ты никогда не решишься осуществить.

– Что за чушь ты говоришь, Гарри! – воскликнул юноша, закуривая сигарету от серебряного огнедышащего дракона, которого официант поставил на стол. – Пойдем лучше в театр. Когда Сибила выйдет на сцену, в твоей жизни появится новый идеал. Она воплощает в себе нечто, чего ты раньше не знал.

– Я уже все познал, – сказал лорд Генри с усталым выражением лица, – но я всегда рад новым эмоциям. В конце концов, боюсь, что для меня уже не осталось новых эмоций. И все же, может, твоя очаровательная девушка меня и поразит. Люблю театр. Он гораздо более настоящий, чем реальная жизнь. Пошли. Дориан, ты поедешь со мной. Прости, Бэзил, но в моем экипаже только два места. Тебе придется поехать вслед за нами.

Они встали и, надев пальто, допили кофе стоя. Художник был молчалив и озабочен. Его охватило мрачное предчувствие. Он не одобрял этот брак, но что-то ему подсказывало, что в случае, если Дориан не женится, могло произойти что-то гораздо худшее. Через несколько минут они спустились по лестнице. Как и договаривались, он поехал отдельно и смотрел на огоньки экипажа лорда Генри впереди себя. Он чувствовал, что что-то потерял. Он знал, что Дориан Грей больше никогда не станет для него тем, кем был раньше. Жизнь встала между ними... В глазах у него потемнело, и уличные огни расплывались перед глазами. Когда кеб прибыл к театру, ему казалось, что он постарел на несколько лет.

Глава 7

По какой-то причине в тот вечер в театре было людно, а устроитель-еврей, который встретил их у входа, улыбался от уха до уха. Он провел их в ложу, размахивая своими руками с множеством украшений и все время повышая голос. Дориан Грей презирал его как никогда. Он чувствовал себя так, будто пришел к Миранде, а взамен встретил Калибана. А вот лорду Генри он понравился. По крайней мере, он так сказал и настоял на том, чтобы с гордостью пожать руку человеку, который нашел настоящего гения и несколько раз обанкротился из любви к поэту. Холлуорд развлекался тем, что рассматривал людей на задних рядах. В зале стояла удушающая жара, а огромная люстра пылала, будто гигантский гиацинт. Юноши на задних рядах сняли свои пиджаки и жилеты и развесили их на спинках кресел. Они переговаривались друг с другом через весь зал и угощали апельсинами неуклюже одетых девушек, сидевших рядом. Время от времени раздавался женский смех. Из буфета доносился звук вылетающих из бутылок пробок.

– И в этом месте вы нашли свое божество! – сказал лорд Генри.

– Да! – отозвался Дориан Грей. – Именно здесь я нашел ее, мое волшебное божество. Когда увидите ее на сцене, забудете обо всем на свете. Эти простые неотесанные люди с их мрачными лицами и нелепыми жестами, совершенно меняются, когда она на сцене. Они молча сидят и смотрят. Они плачут и смеются по ее велению. Они откликаются на каждое ее движение, будто скрипка. Она вдохновляет их, и тогда я чувствую, что мы с ними одной крови.

– Одной крови с ними! Не надо, спасибо! – воскликнул лорд Генри, который как раз рассматривал публику на задних рядах.

– Не обращай на него внимания, Дориан, – сказал художник. – Я понимаю, о чем ты говоришь. Я верю в эту девушку. Если ты влюбился, то она должна быть действительно волшебной, а если она имеет такое влияние на публику, то, должно быть, добра и благородна. Вдохновлять людей – это благородное дело. Если эта девушка может разбудить душу тех, в ком она спала, если она может научить людей, чья жизнь была ужасной, видеть красоту, если она может оторвать их от своей самовлюбленности и заставить разделить чужие горести, тогда она стоит твоей любви. Она предназначена для того, чтобы ею восхищался весь мир. Этот брак – верный шаг. Сначала я так не думал, но сейчас признаю это. Сибила Вэйн была создана для тебя. Без нее тебе не хватало бы какой-то частички.

– Спасибо, Бэзил, – сказал Дориан Грей, пожав ему руку. – Я знал, что ты меня поймешь. Гарри просто ужасный циник. А вот и оркестр. Они играют ужасно, но всего несколько минут. Затем поднимется занавес и вы увидите девушку, которой я собираюсь отдать всю свою жизнь, девушку, которой я уже отдал все то хорошее, что есть во мне.

Через пятнадцать минут на сцену под шквальные аплодисменты вышла Сибила Вэйн. «Она действительно прекрасна», – подумал лорд Генри. Это было одно из самых прелестных созданий, которые он когда-либо видел. Своей грацией и несколько испуганным взглядом она напоминала юную лань. Она едва заметно покраснела, увидев, как радостно ее встретил переполненный зал. Она отступила на несколько шагов назад, ее губы, казалось, дрожали. Бэзил Холлуорд вскочил и стал аплодировать. Дориан Грей сидел неподвижно, словно во сне. Лорд Генри смотрел на нее в бинокль и бормотал: «Очаровательно! Волшебно!»

На сцене были декорации дома Капулетти. Вошел Ромео, одетый в пилигрима, Меркуцио и еще несколько их друзей. Оркестр снова заиграл свою отвратительную музыку, и на сцене начались танцы. Сибила Вэйн кружила между неряшливо одетых бездарных актеров, будто ангел с небес. Изгиб ее шеи напоминал прекрасную лилию, а руки были будто вырезаны из слоновой кости.

Однако она выглядела удивительно равнодушной. Она никоим образом не обрадовалась, когда увидела Ромео, а несколько слов своей реплики:

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.
Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей —⁵

сказала намеренно искусственно. Ее голос был прекрасен, а вот интонации совершенно не те. Они придавали словам другую окраску. Они убили стихи и сделали страсть наигранной.

Глядя на нее, Дориан Грей побледнел. Он был обеспокоен и растерян. Ни один из его друзей не решился сказать ему ни слова. Она казалась им полной бездарностью. Они были очень разочарованы.

Однако они считали сцену на балконе во втором акте настоящим испытанием для Джульетты. Они ждали эту сцену. Если и ее она сыграет бездарно, значит, в девушке нет ни капли таланта.

Без сомнения, она выглядела очаровательно в лунном свете. Но наигранность в каждом ее движении была невыносимой. Она играла все хуже. Ее жесты стали до нелепости искусственными. Она подчеркивала каждое слово. Она прочитала прекрасные строки:

Мое лицо под маской ночи скрыто,
Но все оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью —⁶

с усердием школьницы, у которой был бездарный учитель декламации. Когда же она наклонилась через балкон и дошла до прекрасных слов:

Нет, не клянись. Хоть радость ты моя,
Но сговор наш ночной мне не на радость.

Он слишком скор, внезапен, необдуман —
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния!» О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье теплом лета расцветет
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся... —⁷

то прочитала их так, будто совсем не понимала, что они значат. Это было не из-за волнения. Она не выглядела взволнованной, наоборот, полностью контролировала себя. Это было просто ужасная игра. Она играла совершенно бездарно.

Даже необразованная публика с задних рядов потеряла всякий интерес к спектаклю. Им уже не сиделось, они начали громко разговаривать и свистеть. Еврей, который стоял за кулисами, громко ругался. Только девушке было все равно.

---

⁵ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

⁶ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

⁷ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

После окончания второго акта зал наполнился шипением, а лорд Генри встал и взял свой пиджак.

– Она очень красива, Дориан, – сказал он, – но она не умеет играть. Пойдем.

– Я досмотрю спектакль, – ответил юноша мрачным голосом. – Мне очень жаль, что я испортил тебе вечер, Гарри. Я хочу извиниться перед вами обоими.

– Дорогой Дориан, возможно, мисс Вэйн просто заболела, – перебил его Холлуорд. – Мы придем в другой раз.

– Если бы она просто заболела, – ответил он. – Но она просто холодна и бездушна. Она совершенно изменилась. Еще вчера она была великой актрисой. Сегодня она просто посредственная актриса.

– Не стоит так говорить о женщине, которую ты любишь. Любовь еще более удивительна, чем искусство.

– И то и другое просто формы подражания, – отметил лорд Генри. – Но давайте пойдем. Дориан, тебе не стоит здесь оставаться. Плохая игра актеров удручает. Да и не думаю, что ты захочешь, чтобы твоя жена играла в театре, так что это не имеет значения. Из нее такая же Джульетта, как из деревянной куклы. Зато она очень красива. А если она знает о жизни столько же, как и об актерской игре, то станет неоценимым опытом для тебя. Есть только две разновидности по-настоящему захватывающих людей: те, которые знают абсолютно все, и те, которые не знают ничего. Господи, мальчик мой, не стоит смотреть на меня так, будто кто-то умер! Секрет вечной молодости в том, чтобы не позволять эмоциям владеть собой. Пойдем в клуб вместе со мной и Бэзилем. Мы будем курить сигареты и пить за красоту Сибилы Вэйн. Она прекрасна. Чего еще можно желать?

– Да иди уже, Гарри! – сказал юноша. – Я хочу побыть наедине. Ты также иди, Бэзил. Разве вы не видите, что мое сердце разбилось? – В его глазах появились горячие слезы. Его губы задрожали, он прислонился к стене ложи и спрятал лицо в руках.

– Пойдем, Бэзил, – сказал лорд Генри с удивительной нежностью в голосе, и они оба оставили ложу.

Через несколько минут после этого снова вспыхнули огни рампы, занавес поднялся и начался третий акт. Дориан Грей вернулся на свое место. Он был бледен и выглядел равнодушным. Спектакль тянулся, казалось, целую вечность. Половина зала разошлась, громко стуча сапогами и смеясь. Это было полное фиаско. Последний акт играли перед почти пустым залом. Занавес опустился под смех и недовольные возгласы.

Как только закончилось представление, Дориан отправился в гримерку за кулисами. Там была только она. На ее лице светилось торжеством. Ее глаза горели огнем. Она вся сияла. Сибилла улыбалась, будто радуясь собственной тайне.

Когда он вошел, она посмотрела на него, и выражение неопишуемой радости озарило ее лицо.

– Как же плохо я сегодня сыграла, Дориан! – воскликнула она.

– Ужасно! – ответил он, удивленно глядя на нее – Ужасно! Это было отвратительно. Ты заболела? Ты даже не представляешь, какой это был кошмар. Ты даже не понимаешь, сколько боли мне причинила.

Девушка улыбнулась.

– Дориан, – пропела она его имя своим мелодичным голосом, будто это была прекрасная музыка. – Дориан, ты должен был понять. Но сейчас-то ты понимаешь, правда?

– Понимаю что? – спросил он со злостью в голосе.

– Почему я так ужасно играла сегодня. Почему я всегда буду ужасно играть. Почему я больше никогда не сыграю хорошо.

Он пожал плечами.

– Я так понимаю, ты заболела. Тебе не стоит выходить на сцену больной. Ты сделала из себя посмешище. Моим друзьям было скучно. Мне также было скучно.

Казалось, она не слушала его. Ее переполняла радость. Над ней господствовало ее счастье.

– Дориан, Дориан, – сказала она, – пока я тебя не встретила, роли были единственной моей настоящей жизнью. Я жила только в театре. Я считала все это правдой. В один вечер я была Розалиндой, а в другой – Порцией. Радость Беатриче была моей радостью, а горе Корделии – моим горем. Я верила всему. Простые люди, которые играли рядом со мной, казались мне богами. Моим миром были декорации. Я не знала ничего, кроме теней, поэтому они казались настоящими. А потом пришел ты, моя прекрасная любовь, и освободил мою душу из клетки. Ты показал мне настоящую жизнь. Сегодня я впервые в жизни увидела фальшь, нелепость и бессмысленность бутафории, в которой все время играла. Сегодня я впервые осознала, что Ромео старый и гадкий, что лунный свет в саду ненастоящий, что слова, которые я должна говорить, – не мои слова и это не то, что я хочу сказать. Ты подарил мне нечто большее, то, что может быть только тускло отражено искусством. Ты подарил мне понимание настоящей любви. Моя любовь! Моя любовь! Прекрасный Принц! Принц моей жизни! Мне надоели тени. Ты для меня больше, чем любое искусство. Что мне делать со всеми этими марионетками на сцене? Когда я сегодня вышла на сцену, то думала, что сыграю прекрасно. Но поняла, что не могу ничего сделать. Вдруг моей душе открылось, почему так происходит, и это понимание стало счастьем для меня. Я слышала, как они шипели, и смеялась. Разве они знают что-то о такой любви, как наша? Забери меня, Дориан, забери меня с собой в место, где мы будем в одиночестве. Я ненавижу сцену. Я могу изобразить страсть, которой не чувствую, но я не в состоянии передать страсть, которая сжигает меня изнутри, будто огонь. Дориан, Дориан, теперь ты понимаешь, что это значит? Даже если бы я могла, это была бы профанация – играть влюбленную. Благодаря тебе я это поняла.

Он сел на диван и отвернулся от нее.

– Ты уничтожила мою любовь, – пробормотал он.

Она удивленно посмотрела на него и засмеялась. Он не ответил. Она подошла к нему и запустила пальцы ему в волосы. Она встала на колени и взяла его руки, чтобы поцеловать. Он вырвался из ее рук и вздрогнул. Затем он вскочил с дивана и пошел к выходу.

– Именно так, – сказал он, – ты уничтожила мою любовь. Ты будоражила мое воображение. Теперь ты мне даже не интересна. Ты мне безразлична. Я любил тебя, потому что ты была гениальной, ты осуществляла мечты великих поэтов и олицетворяла собой само искусство. Ты разрушила все это. Ты глупая и серая. Господи! Какое же это было безумие – влюбиться в тебя! Какой же я был дурак! Теперь ты ничего для меня не значишь. Я больше никогда тебя не увижу. Я больше никогда о тебе не вспомню. Никогда не назову твое имя. Ты даже не представляешь, чем ты когда-то была для меня. Когда-то... Я не могу об этом даже думать! Лучше бы мне было никогда тебя не видеть! Ты разрушила любовь всей моей жизни. Ты ничего не знаешь о любви, если говоришь, что она лишила тебя твоего искусства! Без искусства ты – ничто. Я сделал бы тебя выдающейся, известной, непревзойденной. Мир склонил бы перед тобой голову, а ты носила бы мое имя. А теперь кто ты такая? Третьесортная актриска с хорошеньким личиком.

Девушка побледнела и задрожала, она сжала руки и едва слышно произнесла, будто слова застревали у нее в горле:

– Ты же это не серьезно, Дориан? Это такое представление.

– Я оставлю представления тебе. Ты в них просто великолепна, – холодно ответил он.

Она поднялась с колен и подошла к нему. На ее лице было выражение невыносимой боли. Она положила руку ему на плечо и посмотрела ему в глаза. Он оттолкнул ее:

– Не трогай меня!

Она горько вздохнула и упала к его ногам, подобно сорванному цветку.

– Дориан, не оставляй меня, Дориан! – зашептала она. – Мне жаль, что я плохо сыграла. Я все время думала только о тебе. Но я буду стараться, честно, я буду стараться. Моя любовь к тебе, она так внезапно нахлынула. Я, пожалуй, и не знала бы о ней, если бы ты меня не поцеловал, если бы мы не целовали друг друга. Поцелуй же меня снова, любимый. Не уходи от меня. Я этого не переживу. Умоляю! Не уходи от меня. Мой брат... хотя нет, не обращай внимания, это он шутил, это он несерьезно. Но ты! Неужели ты не простишь мне сегодняшнюю неудачу? Я приложу все усилия, чтобы исправиться. Не будь таким жестоким, я люблю тебя больше всего на свете. В конце концов, ты остался недоволен лишь однажды. Однако ты прав, Дориан. Мне не стоило забывать, что я актриса. Я вела себя глупо, но не могла ничего с собой поделать. Не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй.

Она так часто всхлипывала, что, казалось, вот-вот задохнется. Она свернулась на полу, будто раненый зверь, а Дориан Грей только смотрел на нее своими волшебными глазами, а его прекрасные губы исказило отвращение. Чувства людей, которых мы когда-то любили, всегда выглядят отвратительно. Эмоции Сибилы казались ему нелепыми и слишком драматичными. Его раздражали ее слезы и всхлипывания.

– Я ухожу, – сказал он наконец спокойным, тихим голосом. – Не хочу показаться грубым, но я больше не хочу тебя видеть. Ты меня разочаровала.

Она ничего не ответила, только подползла поближе. Она, как слепая, протянула руки, будто ища его. Он развернулся на каблуках и вышел из комнаты. Через несколько секунд он уже покинул театр.

Дориан и сам не знал, куда шел. Потом он смутно вспоминал, что бродил тускло освещенными улицами мимо жутких арок и неприветливых домов. Его звали женщины с неприятными голосами и громким смехом. Пьяницы, будто гигантские обезьяны, брели мимо, бормоча под нос проклятия. Он видел странных детей, спящих свернувшись на лестнице, слышал разговоры и ругательства, доносившиеся из домов.

Когда уже начинало светать, он оказался вблизи Ковент-Гарден. Темнота рассеялась, а первые робкие лучи солнца превратили небо в настоящую жемчужину. Пустыми улицами медленно катились тележки, полные нежных лилий. Густой аромат цветов наполнял воздух, а их красота, казалось, несколько унималась его болью. Он пошел на рынок и наблюдал, как мужчины разгружают свои тележки. Один из них угостил Дориана вишнями. Он поблагодарил и начал задумчиво их есть, удивляясь, почему мужчина отказался от денег. Вишни были сорваны в полночь и несли в себе прохладу лунного света. Мимо прошла целая толпа мальчишек с тюльпанами и розами в корзинах. Они прокладывали себе путь между грудями зеленых овощей. Под портиком, между серых освещенных солнцем колонн, стояли девушки и ждали, пока все разгрузят. Еще одна группка девушек ждала вблизи кафе. Утомленные ломовые лошади спотыкались о мостовую. Некоторые погонщики спали прямо на мешках. Яркие голуби шныряли вокруг в поисках пищи.

Через некоторое время он поймал кэб и отправился домой. Несколько минут он стоял на пороге, осматривая тихую площадь, дома с их плотно закрытыми или завешенными окнами. Небо стало опалового цвета, а крыши сверкали серебром. Из дымохода дома напротив поднимался дымок. Он кружил в воздухе, будто бархатная лента.

На потолке гостиной все еще горел большой венецианский фонарь, который был, скорее всего, снят с какой-то гондолы. Он погасил едва заметные огоньки, сбросил плащ и шляпу и пошел через библиотеку в спальню. Это была большая восьмиугольная комната на первом этаже, которую он заново обустроил, отдавая дань своему новому увлечению – роскоши. Он развесил там причудливые гобелены эпохи Ренессанса, найденные на чердаке имения Селби. Когда он уже взялся за ручку двери, его взгляд остановился на портрете, который для него написал Бэзил Холлуорд. От удивления он даже отступил на несколько

шагов. Затем он направился в свою комнату, однако выглядел растерянным. В конце концов он вернулся в библиотеку и внимательно осмотрел картину. В тусклом свете, который пробивался сквозь кремовые шторы, лицо на портрете выглядело несколько иначе. Оно имело другое выражение. В нем чувствовалась жестокость. Это было крайне странно.

Он развернулся, подошел к окну и раздвинул шторы. Рассвет заполнил собой каждый уголок комнаты. Однако странное выражение не только не исчезло с лица портрета, но и стало более явным. Яркие лучи солнца сделали жестокую складку вблизи рта очевидной. Казалось, юноша на портрете смотрел в зеркало после того, как совершил что-то ужасное.

Дориан моргнул, взял со стола овальное зеркало с ручкой из слоновой кости с вырезанными на ней купидонами – один из многочисленных подарков лорда Генри – и внимательно всмотрелся в его глубины. Ничего подобного не было заметно на его красных губах. Что бы это могло значить?

Он протер глаза и еще раз подошел к картине, чтобы внимательнее ее осмотреть. Ничто не указывало на то, что к картине опять прикасалась кисть, и все же выражение лица портрета изменилось. Это был не плод его воображения. Слишком очевидной была эта перемена.

Дориан уселся на стул и начал думать. Вдруг ему вспомнились слова, которые он сказал в мастерской Бэзила Холлуорда еще в тот день, когда портрет был написан. Да, он прекрасно их помнил. Он выразил безумное желание иметь возможность оставаться молодым, чтобы портрет старел вместо него. Чтобы лицо на холсте несло на себе бремя грехов и страстей, чтобы изображение было искажено старческими морщинами, а сам он никогда не терял красоты и цветения молодости. Разве могло его желание осуществиться? Это же невозможно. Даже мысли о таком казались страшными. И все же прямо перед ним стоял портрет, на котором отразилась жестокость.

Жестокость! Он был жестоким? Во всем была виновата Сибила, а не он. Он считал ее великой актрисой. Он влюбился в великую актрису. А она разочаровала его. Она была мелкой и недостойной. И, тем не менее, чувство бесконечного сожаления охватило его, когда он вспомнил о ней, как она лежала у его ног, рыдая, словно маленький ребенок. Он подумал о том, с каким равнодушием смотрел на нее. Почему он создан именно таким? Почему он наделен такой душой? Но ведь он тоже страдал. В течение ужасных трех часов он пережил столетия боли и целую вечность пыток. Его жизнь значит не меньше, чем ее. Даже если он нанес ей травму на всю жизнь, на мгновение она просто уничтожила его. Кроме того, женщины лучше приспособлены к горю, чем мужчины. Они живут своими чувствами. Они только и делают, что думают о своих чувствах. Они заводят любовников только для того, чтобы было перед кем разыгрывать сцены. Так ему говорил лорд Генри. Лорд Генри знает о женщинах все. Зачем ему было переживать из-за Сибилы Вэйн? Теперь она ничего не значила для него.

Но портрет! Что он мог сказать о портрете? Он хранит тайну его жизни и может рассказать о ней. Он научил его восхищаться собственной красотой. Неужели он же научит его ненавидеть собственную душу? Посмотрит ли Дориан на портрет еще когда-нибудь?

Да нет же, это был просто плод воспаленного воображения. Ужасы минувшей ночи наложили свой отпечаток. Видимо, в мозгу Дориана появилось красное пятнышко, от которого люди сходят с ума. Картина не изменилась. Каким же дураком надо было быть, чтобы такое придумать!

И все же искаженное жестокой улыбкой лицо смотрело на него с портрета. Его золотистые волосы сверкали в солнечных лучах. Его голубые глаза смотрели прямо ему в глаза. Дориана охватила жалость, но не к себе, а к его собственному изображению на картине. Оно уже изменилось и будет меняться дальше. Золотые кудри посереют. Красные и белые розы его лица завянут. Каждый грех найдет свое ужасное отражение на портрете. Но он не станет больше грешить. Портрет, измененный или неизменный, станет символом его совести. Он

больше не будет встречаться с лордом Генри, по крайней мере, не станет прислушиваться к его ядовитым речам, которые там, в саду у Холлуорда, впервые заставили его стремиться к невозможному. Он вернется к Сибиле Вэйн, женится на ней, попытается искупить свою вину и снова полюбить ее. Да, он должен поступить именно так. Она точно страдала больше него. Бедное дитя! Как же самовлюбленно и жестоко он с ней поступил. Он снова полюбит ее. Они будут счастливы. Вместе они смогут прожить прекрасную и праведную жизнь.

Он поднялся со стула и завесил портрет, вздрагивая от каждого взгляда на него.

– Какой ужас! – прошептал он самому себе.

Дориан подошел к окну и открыл его. Ступив на траву в саду, он глубоко вдохнул. Свежий утренний воздух, казалось, разогнал все его мрачные переживания. Он думал только о Сибиле. В его душе зазвучало глухое эхо бывшей любви. Он повторял ее имя снова и снова. И птицы, заливавшиеся в росистом саду, как будто рассказывали о ней цветам.

Глава 8

Он проснулся далеко за полдень. Дворецкий несколько раз на цыпочках входил в комнату, чтобы убедиться, что хозяин дышит, и удивлялся, почему он так долго спит. Наконец раздался звонок, и Виктор вошел в комнату с чашкой чаю и целой пачкой писем на подносе старого северского фарфора, отодвинул оливковые атласные шторы с мерцающей голубой подкладкой, которые закрывали три высоких окна.

– Вижу, вам сегодня хорошо спалось, сэр, – с улыбкой сказал он.

– Который час, Виктор? – сонно спросил Дориан Грей.

– Пятнадцать минут второго, сэр.

Как же поздно! Он присел на кровати и, выпив немного чая, начал разбирать письма. Одно из них было от лорда Генри. Его принес посыльный сегодня утром. Мгновение поколебавшись, он все же отложил его в сторону. Остальные письма он открывал машинально. Это, как всегда, были визитки, билеты на частные представления, программы благотворительных концертов и прочая дребедень, которой обычно засыпали модную молодежь. Также там был достаточно солидный счет за серебряный набор, который он все еще не решался передать своим опекунам. Они были очень старомодны и не понимали, что живут во времена, когда ненужные вещи стали самыми необходимыми. Кроме того, там были написанные учтивым языком письма от кредиторов с Джермин-стрит, которые предлагали взять кредит на любую сумму под очень умеренные проценты.

Примерно через десять минут он поднялся, накинул свой изысканный кашемировый халат, вышитый шелком, и пошел в ванную. Прохладная вода привела его в чувство после долгого сна. Казалось, он забыл обо всем, что ему пришлось недавно пережить. Неуловимое ощущение того, что он принял участие в трагических событиях, несколько раз посещало его, однако это все казалось ему сном.

Одевшись, он пошел в библиотеку, чтобы приняться за легкий французский завтрак, который уже ждал его на маленьком круглом столике у окна. День стоял восхитительный. Теплый воздух был насыщен пряными ароматами. В комнату влетела пчела и, жужжа, закружилась над синей китайской вазой с желтыми розами. Он чувствовал себя вполне счастливым.

Вдруг его взгляд наткнулся на занавешенный портрет. Дориан задрожал.

– Вам холодно, сэр? – спросил дворецкий, накладывая ему омлет. – Закрывать окно?

Дориан отрицательно покачал головой:

– Мне не холодно.

Неужели это была правда? Неужели портрет действительно изменился? Или это просто его воображение заставило его увидеть зло там, где на самом деле сияла радость? Не мог же измениться сухой рисунок на полотне? Все это казалось полным безумием. Однажды он расскажет об этом Бэзилу, и тот будет долго смеяться.

Однако воспоминания об этом были слишком яркими! Сначала в бледных сумерках, а затем и в ярком утреннем свете он видел печать жестокости на крепко сжатых губах. Он боялся того момента, когда дворецкий выйдет из комнаты. Он осознавал, что, оставшись наедине, еще раз осмотрит портрет. И боялся узнать правду. Когда дворецкий принес кофе и сигареты и уже развернулся, чтобы уйти, Дориан почувствовал безумное желание попросить его остаться. Когда дверь за его спиной уже закрывалась, Дориан снова позвал его. Дворецкий остановился и ждал распоряжений. Мгновение Дориан молча смотрел на него.

– Меня ни для кого нет дома, Виктор, – сказал он со вздохом.

Дворецкий поклонился и вышел из комнаты.

Тогда Дориан встал из-за стола и сел на диван напротив портрета. Ширма была старинной, из позолоченной испанской кожи, с вычурными рисунками. Дориан пристально всматривался в него, задумавшись, приходилось ли ему уже когда-либо прежде скрывать тайну человеческой жизни. Стоило ли снимать завесу? Почему бы не оставить все как есть? Какая польза от того, чтобы знать правду? Если это действительно произошло, это ужасно. Если нет, то зачем беспокоиться? Но что, если по воли жестокой шутки судьбы еще каким-то глазам, кроме его собственных, откроется ужасная перемена, которую претерпел портрет? Что ему делать в случае, если Бэзил Холлуорд придет и захочет взглянуть на портрет собственной работы? А он точно придет. Нет, нужно осмотреть портрет как можно скорее. Неопределенность была невыносимой.

Дориан встал и запер обе двери. По крайней мере, он мог взглянуть в глаза своему позору в одиночестве. Затем он снял покрывало и предстал перед собственным лицом. Это действительно произошло. Портрет изменился.

Потом он часто с огромным удивлением вспоминал, что, глядя на портрет, чувствовал почти научный интерес. Его поражал сам факт того, что такое изменение могло случиться. Оно случилась, и это был факт. Неужели существовала какая-то неуловимая связь между его душой и атомами, придававшими цвет и форму полотну? Могло ли случиться так, что они воплотили то, к чему стремилась его душа? Было ли этому другое, еще более страшное, объяснение? Он почувствовал страх, задрожал и упал на диван, с ужасом глядя на портрет.

Однако Дориан чувствовал, что картина сделала для него доброе дело. Портрет позволил ему понять, как же несправедливо и жестоко он поступил с Сибилой Вэйн. Но было еще не поздно все исправить. Они все еще могли быть вместе. На смену его ложной, эгоистической любви пришло бы высшее благородное чувство. А портрет, который написал Холлуорд, стал бы в его жизни компасом, которым для одних является святость, для других – совесть, а для всех остальных – страх Божий. Существуют средства, чтобы усыпить совесть и чувство морали. Но перед его глазами был символ грехопадения. Это был вечный знак краха, к которому людей приводят собственные души.

Часы пробили третий час. Четвертый. Прошло еще полчаса, а Дориан так и не пошевелился. Он пытался собрать вместе красные нити жизни, соткать из них какой-то узор, найти выход из кроваво-красного лабиринта страстей, в котором он заблудился. Он не знал, что ему думать и что делать. В конце концов он подошел к столу и стал писать своей любимой письмо, в котором умолял простить его и называл себя сумасшедшим. Он наполнял словами искреннего раскаяния и ужасной боли страницу за страницей. Есть что-то роскошное в унижении самого себя. Когда мы себя в чем-то обвиняем, то знаем, что больше никто не сможет нас в этом обвинить. Не священник, а именно исповедь отпускает грехи. Написав письмо, Дориан чувствовал, что Сибила уже простила его.

Неожиданно постучали в дверь, и он услышал голос лорда Генри:

– Дориан, мне нужно с тобой поговорить. Открой немедленно! Это крайне некрасиво с твоей стороны, вот так вот запирается.

Сначала Дориан не ответил и не двинулся с места. И лорд Генри продолжал все громче стучать в дверь. В конце концов Дориан решил, что лучше его впустить. Нужно объяснить ему, что он отныне начинает новую жизнь. Нужно поссориться с ним, даже порвать любые отношения, если до этого дойдет. Он вскочил на ноги, быстро завесил портрет и только после этого открыл дверь.

– Я искренне сожалею обо всей этой истории, Дориан, – сразу сказал лорд Генри. – Но тебе не стоит много об этом думать.

– Ты имеешь в виду Сибилу Вэйн? – спросил Дориан.

– Конечно. – Лорд Генри сел на стул и начал медленно снимать свои желтые перчатки. – Это, конечно, ужасно, но это не твоя вина. Скажи, ты ходил к ней за кулисы после спектакля?

– Да.

– Я так и знал. И вы поссорились?

– Я вел себя жестоко, Гарри, очень жестоко! Но теперь это в прошлом. Я не жалею о том, что произошло, – это помогло мне лучше узнать самого себя.

– Я очень, очень рад, Дориан, что ты так к этому отнесся. Я боялся, что угрызения совести заставят тебя рвать свои золотые кудри.

– Через все это я уже прошел, – ответил Дориан, с улыбкой покачивая головой. – И теперь я вполне счастлив. Прежде всего, мне открылась сущность совести. Она оказалась совсем не тем, о чем ты мне рассказывал, Гарри. Она – то прекрасное, чем обладает человек. Не стоит больше смеяться над этим, по крайней мере при мне. Я хочу быть хорошим человеком. Я не могу допустить, чтобы душа моя стала ужасной.

– Эстетизм – это прекрасное основание для морали, Дориан! Я могу только поздравить тебя с этим. А с чего ты собираешься начать?

– Я женюсь на Сибиле Вэйн.

– На Сибиле Вэйн! – воскликнул лорд Генри, вставая и глядя на Дориана с искренним удивлением. – Дорогой мой, но она...

– Знаю, знаю, Гарри, сейчас ты скажешь мне какую-то гадость о браке. Не стоит. Никогда больше не говори мне ничего подобного. Два дня назад я просил руки Сибилы. И я свое слово сдержу. Она станет моей женой.

– Твоей женой? Дориан, ты что, не получил мое письмо? Я написал его сегодня утром, и мой слуга отнес его тебе.

– Письмо? Да, конечно... Я его еще не читал, Гарри. Боялся найти в нем что-то отвратительное. Ты умеешь рушить жизни своими эпитафиями.

– Ты так ничего и не знаешь?

– Что ты имеешь в виду?

Лорд Генри прошелся по комнате, а потом сел рядом с Дорианом и крепко сжал его руки в своих.

– Дориан, – сказал он, – ты только не пугайся, но я написал письмо, чтобы сообщить тебе, что Сибилла Вэйн умерла.

Из уст Дориана сорвался мучительный крик. Он вскочил на ноги и вырвался из рук лорда Генри.

– Умерла! Сибилла умерла! Неправда! Это чудовищная ложь! Как тебе не стыдно говорить такое?

– Это правда, Дориан, – серьезно сказал лорд Генри. – Об этом сегодня сообщили во всех газетах. Я написал, чтобы ты не принимал никого, пока я не приду. Скорее всего, будет следствие и нужно сделать все для того, чтобы тебя не впутали в эту историю. В Париже люди становятся популярными из-за подобных историй, но лондонцы все еще слишком суеверны. Здесь не следует появляться перед публикой в свете скандала. Скандалы приберегают на старость, когда бывает нужно подогреть интерес к себе. Надеюсь, в театре не знали, кто ты такой? Если нет, тогда все в порядке. Кто-нибудь видел, как ты заходил в гримерку Сибилы? Это крайне важно.

Дориан некоторое время молчал – он оцепенел от ужаса. Наконец он, запинаясь, сдавленным голосом пробормотал:

– Ты сказал – следствие? Что ты имел в виду? Получается, Сибилла... Ох, Гарри, это невыносимо!.. Расскажи мне скорее!

– Нет никаких сомнений в том, Дориан, что это не просто несчастный случай, но нужно, чтобы общественность думала именно так. Говорят, что вчера около половины первого, когда девушка уже возвращалась домой из театра вместе со своей матерью, она вдруг побежала наверх, потому что будто бы что-то там забыла. Ее некоторое время ждали, но

она не возвращалась. В конце концов ее нашли мертвой на полу гримерки. Она ошибочно выпила какое-то ядовитое вещество из тех, что используют в театре для грима. Не помню, что именно это было, но в состав входит то ли синильная кислота, то ли свинцовые белила. Скорее всего, синильная кислота, ведь смерть была мгновенной.

– Какой ужас, Гарри! – закричал Дориан.

– Да... Это действительно трагедия, но нельзя, чтобы тебя считали причастным к ней... Я читал в «Стандард», что Сибиле Вэйн было семнадцать. А выглядела она еще моложе. Она казалась совсем девочкой, которая ничего не знает об актерстве. Дориан, не надо слишком переживать по этому поводу. Тебе непременно следует пообедать со мной, а потом мы посетим оперу. Сегодня в театре будет все почтенное общество, ведь поет Патти. Мы сядем в ложе моей сестры. Сегодня с ней приедут несколько эффектных женщин.

– Значит, я убил Сибилу Вэйн, – сказал Дориан Грей словно про себя. – Это все равно, как если бы я перерезал ей горло ножом. И, несмотря на это, розы такие же волшебные, птицы так же весело поют в моем саду. А сегодня вечером я обедаю с тобой и поеду в оперу, потом куда-то ужинать... Как же наша жизнь необычна и одновременно трагична! Если бы я прочитал о подобном в книге, Гарри, то точно заплакал бы. А сейчас, когда это случилось со мной, я настолько поражен, что и слез нет. Вот лежит написанное мной страстное любовное письмо. Первое в моей жизни любовное письмо. Разве не удивительно, что я написал его мертвой девушке? Хотел бы я знать: они все еще что-то чувствуют, эти немые, бледные люди, которых мы называем мертвецами? Сибилла! Знает ли она об этом, может ли меня услышать, хотя бы почувствовать? Ах, Гарри, как я ее любил когда-то! Мне кажется сейчас, что это было много лет назад. Тогда она была для меня всем на свете. Затем настал тот ужасный вечер – неужели это было только вчера? – когда она играла так плохо, что у меня сердце чуть не разорвалось. Она мне потом все объяснила. Это было так трогательно... но я не был тронут, я назвал ее дурой. А потом кое-что произошло... я не могу тебе рассказать об этом, но это было действительно страшно. Поэтому я решил вернуться к Сибиле. Я понял, что поступил плохо... А теперь она мертва... Боже, боже! Гарри, что мне делать? Ты даже не представляешь, в какой я опасности! И теперь не осталось никого, кто мог бы уберечь меня от падения. Она могла бы сделать это. Она не имела права убивать себя. Это эгоистично с ее стороны!

– Дорогой Дориан, – сказал лорд Генри, доставая сигарету из латунного с позолотой портсигара. – Женщина может сделать из мужчины праведника только одним путем – надоесть ему так, что он потеряет интерес к жизни. Если бы ты женился на этой девушке, то был бы несчастным. Конечно, ты был бы хорошим по отношению к ней. Это очень просто – быть добрым к безразличному тебе человеку. Но она быстро поняла бы, что ты равнодушен к ней. А когда жена чувствует, что ее муж равнодушен к ней, она либо начинает одеваться слишком кричаще и безвкусно, или у нее появляются очень хорошие шляпки, за которые платит чужой муж. Не говоря уже о том, что такой неравный брак, который я постарался бы не допустить, стал бы унижительным. Поверь, при любых обстоятельствах это был бы крайне неудачный брак.

– Наверное, ты прав, – пробормотал Дориан. Он был очень бледен и нервно шагал по комнате. – Но я считал, что это мой долг. И нет моей вины в том, что эта страшная драма помешала мне его выполнить. Ты когда-то сказал, что над благородными решениями тяготеет страшное проклятие – они всегда принимаются слишком поздно. Так случилось и со мной.

– Благие намерения – просто бессмысленные попытки идти против природы. Они обычно порождены высокомерием и не приводят ни к чему хорошему. Время от времени они дают нам приятные, но пустые ощущения, которым могут радоваться только слабые духом.

Вот и все. Благие намерения – это чеки, которые люди выписывают в банк, где у них нет текущего счета.

– Гарри, – спросил Дориан Грей, подходя и сядя рядом с лордом Генри, – почему я страдаю не так сильно, как хотел бы? Неужели я настолько бессердечный? Как ты считаешь?

– После всех тех глупостей, которые ты наделал за последние две недели, у меня язык не поворачивается назвать тебя бессердечным, – ответил лорд Генри, ласково и одновременно грустно улыбаясь.

Юноша нахмурился.

– Мне не нравится такое объяснение, Гарри. Но я рад, что ты не считаешь меня бессердечным. Это же не про меня, я знаю! Однако то, что случилось, не подействовало на меня так, как должно было бы подействовать. Я все это воспринимаю как необычную развязку какой-то удивительной пьесы. В ней – жуткая красота греческой трагедии, трагедии, в которой я сыграл главную роль, но которая не ранила моей души.

– Это интересная ситуация, – сказал лорд Генри. Он наслаждался игрой на бессознательном эгоизме юноши. – Да, очень интересная. И, думаю, объяснить ее можно следующим образом: зачастую настоящие трагедии жизни приобретают отталкивающие формы, оскорбляющие нас своим грубым неистовством, крайней нелогичностью и бессмысленностью, полным отсутствием изящества. В результате мы избегаем их, как и всего пошлого. Мы чувствуем в них только грубую силу и восстаем против нее. Но иногда в нашей жизни случаются драмы, в которых можно заметить красоту искусства. Если красота эта – настоящая, то драматизм события нас захватывает. И мы неожиданно замечаем, что мы уже не действующие лица, а просто зрители этой трагедии. Или, вернее, то и другое вместе. Мы наблюдаем самих себя, и именно необычность такого зрелища нас увлекает. Что, по сути, произошло? Девушка покончила с собой из-за любви к тебе. Жаль, что в моей жизни не случилось ничего подобного. Я тогда сделал бы любовь смыслом своей жизни. Но все, кто любил меня, – их было не очень много, но все же они были, – упрямо жили и здравствовали еще много лет после того, как я разлюбил их или они – меня. Эти женщины растолстели, стали скучными и невыносимыми. Когда мы встречаемся, они сразу же начинают копаться в своих воспоминаниях. Какая же ужасная вещь эта женская память! И какую отсталость, какой душевный упадок она разоблачает! Человек должен впитывать в себя краски жизни, но никогда не запоминать деталей. Детали всегда банальны.

– Придется посеять маки в саду, – вздохнул Дориан.

– Это не обязательно, – возразил его собеседник. – Жизнь держит маки для нас наготове. Конечно, бывают вещи, которые упорно не хотят забываться. Однажды я в течение целого сезона носил в петлице только фиалки. Это было чем-то вроде траура по любви, которая не хотела умирать. Но в конце концов она умерла. Не помню, что ее убило. Вероятно, обещание любимой женщины пожертвовать для меня всем на свете. Это всегда ужасный момент – он вселяет в человека страх перед вечностью. Так вот, представь себе – на прошлой неделе на обеде у леди Хэмпшир рядом со мной за столом сидела именно эта дама, и она любой ценой хотела начать все сначала, раскопать прошлое и расчистить дорогу для будущего. Я похоронил эту любовь в могиле под асфоделями, а она снова вытаскала ее на свет божий и уверяла меня, что я разрушил ей жизнь. Должен констатировать, что за обедом она уплетала все с большим аппетитом, так что я о ней несколько не беспокоюсь. Но какая бестактность! Какая безвкусица! Ведь вся прелесть прошлого в том, что оно – прошлое. А женщины никогда не замечают, что занавес уже опустился. Им непременно хочется увидеть шестой акт!

Они хотят продолжать спектакль, когда всяческий интерес к нему уже исчез. Была бы их воля, каждая комедия имела бы трагическую развязку, а каждая трагедия закончилась бы фарсом. Женщины – прекрасные актрисы, но у них нет ощущения искусства. По сравнению

со мной ты счастливчик, Дориан. Клянусь тебе, ни одна из женщин, с которыми я был близок, не сделала бы ради меня того, что сделала ради тебя Сибила Вэйн. Обычные женщины всегда находят утешение. Одни – в том, что носят сентиментальные цвета. Никогда не доверяй женщине, которая, не считаясь со своим возрастом, носит яркие платья или в тридцать пять лет все еще имеет страсть к розовым лентам. Это, несомненно, женщина с прошлым. Другие неожиданно находят добродетели в собственных мужьях, и это служит им огромной радостью. Они кичатся своим супружеским счастьем так, будто это самый отчаянный из грехов. Некоторые находят утешение в религии. Таинства религии несут в себе наслаждение флирта – так мне когда-то сказала одна женщина, и я этому охотно верю. Кроме того, ничто так не радует женское тщеславие, как репутация грешницы. Совесть делает из нас эгоистов... В наше время женщины утешают себя множеством способов. А я еще даже не упомянул о важнейшем из них.

– О каком же это, Гарри? – рассеянно спросил Дориан.

– О наиболее очевидном – отбить поклонника у другой, когда теряешь своего. В благородных кругах это всегда реабилитирует женщину. Подумай, Дориан, насколько Сибила Вэйн была непохожей на женщин, которых мы обычно видим вокруг! Я вижу своеобразную красоту в ее смерти и радуюсь, что живу во времена, когда такие чудеса возможны. Они вселяют в нас веру в существование настоящей любви, страсти, романтических чувств, над которыми мы привыкли только посмеиваться.

– Я был очень жесток с ней. Не забывай об этом.

– Боюсь, жестокость, откровенная жестокость, привлекает женщин больше всего на свете. В них на удивление хорошо развиты первобытные инстинкты. Мы им дали свободу, а они все равно остались рабынями, которые ищут себе хозяина. Они любят повиноваться... Я уверен, что ты был неотразим. Никогда не видел, как ты сердисься, но представляю себе, как же интересно было наблюдать за тобой в тот момент! И наконец, позавчера ты сказал мне кое-что... тогда я подумал, что это плод твоего воображения, но сейчас я вижу, что ты совершенно прав, и это все объясняет.

– Что же я такого сказал, Гарри?

– Что в Сибиле Вэйн ты видишь всех романтических героинь. Одним вечером она – Дездемона, другим – Офелия и, умирая Джульеттой, воскресает в образе Иможены.

– Она никогда не воскреснет вновь, – прошептал Дориан, закрывая лицо руками.

– Нет, не воскреснет. Она сыграла свою последнюю роль. Но ты должен думать о ее одинокой смерти в грязной гримерке просто как о странном и мрачном отрывке из какой-нибудь трагедии, как о сцене из Уэбстера, Форда или Сирила Тернера⁸. Эта девушка, по сути, не жила, а следовательно, и не умирала. По крайней мере, для тебя она была мечтой, призраком, пронесшимся в пьесах Шекспира и обогатившим их, она была свирелью, что добавляла музыке Шекспира еще больше обаяния и жизнерадостности. Первое же прикосновение к реальности стало роковым для нее. Если захочешь, можешь оплакивать Офелию, отчаянно скучать по задушенной Корделии или проклинать небеса за то, что погибла дочь Бранцио. Но Сибила Вэйн не стоит твоих слез. Она была еще менее реальной, чем они все.

В комнате воцарилась тишина. Вечерние сумерки постепенно окутывали комнату. Серебряные тени бесшумно приходили из сада. Медленно выцветали все краски.

Через некоторое время Дориан Грей поднял взгляд.

– Ты объяснил мне мои собственные чувства, Гарри, – сказал он, вздохнув с облегчением. – Мне и самому так казалось, но меня это несколько пугало, и я не все мог себе объ-

---

⁸ Джон Уэбстер (1578–1634) – английский драматург, современник Шекспира, мастер так называемой «кровавой трагедии»; Джон Форд (1586–1649) – один из крупнейших английских драматургов шекспировской плеяды; Сирил Тернер (1575–1626) – английский драматург, его пьесы также относят к жанру «кровавой трагедии».

яснить. Как же хорошо ты меня знаешь! Но нам не стоит больше касаться этой темы. Это был удивительный опыт – вот и все. Не знаю, суждено ли мне еще раз пережить что-то столь же удивительное.

– У тебя впереди еще целая жизнь, Дориан. С твоей красотой для тебя нет ничего невозможного.

– Но Гарри, представь, что я стану сухим, старым и сморщенным? И что тогда?

– А вот тогда, – сказал лорд Генри вставая, чтобы уже идти, – тогда, дорогой Дориан, тебе придется бороться за каждую победу, а сейчас они сами идут тебе в руки. Нет, ты должен беречь свою красоту. Ее нельзя терять, особенно в наше время, когда люди слишком много читают, чтобы быть мудрыми, и слишком много думают, чтобы быть красивыми. А теперь тебе пора одеваться и отправляться в клуб. Мы и так уже опаздываем.

– Лучше я приеду прямо в оперу, Гарри. Я так устал, что совсем потерял аппетит. Номер ложи твоей сестры?

– Кажется, двадцать семь. Она находится на самом верху. Ты увидишь ее имя на двери. Но мне жаль, что ты не хочешь со мной пообедать.

– Я просто не в состоянии, честно, – устало сказал Дориан. – Спасибо, Гарри, за все, что ты мне сказал. Я твой должник. Ты действительно мой лучший друг. Никто не понимает меня так, как ты.

– А ведь наша дружба только начинается, – ответил лорд Генри, пожимая ему руку. – Всего хорошего. Надеюсь, мы увидимся не позднее чем в половине десятого. Не забывай, сегодня поет Патти.

Когда лорд Генри вышел и закрыл за собой дверь, Дориан позвонил в колокольчик, и через несколько минут в комнате появился Виктор. Он принес лампы и опустил шторы. Дориан нетерпеливо ждал, пока он уйдет. Ему казалось, что слуга сегодня копается бесконечно долго.

Как только Виктор ушел, Дориан Грей подбежал к ширме и отодвинул ее. Нет, он больше не изменился. Он знал о смерти Сибила Вэйн еще до того, как весть об этом дошла до Дориана. Портрет знал обо всем, что происходило в его жизни. Поэтому бездушная жестокость искадила прекрасные уста тотчас, как девушка выпила яд. Или может быть так, что на портрете отражаются не деяния живого Дориана Грея, а только то, что происходит в его душе? Размышляя об этом, Дориан Грей спрашивал себя, а что, если однажды портрет изменится у него на глазах? С одной стороны, он хотел, чтобы это произошло, а с другой – сама мысль об этом заставляла его дрожать.

Бедная Сибила! Но как же все это романтично! Она так часто изображала смерть на сцене, и вот Смерть пришла, чтобы забрать ее. Как Сибила сыграла эту свою последнюю сцену? Проклинала ли она его, умирая? Нет, она умерла от любви к нему, и отныне Любовь станет его вечной святыней. Отдав свою жизнь, Сибила искупила все. Он больше не будет вспоминать, как страдал из-за нее в тот ужасный вечер в театре. Вместо этого она останется в его памяти как прекрасный и трагический образ на большой сцене жизни, который призван показать миру высшую сущность Любви. Станный трагический образ? Воспоминания о детском лице Сибила, ее волшебной живости и застенчивой грации наполнили его глаза слезами. Он торопливо смахнул их и снова посмотрел на портрет.

Он сказал себе, что пора сделать выбор. Или он уже сделал его? Да, сама жизнь решила за Дориана – жизнь и его безграничный интерес к ней. Вечная молодость, бесконечная страсть, утонченные и запретные утехы, безумие счастья и еще более неистовое безумие греха – все это он должен изведать! А портрет пусть несет бремя его позора – вот и все.

На мгновение его сердце защемило от мысли, что прекрасное лицо на портрете станет уродливым. Однажды он, еще совсем юный и глупый, что Нарцисс, поцеловал – вернее, сделал вид, что целует эти нарисованные губы, которые теперь с такой злостью улыбались

ему. Каждое утро он долго любовался портретом. Иногда он чувствовал, что почти влюблен в него. И неужели теперь каждая слабость, которой он, Дориан, поддастся, будет отражаться на этом портрете? Неужели он станет ужасно уродливым и его придется прятать под замок, подальше от солнца, которое так часто покрывало золотом его прекрасные кудри? Как жаль! Как жаль!

В какой-то момент Дориан Грей захотел помолиться о том, чтобы исчезла эта сверхъестественная связь между ним и портретом. Портрет изменился, потому что он когда-то пожелал этого, – так, может, новая молитва сможет остановить эти изменения? Но... Разве человек, познавший хотя бы малейшую частицу жизни, откажется от возможности остаться вечно молодым, какой эфемерной не была бы эта возможность и какими бы роковыми последствиями она не угрожала? К тому же разве это действительно в его силах? Разве действительно прошение вызвало такое изменение? Не объясняется ли это изменение какими-то неизвестными законами науки? Если мысль способна влиять на живой организм, то, возможно ли, что она действует и на мертвые, неодушевленные предметы? Более того, даже без участия нашей мысли или сознательной воли не может ли то, что вне нас, звучать в унисон с нашими настроениями и чувствами и атом стремиться к атому под влиянием какого-то таинственного притяжения или странного родства?.. Впрочем, причины уже не имели значения. Никогда больше он не станет призывать на помощь страшные, неведомые силы. Если портрету суждено меняться, пусть меняется. Какой смысл в том, чтобы искать причины?

А наблюдать этот процесс будет настоящим наслаждением! Портрет даст ему возможность изучать самые сокровенные свои помыслы. Портрет станет для него волшебным зеркалом. В этом зеркале он когда-то впервые по-настоящему увидел свое лицо, а теперь увидит свою душу. И когда для его двойника на полотне наступит зима, он, живой Дориан Грей, будет все еще оставаться на очаровательной грани между весной и летом. Когда лицо на портрете потеряет свои краски и станет меловой маской с оловянными глазами, лицо живого Дориана будет по-прежнему сохранять все сияние юности. Да, цвет его красоты не увянет, пульс жизни никогда не ослабнет. Подобно греческим богам, он будет вечно сильным, быстроногим и жизнерадостным. Не все ли равно, что будет с его портретом? Самому-то ему ничто не угрожает, а только это и важно.

Дориан Грей, улыбаясь, завесил портрет и пошел в спальню, где его ждал камердинер. Через час он был уже в опере, и лорд Генри сидел позади, опираясь на его кресло.

Глава 9

На следующее утро, когда Дориан сидел за завтраком, пришел Бэзил Холлуорд.

– Очень рад, что встретил тебя, Дориан, – сказал он мрачно. – Я заходил вчера вечером, но мне сказали, что ты в опере. Конечно, я не поверил. Зря ты не сказал никому, куда на самом деле ушел. Я весь вечер переживал, чтобы вслед за одним несчастьем не случилось второе. Почему ты не отправил мне телеграмму, как только узнал? Я прочитал об этом случайно в выпуске «Глоуб», который попал мне на глаза в клубе. Я немедленно отправился к тебе, но, к сожалению, не застал. Я не могу передать словами, насколько меня тронуло это несчастье! Понимаю, как тяжело тебе сейчас. А где же ты вчера был? Видимо, ездил к ее матери? Сначала я тоже хотел отправиться туда – адрес я прочитал в газете. Это же где-то на Юстон-роуд? Но я побоялся, что буду там лишним. Чем можно помочь в такой ситуации? Несчастливая мать! Представляю, в каком она состоянии! Ведь это ее единственная дочь? Что она говорила?

– Дорогой Бэзил, откуда мне знать? – процедил Дориан Грей с выражением крайнего недовольства и скуки на лице, потягивая желтоватое вино из прекрасного, усеянного золотыми бусинками венецианского бокала. – Я был в опере. Тебе тоже стоило бы туда приехать. Я там познакомился с сестрой Гарри, леди Гвендолен, мы сидели у нее в ложе. Она просто очаровательная женщина, да и Патти пела божественно. Не стоит говорить о неприятных вещах. Если не говорить о чем-то, то его будто бы и нет. Как говорит Гарри, слова делают вещи настоящими. А насчет матери Сибилы, так у нее есть еще сын, по-моему, славный парень. Но он не актер. Он моряк или что-то вроде того. Но расскажи лучше о себе. Что ты сейчас пишешь?

– Ты был в опере? – медленно переспросил Бэзил, и в его голосе слышалась острая боль. – Ты поехал в оперу в то время, как тело Сибилы Вэйн лежало в какой-то грязной каморке? Ты способен говорить о красоте других женщин и о божественном пении Патти, пока девушка, которую ты любил, еще даже не обрела покой в могиле? Эх, Дориан, ты бы хоть подумал о тех ужасах, через которые еще предстоит пройти ее бедному маленькому телу!

– Прекрати, Бэзил! Я не хочу этого слышать! – крикнул Дориан и вскочил на ноги. – Более ни слова об этом. Что сделано, то сделано. Оставим прошлое в прошлом.

– Вчерашний день для тебя уже прошлое?

– Время здесь ни при чем. Только ограниченным людям нужны годы, чтобы освободиться от какого-либо чувства или впечатления. А человек, имеющий хотя бы немного самоконтроля, способен покончить с грустью так же легко, как найти новую радость. Я не хочу быть рабом своих переживаний. Я хочу использовать их, чтобы наслаждаться ими, и господствовать над ними.

– Дориан, это ужасно! Что-то сделало из тебя совсем другого человека. Внешне ты все тот же замечательный мальчик, который каждый день приходил ко мне в мастерскую позировать. Но тогда ты был искренний, непосредственный и добрый, ты был самым неиспорченным юношей на свете. А теперь... Даже не знаю, что с тобой случилось. Ты говоришь как бессердечный, безжалостный человек. Все это – влияние Гарри. Теперь мне ясно...

Дориан покраснел и, отойдя к окну, с минуту смотрел на зыбкое море зелени в залитом солнцем саду.

– Я многим обязан Гарри, – сказал он в конце концов. – В отличие от тебя, Бэзил. Все, что ты сделал для меня, – это научил тщеславию.

– Что же, жизнь уже наказала меня за это, Дориан, или когда-нибудь накажет.

– Я не понимаю, зачем ты это говоришь, Бэзил, – сказал Дориан, обернувшись. – И не знаю, что ты хочешь от меня. Говори, что тебе нужно.

– Мне нужен тот Дориан Грей, которого я писал, – с грустью ответил художник.

– Бэзил, – Дориан подошел и положил руку ему на плечо, – ты пришел слишком поздно. Вчера, когда я узнал, что Сибила покончила с собой...

– Покончила с собой! Господи помилуй! Неужели? – воскликнул Холлуорд, с ужасом глядя на Дориана.

– Друг мой, как ты мог подумать, что это просто несчастный случай? Конечно, она покончила с собой.

Художник закрыл лицо руками.

– Какой ужас! – прошептал он, вздрогнув.

– Да нет же, – сказал Дориан Грей. – В этом нет ничего ужасного. Это одна из величайших романтических трагедий нашего времени. Обычные актеры, как правило, живут крайне банально. Все они – примерные мужья или примерные жены – словом, скучные люди. Мещанская порядочность и все такое, ты понимаешь. Сибила была так непохожа на них! Она пережила свою величайшую трагедию. Она всегда оставалась героиней. В последний вечер, тот вечер, когда вы видели ее на сцене, она играла ужасно, потому что познала настоящую любовь. А когда это чувство оказалось недостижимым, она умерла, как умерла когда-то Джульетта. Она ушла из жизни, чтобы вернуться в искусство. Ее окружает ореол мученичества. Да, в ее смерти – весь бесполезный пафос мученичества, вся его бесполезная красота... Но, Бэзил, не думай, что я не страдал. Если бы ты пришел в другое время, вчера около половины шестого или за пятнадцать минут до шести, то застал бы меня в слезах. Даже Гарри, а именно он рассказал мне об этом, не подозревает, через что мне пришлось пройти. Я ужасно страдал. Но со временем это прошло. А я не могу дважды окунуться в одно и то же чувство. И никто не может, кроме крайне сентиментальных людей. Ты очень предвзято относишься ко мне, Бэзил. Ты пришел, чтобы утешить меня. Это крайне мило с твоей стороны. Но ты увидел, что я уже не нуждаюсь, чтобы меня утешали, и это тебя разозлило. Все вы, сочувствующие люди, такие! Это напоминает мне историю, которую мне рассказывал Гарри. Историю об одном филантропе, который двадцать лет потратил на борьбу с какими-то злоупотреблениями или несправедливым законом – я уже и не помню. В конце концов он достиг своей цели, и именно здесь его ждало жестокое разочарование. Его одолела скука, и он превратился в ярого мизантропа. К тому же, дорогой друг, если ты действительно хочешь меня утешить, то лучше научи, как забыть то, что произошло, или смотреть на это глазами художника. Кажется, Готье писал об утешении, которое мы находим в искусстве? Помню, однажды у тебя в мастерской мне попала на глаза книжка в веленовой обложке, и, листая ее, я наткнулся на замечательное выражение: «consolation des arts»⁹. Действительно, я несколько не похож на юношу, о котором ты мне рассказывал, когда мы вместе ездили в Марло. Он уверял, что желтый атлас может служить человеку утешением во всех жизненных неурядицах. Я люблю красивые вещи, которые можно трогать, держать в руках. Старинная парча, зеленая бронза, изделия из слоновой кости, красивое убранство комнат, роскошь, великолепие – все это дарит столько радости! Но все равно, самым важным для меня является инстинкт художника, который они пробуждают или хотя бы обнаруживают в человеке. Стать, как говорит Гарри, зрителем собственной жизни – это значит уберечь себя от земных страданий. Знаю, тебе странно слышать такое от меня. Ты еще не понял, насколько я повзрослел. Когда мы познакомились, я был еще мальчиком, а теперь я уже мужчина. У меня появились новые увлечения, новые мысли и взгляды. Да, я стал другим. Но, Бэзил, я не хочу, чтобы ты разлюбил меня за это. Я изменился, но нам следует оставаться друзьями все-

---

⁹ Утешение в искусстве (*фр.*).

гда. Конечно, я очень люблю Гарри. Но я знаю, что ты лучше, чем он. Ты не такой сильный человек, потому что слишком боишься жить, но ты лучше. А сколько счастливых мгновений мы разделили с тобой! Поэтому не оставляй меня, Бэзил, и не спорь со мной. Я такой, какой я есть, – ничего с этим не поделаешь.

Эти слова тронули Холлуорда. Юноша значил для него очень много, ведь именно знакомство с ним стало ключевым моментом для его творчества. Ему не хватало смелости, чтобы снова упрекать Дориана. В конце концов, его равнодушие могло быть вызвано проходящим перепадом настроения. В нем столько хорошего, столько благородства!

– Ну, хорошо, Дориан, – сказал он наконец с грустной улыбкой. – Я не буду больше вспоминать об этой страшной истории. Надеюсь, твое имя не будет в ней фигурировать. Следствие начинается сегодня. Тебя не вызывали?

Дориан покачал головой и раздраженно поморщился, услышав слово «следствие». Было в нем что-то грубое и вульгарное.

– Никто там не знает моей фамилии, – сказал он.

– Но девушка ведь знала?

– Только имя. К тому же я уверен, что она никому не называла его. Она мне рассказывала, что в театре все очень интересуются моей персоной, но на их вопросы она всегда отвечала, что меня зовут Прекрасный Принц. Это было так чудесно с ее стороны. Пожалуйста, Бэзил, напиши мне портрет Сибилы Вэйн. Мне хочется иметь в память о ней нечто большее, чем воспоминания о нескольких нежных поцелуях и страстных словах.

– Ладно, Дориан, попробую, если ты так хочешь. Но тебе и самому следует снова приходить позировать мне. Я не могу справиться без тебя.

– Я тебе больше никогда не будет позировать, Бэзил. Это невозможно! – почти крикнул Дориан, отступая.

Художник удивленно посмотрел на него.

– Что это еще за выдумки, Дориан? Разве тебе не нравится портрет, который я написал? А кстати, где он? Зачем ты завесил его тканью? Я хочу взглянуть на него. В конце концов, это мое лучшее произведение. Дориан, забери-ка ширму. Как твой дворецкий додумался спрятать его в самый дальний угол комнаты? Неудивительно, что, войдя в комнату, я сразу почувствовал, что чего-то не хватает.

– Дворецкий тут ни при чем, Бэзил. Неужели ты думаешь, что я позволяю ему расставлять вещи в комнатах по своему усмотрению? Он иногда выбирает для меня цветы – вот и все. Это я завесил портрет. На него падало слишком много света.

– Много света! Друг, что ты себе надумал? Это место прекрасно ему подходит. Дай-ка я посмотрю на него. – И Холлуорд отправился в тот угол, где стоял портрет.

С уст Дориана сорвался крик ужаса. Он быстро преградил художнику путь к картине.

– Не надо, Бэзил, – сказал он, очень побледнев, – тебе не стоит на него смотреть.

– Да ты шутишь?! Почему бы мне не взглянуть на свое собственное произведение? – засмеялся Холлуорд.

– Только попробуй, Бэзил, – и, честное слово, я забуду твое имя. Я говорю вполне серьезно. Я не собираюсь ничего объяснять, можешь даже не спрашивать. Но помни: одно прикосновение к картине – и нашей дружбе конец.

Такое поведение Дориана стало для Холлуорда громом среди ясного неба. Никогда еще он не видел его таким. Юноша побледнел от ярости. Его руки были сжаты, а глаза походили на очаги голубого пламени. Он весь дрожал.

– Дориан!

– Помолчи, Бэзил!

– Господи, да что случилось? Не буду я смотреть, если уж ты настолько против, – сухо сказал художник, развернувшись на каблуках и отойдя к окну. – Но это просто ерунда –

запрещать мне смотреть на картину моей собственной кисти! Заметь, осенью я хочу отправить ее на выставку в Париж, а перед этим, наверное, понадобится заново покрыть ее лаком. А это значит, что мне все равно придется осмотреть ее, – так почему бы не сделать это сегодня?

– На выставку? Ты хочешь выставить портрет? – переспросил Дориан Грей, чувствуя, как его переполняет безумный страх. Следовательно, его тайна откроется всему миру? Люди будут с интересом глазеть на самое сокровенное в его жизни? Этого нельзя допустить! Надо немедленно что-то сделать, как-то помешать этому. Но как?

– Именно так. Ты же не против? – продолжал художник. – Жорж Пети намерен собрать лучшие мои работы в специальной экспозиции на улице Сэз в первых числах октября. Портрет заберут ненадолго – может быть, на месяц. Надеюсь, тебе не сложно будет расстаться с ним на такой незначительный промежуток времени. К тому же ты, скорее всего, и сам будешь за городом в это время. В конце концов, раз ты держишь его за ширмой, то не настолько уж он тебе и нужен.

Дориан Грей положил руку на лоб и вытер капли пота. Он чувствовал, что стоит на пороге гибели.

– Но месяц назад ты говорил, что ни за что его не выставишь! – воскликнул он. – Отчего же ты передумал? Ты, так же как и все люди, которые рассказывают о твердости своих намерений, с легкостью меняешь их. Разница лишь в том, что причиной этих изменений являются только вам самим понятные прихоти. Ты же помнишь, как клялся, что ни за что на свете не отправишь мой портрет на выставку? То же самое ты говорил Гарри.

Вдруг Дориан остановился, и в его глазах засиял огонек. Он вспомнил, как однажды лорд Генри сказал ему, несколько шутя: «Когда захочешь интересно провести четверть часа, заставь Бэзила объяснить, почему он не хочет выставлять твой портрет. Когда он рассказал об этом мне, это стало для меня настоящим откровением». Получается, что Бэзил также держит скелет в шкафу! Стоит узнать, что к чему.

– Бэзил, – сказал он, подойдя вплотную к Холлуорду и заглянув ему в глаза, – у каждого из нас есть своя тайна. Поделись своей со мной, а я расскажу тебе свою. Почему ты не хотел выставлять мой портрет?

Художник невольно вздрогнул.

– Дориан, если я расскажу, то ты, скорее всего, будешь хуже относиться ко мне и начнешь надо мной смеяться. А это было бы для меня невыносимо. Если ты хочешь, чтобы я больше никогда не пытался взглянуть на портрет, пусть будет так. Ведь у меня есть ты – я всегда смогу видеть тебя. Ты хочешь скрыть от мира лучшее произведение моей жизни? Ну что же, так тому и быть. Твоя дружба для меня дороже славы.

– Нет, Бэзил, ты должен ответить на мой вопрос, – настаивал Дориан Грей. – Я считаю, что имею право знать.

На смену страху пришел интерес. Он был намерен узнать тайну Холлуорда.

– Сядем, Дориан, – сказал тот со взволнованным видом. – Я должен спросить тебя кое-что. Ты не заметил ничего особенного в портрете? Ничего такого, что сначала, возможно, в глаза не бросалось, но потом внезапно открылось тебе?

– Бэзил! – воскликнул Дориан, дрожащими руками сжимая подлокотники кресла и глядя на художника глазами, полными ужаса.

– Вижу, что заметил. Ничего не говори, Дориан, сначала выслушай меня. С того самого момента, когда мы с тобой встретились впервые, я почувствовал, что ты влияешь на меня самым удивительным образом. Ты каким-то непонятным образом властвовал над моей душой, мозгом, талантом, был для меня воплощением того идеала, который всю жизнь витает перед художником, будто несбыточная мечта. Я обожал тебя. Стоило тебе заговорить с кем-нибудь, и я уже ревновал. Я хотел сохранить тебя только для себя и чувствовал себя

счастливым, лишь когда ты был со мной. И даже когда тебя не было рядом, ты был со мной, воплощаясь в моем творчестве. Конечно, я ни слова не говорил об этом. Ты бы не понял, да я и сам не мог это полностью понять. Я чувствовал только, что имею перед глазами совершенство, и от того представлял мир прекрасным – пожалуй, слишком прекрасным, потому что такие душевные восхищения опасны. Не знаю даже, что страшнее – их власть над душой или разочарование от их потери. Шли недели, а я был все больше увлечен тобой. Наконец мне пришло в голову что-то новое. Я уже написал тебе в образе Париса в блестящих доспехах и Адонисом в костюме охотника, с острым копьем в руках. Ты сидел на носу корабля императора Адриана в венке из тяжелых цветов лотоса и смотрел на мутные воды зеленого Нила. Ты склонялся над озером в одной из рощ Греции, любуясь своей удивительной красотой в тихом серебре его вод. Эти образы, как того требует настоящее искусство, были интуитивными, идеальными, далекими от действительности. Но в один прекрасный или, как мне иногда кажется, роковой день я решил написать твой портрет, написать тебя настоящего, не в одежде прошлых веков, а в современном костюме и в современной обстановке. Не знаю, что стало решающим фактором – реалистичная манера или твое очарование, что предстало передо мной теперь непосредственно, ничем не замаскированное. Но когда я писал, мне казалось, что каждый мазок, каждый штрих и цвет раскрывают мою тайну. И я боялся, что, увидев портрет, люди поймут, как я обожаю тебя, Дориан. Я чувствовал, что высказал слишком много в этом портрете, вложил в него слишком большую часть себя. Именно поэтому я решил ни за что не выставлять его. Тебе было обидно, но ты еще не знал моих мотивов. А Гарри посмеялся надо мной, когда я рассказал ему об этом. Но это не имело значения. Когда я посмотрел на уже готовый портрет, я почувствовал, что был прав... А через несколько дней его увезли из моей мастерской, и, как только на меня перестало давить его присутствие, мне показалось, что все это выдумки и в портрете нет ничего, кроме твоей красоты и моего вдохновения. Мне до сих пор кажется, что я ошибался, что чувства художника не отражаются в его творении. Искусство гораздо более абстрактно, чем мы думаем. Форма и краски могут рассказать нам лишь о форме и красках. Мне часто приходит в голову, что искусство в большей степени скрывает художника, чем разоблачает его. Поэтому, когда я получил предложение из Парижа, я решил, что твой портрет станет центральным экспонатом моей выставки. Я и представить не мог, что ты станешь возражать. Но я понял, что ты прав, – не следует выставлять портрет. Не сердись, Дориан. Как я говорил прежде Гарри, ты просто создан для того, чтобы тебя любили.

Дориан Грей облегченно выдохнул. Его щеки снова порозовели, а на устах появилась улыбка. Опасность миновала. Пока ему ничто не угрожает. Он невольно сочувствовал художнику, услышав его странную исповедь, и спрашивал себя, способен ли и он когда-то настолько увлечься своим другом. Лорд Генри привлекал его только как источник риска и опасности. Он слишком умен и слишком циничен, чтобы восхищаться им. Найдет ли Дориан собственного кумира? Суждено ли ему познать и это?

– Дориан, я поражен тем, что ты разглядел это в портрете, – сказал Бэзил Холлуорд. – Ты действительно это заметил?

– Я заметил кое-что, что поразило меня до глубины души.

– Ну а теперь я могу взглянуть на портрет?

Дориан покачал головой:

– Нет, Бэзил, даже не проси. Я не позволю тебе открыть картину.

– Так, может, в другой раз?

– Никогда.

– Что ж, пожалуй, ты имеешь на это причины. Всего хорошего, Дориан. Ты – единственный, кто по-настоящему повлиял на мое творчество. И всем тем прекрасным, что я

написал, я обязан тебе. Ты даже не представляешь, как сложно мне было говорить тебе все то, что я сказал.

– Да что же ты такого сказал, дорогой Бэзил? Что ты увлекался мной больше, чем следовало? Это же даже не комплимент.

– Это действительно был не комплимент. Это была исповедь. И после нее я будто что-то потерял. Пожалуй, никогда не следует вкладывать свои чувства в слова.

– Я ожидал большего от твоей исповеди, Бэзил.

– Ты о чем? Чего ты ожидал, Дориан? Ты еще что-то заметил в портрете?

– Да нет. А почему ты спрашиваешь? Я не о том. Это глупо с твоей стороны – говорить об обожании. Бэзил, мы с тобой друзья и так должно быть всегда.

– У тебя есть Гарри, – мрачно сказал Холлуорд.

– Гарри! – Дориан рассмеялся. – Гарри днями занят тем, что говорит невозможные вещи, а по вечерам воплощает их в жизнь. Такая жизнь мне по вкусу. Но в трудную минуту я вряд ли обратился бы к Гарри. Скорее к тебе, Бэзил.

– Ты будешь снова позировать мне?

– Ни в коем случае!

– Своим отказом ты убиваешь меня как художника. Никто не встречает свой идеал дважды в жизни. Даже однажды встретить его – огромная удача.

– Я не смогу тебе этого объяснить, Бэзил, но я не смогу больше позировать тебе. Каждый портрет имеет свою судьбу. Он живет собственной жизнью. Я буду приходить к тебе на чай. Это не менее приятно.

– Для тебя, наверное, даже приятнее, – огорченно пробормотал Холлуорд. – До свидания, Дориан. Очень жаль, что ты не позволил мне взглянуть на портрет. Но ничего не поделаешь. Я тебя понимаю.

Когда он вышел из комнаты, Дориан усмехнулся про себя. Бедный Бэзил, он и представить не мог истинной причины! И как же странно, что Дориану удалось не только сохранить свою тайну, но и вытянуть тайну из друга! После исповеди Бэзила Дориан наконец понял, что было причиной его бессмысленных вспышек ревности и его страстной привязанности, восхищенных дифирамбов, а иногда его странной сдержанности и таинственности. Это навело грусть на Дориана. Было в такой дружбе на грани влюбленности что-то трагичное.

Он вздохнул и вызвал звонком дворецкого. Портрет нужно было спрятать во что бы то ни стало. Нельзя рисковать этой тайной. Даже на час оставить портрет в комнате, куда может прийти любой из знакомых, было страшной глупостью с его стороны.

Глава 10

Когда дворецкий вошел, Дориан пристально посмотрел на него, размышляя, не надумал ли он случайно взглянуть за ширму. Тот стоял с равнодушным видом и ждал распоряжений. Дориан закурил и, подойдя к зеркалу, посмотрел туда. В нем он четко видел лицо Виктора. На нем было невозмутимое и услужливое выражение. Тут нечего бояться. И все же лучше быть настороже.

Он попросил Виктора позвать экономку и сходить к багетному мастеру, чтобы тот прислал ему двух своих помощников. На мгновение ему показалось, что Виктор с интересом смотрел в сторону портрета. Или это ему просто почудилось?

Через несколько минут в библиотеку прибежала миссис Лиф в черном шелковом платье и старомодных перчатках на морщинистых руках. Дориан попросил у нее ключ от бывшей классной комнаты.

– От старой классной комнаты, мистер Дориан? – переспросила она. – Там же полно пыли! Нужно для начала убрать и навести порядок. А сейчас вам не следует ходить туда!

– Мне не надо, чтобы там убирали, миссис Лиф. Мне нужен только ключ.

– Но, сэр, вы будете весь в паутине, если войдете туда. Комнату уже лет пять не открывали – с тех пор как умерли их светлость.

Дориан вздрогнул при мысли о своем деде. Он всегда вспоминал старика с ненавистью.

– Это не имеет значения! – ответил он. – Я просто хочу осмотреть комнату, вот и все. Дайте мне ключ.

– Пожалуйста, вот он, – сказала пожилая женщина, перебирая дрожащими пальцами связку ключей. – Сейчас сниму со связки. Но вы же не думаете перебираться туда, сэр, вам ведь и здесь удобно?

– Никуда я не собираюсь, – раздраженно сказал Дориан. – Спасибо, миссис Лиф. Это все.

Она еще несколько минут постояла, расспрашивая, как ей лучше вести хозяйство. Вздохнув, Дориан сказал, что полностью доверяет ей. Экономка, улыбающаяся и счастливая, наконец вышла из комнаты.

Когда дверь за ней закрылась, Дориан положил ключ в карман и осмотрел комнату. Ему на глаза попало пурпурное атласное покрывало, богато расшитое золотом, – замечательный образец венецианского искусства конца семнадцатого века. Его дед нашел это покрывало где-то в монастыре близ Болоньи. Именно в него он завернет эту ужасную вещь. Его, видимо, часто использовали, чтобы укрывать покойников. А теперь оно будет прятать гниения страшнее и отвратительнее, чем гниения трупа, ведь они могут вызвать такой же ужас, но никогда не закончатся. Как черви точат мертвеца, так грехи Дориана будут разъедать его образ на холсте. Они уничтожат его красоту. Они осквернят этот портрет и покроют его позором. Но, несмотря на все это, портрет будет жить.

Дориан вздрогнул. На мгновение он пожалел, что не сказал художнику, почему завесил портрет. Бэзил помог бы ему сопротивляться и влиянию лорда Генри, и еще более губительному влиянию собственного характера. Любовь Безила к нему – потому что это действительно любовь – чувство высокое и благородное. Это не просто порожденное физическими ощущениями восхищение красотой – увлечение, которое умирает, когда ощущения слабеют. Нет, это такая любовь, которую познали Микеланджело, Монтень, Винкельман¹⁰ и Шекспир. Да, Бэзил мог бы спасти его. Но теперь уже слишком поздно. Прошлое всегда можно исправить – искуплением, отречением или забвением, но будущее неизбежно. Он чувствовал, как

---

¹⁰ Винкельман Иоганн Иоахим (1717–1768) – выдающийся немецкий теоретик искусства.

в нем кипели страсти, которые не приведут его ни к чему хорошему, как пробуждались фантазии, что, осуществившись, покроют его жизнь мрачной тенью.

Он снял с кушетки пурпурно-золотую ткань и, держа ее в руках, зашел за ширму. Не стало ли лицо на полотне еще уродливее? Вроде бы нет, однако Дориану стало еще отвратительнее смотреть на него. Золотистые кудри, голубые глаза, красные губы – все, как было. Только выражение лица изменилось. Оно ужасало своей жестокостью. По сравнению с тем, что он видел на портрете, упреки Бэзила казались такими ничтожными! Его собственная душа смотрела на него с полотна и требовала поплатиться за все. Обожженный болью, Дориан быстро накрыл портрет. В тот же миг постучали в дверь и в комнату вошел дворецкий.

– Люди уже пришли, мсье.

Дориан решил, что от Виктора надо сразу же избавиться. Нельзя, чтобы он знал, куда спрячут портрет. Было в нем что-то ненадежное, в его глазах светились ум и хитрость. Сев за стол, Дориан написал записку лорду Генри, в которой попросил посоветовать ему какую-нибудь интересную книгу и напомнил, что сегодня они должны встретиться в четверть девятого.

– Дождетесь ответа, – сказал он, отдавая записку слуге. – А рабочих проведите сюда.

Через несколько минут в дверь снова постучали, и появился сам мистер Хаббард, известный багетный мастер с Саут-Одли-стрит, вместе со своим молодым, несколько грубоватым на вид помощником. Мистер Хаббард был маленького роста человек с рыжими бакенбардами. Его увлечение искусством в значительной степени ослабляла беспросветная нищета большинства художников, которые имели с ним дело. Обычно он не оставлял своей мастерской, предпочитая, чтобы заказчики сами приходили к нему. Но для Дориана Грея он всегда делал исключение. Дориан привлекал всех – даже видеть его было приятно.

– Чем могу помочь, мистер Грей? – спросил мастер, потирая свои широкие руки. – Это для меня честь – лично посетить вас. Я только что получил прекрасную раму, сэр. Приобрел на аукционе. Старинная флорентийская работа, из Фонтхилла, кажется. Подходит к картинам на религиозную тематику, мистер Грей.

– Простите, что вам пришлось покинуть мастерскую, мистер Хаббард. Я обязательно загляну к вам, чтобы взглянуть на раму, хотя в последнее время не слишком интересуюсь религиозной живописью. А сегодня мне надо просто перенести одну картину наверх. Она довольно тяжелая, поэтому я и попросил у вас людей.

– Не стоит извиняться, мистер Грей! Я очень рад вам пригодиться. Где эта картина, сэр?

– Вот она, – ответил Дориан. – Вы сможете перенести ее, как она есть, накрытой? Я боюсь, чтобы ее не поцарапали на лестнице.

– Конечно, сэр, – любезно ответил мастер, снимая вместе с помощником картину с длинной медной цепи, на которой она висела. – Куда несем, мистер Грей?

– Я покажу дорогу, мистер Хаббард. Следуйте за мной, пожалуйста. Хотя, вам, наверное, лучше идти впереди. К сожалению, это под самой крышей. Мы пойдем парадным ходом, там широкие лестницы.

Он открыл перед ними дверь, и, пройдя через зал, они начали подниматься. Картина имела массивную резную раму, и нести ее было очень неудобно, поэтому иногда Дориан пытался помочь рабочим, несмотря на лживые протесты мистера Хаббарда – багетчику, человеку труда, было крайне странно видеть, как джентльмен делает что-то полезное.

– Да уж, сэр, груз и впрямь немаленький, – пытаюсь отдышаться, сказал мастер, когда они поднялись по лестнице, и вытер вспотевший лоб.

– Да, картина тяжеловата, – сказал Дориан, открывая дверь в комнату, которая должна была отныне хранить странную тайну его жизни и прятать его душу от людских глаз.

Прошло более четырех лет с тех пор, как он в последний раз сюда заходил. Когда он был ребенком, здесь была его детская комната, а когда подросток – классная. Покойный лорд Келсо специально обустроил это просторное помещение для своего маленького внука, которого ненавидел за то, что он был очень похож на мать, да и по другим причинам тоже, и поэтому старался держать подальше от себя. По мнению Дориана, комната почти не изменилась. Так же стоял тут массивный итальянский сундук кассоне с причудливо раскрашенными стенками и потускневшими золочеными украшениями – Дориан в детстве часто прятался в нем. На месте был и книжный шкаф из атласного дерева с множеством потрепанных учебников на полках. А за ним на стене висел все тот же затертый фламандский гобелен, на котором выцветшие король и королева играли в шахматы в саду, а мимо проезжала верхом группа охотников, держа на латных рукавицах соколов. Насколько же ярки все эти воспоминания! Каждое мгновение его одинокого детства представляло перед ним, пока он оглядывался вокруг. Он вспомнил незапятнанную чистоту своих мальчишеских лет, и ему стало не по себе от мысли, что этот роковой портрет будет скрыт именно здесь. Разве мог он тогда подумать, что его ждет такое будущее...

Но в доме нет тайника надежнее. Ключ у него, поэтому никто посторонний не сможет сюда войти. Укрытое пурпурным саваном, лицо на полотне может тупеть, становиться похотливым и развратным. Что с того? Никто этого не увидит. Он и сам не будет на это смотреть. Зачем ему смотреть на гадкий упадок собственной души? Он будет оставаться юным – и этого достаточно... В конце концов, почему бы ему не исправиться? Разве ему суждено совсем позорное будущее? Он еще может встретить любовь, которая очистит его и защитит от тех грехов, которые уже поселились в его душе и теле, – от тех странных, еще неизведанных грехов, окутанных соблазнительными чарами таинственности. Может, когда-то с его прекрасных уст исчезнет жестокое выражение, и он сможет показать миру шедевр Бэзила Холлурда...

Нет, не бывать этому никогда! Образ на холсте будет стареть день за днем. Он может избежать отблеска безнравственности и разврата, но безобразная старость неизбежно победит его. Его щеки станут впалыми. В уголках потускневших глаз появятся отвратительные морщинки. Волосы потеряют свой блеск, а рот исказит бессмысленная гримаса, присущая всем старикам, губы же обвиснут. Шею покроют морщины, на холодных руках вздуются синие вены, спина станет согбенной, как у его деда, который так строго относился к нему. Нет, у него нет выбора. Портрет нужно спрятать.

– Пожалуйста, внесите картину внутрь, мистер Хаббард, – устало сказал Дориан, обернувшись к мужчинам. – Извините, что задержал вас. Я немного задумался.

– Не беспокойтесь, мистер Грей, я был рад отдохнуть, – ответил мастер, все еще тяжело дыша. – Где мы ее поставим, сэр?

– Да где угодно. Вот хотя бы здесь. Вешать не надо. Только прислоните ее к стене. Спасибо.

– А можно хотя бы одним глазком взглянуть, что там нарисовано, сэр?

Дориан вздрогнул.

– Вас это не заинтересует, мистер Хаббард, – сказал он, не сводя глаз с мастера. Он был готов наброситься на него, как дикий зверь, если бы тот только попробовал приподнять завесу над тайной его жизни. – Что ж, не буду вас больше задерживать. Спасибо, что потрудились прийти лично, мистер Хаббард.

– Ничего, мистер Грей, пустое. Я всегда к вашим услугам, сэр.

И мистер Хаббард, тяжело ступая, двинулся вниз, за ним последовал и его помощник, который не сводил восторженных глаз с Дориана, ведь ему еще никогда не приходилось встречать столь красивых людей. Когда их шаги стихли, Дориан запер дверь и положил ключ

в карман. Теперь ему ничто не угрожает. Теперь никто уже не сможет увидеть этот ужасный портрет. Только он сможет наблюдать собственный позор.

Спустившись в библиотеку, он заметил, что уже пошел шестой час и его ждал чай. На восьмиугольном столике из темного дерева, щедро инкрустированном перламутром (это был подарок леди Рэдли, жены его опекуна, вечно больной женщины, которая этой зимой жила в Каире), лежала записка от лорда Генри и рядом книжка в желтой, немного потрепанной обложке, а на чайном подносе – свежий выпуск газеты. Очевидно, Виктор уже вернулся. А не встретил ли он рабочих, когда те выходили из дома? И не разузнал ли у них, чем они здесь занимались? Виктор, конечно, заметит, что портрет исчез, наверное, уже заметил, когда подавал чай. Пустое место на стене было четко видно. Возможно, одной ночью он заметит, как Виктор крадется вверх, чтобы выломать дверь в комнату. Как это ужасно – жить в одном доме со шпионом. Дориан слышал множество рассказов о том, как богачей всю жизнь шантажировали собственные слуги, которым удалось прочесть хозяйское письмо, подслушать разговор, найти визитку или обрывок кружева на кровати.

Дориан вздохнул и, налив себе чаю, распечатал записку. Лорд Генри писал, что посылает вечернюю газету и книгу, которая может заинтересовать Дориана, и что он будет в клубе в четверть девятого. Дориан взял в руки газету и безразлично стал ее просматривать. На пятой странице его взгляд наткнулся на отметку красным карандашом. Он прочитал выделенное место: «Следствие по делу о смерти актрисы. Сегодня утром в Бел-Тевверн на Гокстон-род участковый следователь мистер Денби провел допрос по поводу смерти Сибилы Вэйн, молодой актрисы, недавно приглашенной на контракт в театр «Роял» в Голборне. Констатирована смерть от несчастного случая. Глубокое сочувствие вызвала мать покойной, которая была в чрезвычайно взволнованном состоянии, когда давала показания, а также когда показания давал доктор Бирел, который совершил вскрытие тела покойной».

Дориан нахмурился и, разорвав газету, выбросил ее из окна. Какая мерзость! Зачем эти гадкие детали?! Он даже несколько обиделся на лорда Генри за то, что тот прислал ему эту заметку. И уж совсем глупо было отмечать ее красным карандашом – Виктор мог же прочитать! Для этого он достаточно хорошо знает английский.

А может, Виктор уже прочитал и что-то заподозрил? И все же, какое это имело значение? Разве Дориан Грей имеет хоть какое-то отношение к смерти Сибилы Вэйн? Он не убивал ее, поэтому и бояться ему нечего.

Взгляд Дориана остановился на желтой книге, присланной лордом Генри. Что же там в ней такого интересного? Подойдя к перламутровому столику, который всегда казался ему изделием странных египетских пчел, что лепили серебряные соты, он удобно устроился в кресле и раскрыл книгу. Прошло всего несколько минут, а произведение уже поглотило Дориана. Это была удивительнейшая книга из всех, что он когда-либо читал. Дориан чувствовал, как под нежные звуки флейты перед ним немым калейдоскопом проходят грехи всего мира! То, о чем он только бессознательно мечтал, теперь он видел перед собой. И даже то, о чем он никогда не решался мечтать, разворачивалось у него на глазах.

Это был роман без сюжета и только с одним героем. Это было что-то вроде психологического исследования о молодом парижанине, который в девятнадцатом веке пытался совместить в себе все страсти и мировоззрения прошлого, чтобы познать все те состояния, через которые в разное время проходила человеческая душа. Он увлекался искусственностью самоотвержений, которые ограниченные люди называют добродетелями, а также восстаниями плоти, которые мудрецы до сих пор называют грехами. Роман был написан в филигранном стиле, одновременно ярком и непонятном. Он был насыщен жаргоном, архаизмами и выражениями из сферы техники. Без сомнения, роман принадлежал перу одного из самых выдающихся представителей французской школы символистов. В нем были огромные, как орхидеи, метафоры с таким же нежным окрасом. Чувственная жизнь изображалась

средствами мистической философии. Иногда было даже сложно сказать, о чем читаешь – о духовных переживаниях некоего средневекового святого или о мрачной исповеди современного грешника. Книга была будто бы пропитана ядом. С ее страниц поднимался густой аромат, затуманивая сознание. Ритм ее предложений, успокаивающая монотонность их музыки, осложненные рефрены и частые повторы – все это возбуждало в воображении Дориана причудливые мечты. Он читал главу за главой, не замечая, что уже вечерет.

На безоблачном небе за окном уже показалась первая звезда. Дориан читал, пока темнота вовсе не поглотила буквы. И только тогда, после нескольких напоминаний дворецкого о том, что уже поздно, он встал и, пройдя в смежную комнату, положил книгу на маленький флорентийский столик рядом со своей кроватью. Затем начал переодеваться к ужину.

Был уже почти девятый час, когда он прибыл в клуб, где, ожидая его, в одиночестве скучал в небольшом салоне лорд Генри.

– Прости, Гарри, – сказал Дориан, – но ты сам виноват. Эта твоя книга так увлекла меня, что я совсем забыл о времени!

– Я знал, что она тебе понравится, – ответил лорд Генри, вставая с кресла.

– Я не сказал, что она мне понравилась. Я сказал, что она увлекла меня. Это совершенно разные вещи.

– Ты уже понял разницу? Замечательно, – улыбнулся лорд Генри, и они пошли в столовую.

Глава 11

Дориан Грей на протяжении долгих лет не мог освободиться из-под власти этой книги. А точнее, даже не пытался. Он выписал из Парижа целых девять экземпляров, роскошно изданных, и заказал для них переплеты разных цветов, так чтобы они гармонировали с его настроениями и прихотями изменчивой фантазии, над которой он, казалось, уже почти полностью потерял контроль. Герой книги, прекрасный молодой парижанин, в котором удивительным образом сочетались характер романтика и ум ученого, стал для Дориана словно собственным отражением. И роман в целом казался ему историей его собственной жизни, написанной еще до того, как он прожил эту жизнь на самом деле.

Но в одном Дориану повезло больше, чем герою романа. Он никогда не знал – и ему не суждено было узнать – того жуткого ужаса перед зеркалами, перед гладкими металлическими поверхностями или тихими водами, ужаса, что так быстро охватил юношу из книги, когда он вдруг потерял свою волшебную красоту. Дориан с жестокой радостью – ведь радость, а тем более наслаждение всегда несут в себе долю жестокости – перечитывал последнюю часть книги, в которой крайне эмоционально, хотя и несколько преувеличенно изображалось отчаяние человека, потерявшего то, что он больше всего ценил в других.

Действительно, Дориану было чему радоваться, ведь, судя по всему, его красота, которая так очаровала Бэзила Холлуорда и многих других, никогда его не покинет. Даже те, кто слышал самые гадкие слухи о Дориане и его распутном образе жизни, которые время от времени ходили по всему Лондону, не могли поверить в его бесчестье, когда видели мистера Грея собственными глазами. Он всегда выглядел так, будто его не задел грязный грех. Те, кто рассказывали ужасные вещи о нем, смущались и замолкали, как только он заходил в комнату. Казалось, незабываемая чистота его лица была для них укором. Одним своим присутствием он будто напоминал им о собственном несовершенстве. Они удивлялись тому, как такой обаятельный человек избежал соблазнов и грехов своего низменного и развращенного времени.

Часто он надолго исчезал из общества, порождая таким образом различные подозрения среди друзей и тех, кто себя таковыми считал, а вернувшись, тайком поднимался в замкнутую классную комнату, ключ от которой всегда имел при себе, открывал ее и становился с зеркалом в руках перед собственным портретом, глядя то на злобное, все более стареющее лицо на полотне, то на прекрасное и все еще юное лицо, которое смотрело на него из зеркала. Чем большей становилась разница, тем больше наслаждения это ему приносило. Он все больше влюблялся в собственную красоту и все более заинтересованно наблюдал за гибелью собственной души. Так с тревогой, а то и с жутким восторгом он смотрел на гадкие складки, что вспахивали морщинистый лоб и чувственные губы, и спрашивал себя иногда: что более отталкивающе – отражение распушенности или отпечаток возраста? Он прикладывал свои белые руки к грубым и сухим рукам на портрете и смеялся. Он смеялся над искореженным и изуродованным телом на картине.

Однако иногда, по ночам, лежа без сна в собственной спальне или в грязной каморке таверны у доков, куда он часто наведывался переодетый и под чужим именем, Дориан с сожалением думал о тех ужасных вещах, которые он совершил с собственной душой, а хуже всего было то, что это сожаление было вызвано лишь эгоизмом. Впрочем, такое случалось нечасто. Чем активнее он утолял жажду жизни, которую разбудил в нем лорд Генри в саду у Бэзила, тем острее он чувствовал ее. Чем больше он узнавал, тем больше он стремился узнать. Он никак не мог утолить эту безумную жажду.

Несмотря на это, ему хватало благоразумия, чтобы не пренебрегать законами светской жизни. Раз или два в месяц зимой и каждую среду летом он принимал у себя гостей, которые имели возможность наслаждаться игрой лучших в этом сезоне музыкантов. Его обеды, в

организации которых ему всегда помогал лорд Генри, отличались как тщательным отбором и расположением гостей, так и утонченным вкусом в убранстве стола: экзотические цветы, роскошно вышитые скатерти, старинная серебряная и золотая посуда представляли собой настоящую симфонию. Многие, особенно среди молодежи, видели в Дориане Грее воплощение идеала своих студенческих лет в Итоне или Оксфорде, идеала, который должен был совместить в себе высокую культуру ученого с изяществом и совершенными манерами светского человека. Дориан Грей казался им одним из тех, кто, как говорил Данте, «стремятся облагородить душу поклонением красоте». Он был тем, для кого, как для Готье, «существует видимый мир».

Сама жизнь была для Дориана важнейшим и самым прекрасным из искусств, к которому остальные искусства только готовили человека. Он не пренебрегал ни модой, которая может воплотить невероятное, ни дендизмом, который, по его мнению, стремился сделать относительное понимание красоты абсолютным. Его одежда и стиль, который он иногда менял, оказывали значительное влияние на молодых щеголей на балах в Мейфэйре и в клубах Пэлл-Мэлл. Они стремились подражать ему даже в мелочах, на которые сам Дориан никогда не обращал внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.